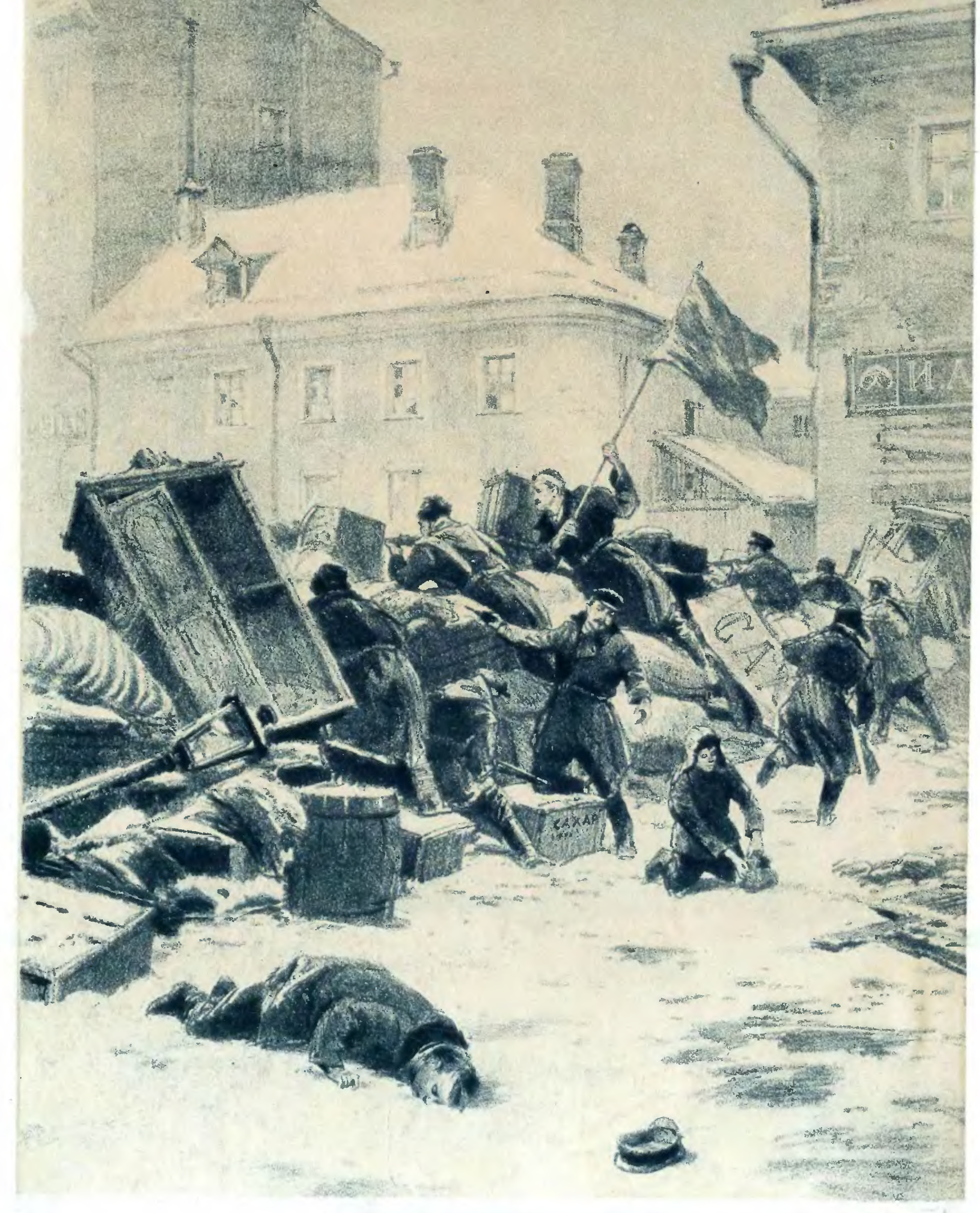

ОГОНЁК

№ 50 ДЕКАБРЬ 1955
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В. В. Богаткин. МОСКВА. 1905 ГОД. НА БАРРИКАДЕ.

На первой странице обложки: **Н. А. Долгоруков.** Рисунок из серии «ГРОЗНЫЙ ДЕВЯТЬСОТ ПЯТЫЙ».

На последней странице обложки: В горах Заилийского Ала-Тау. Излюбленное место тренировок горнолыжников.

Фото Н. Драчинского.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 50 (1487) 11 ДЕКАБРЯ 1955

33-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Встреча на аэродроме. Слева направо: Премьер-Министр Бирманского Союза У Ну, Н. С. Хрущев и Н. А. Булганин.

ПРЕБЫВАНИЕ Н. А. БУЛГАНИНА и Н. С. ХРУЩЕВА В БИРМЕ

Жители Рангуна тепло приветствуют советских руководителей.

Жители Бангалора — главного города штата Майсор — приветствуют советских гостей.

МИССИЯ ДРУЖБЫ

Председатель Совета Министров СССР Николай Александрович Булганин, Член Президиума Верховного Совета СССР Никита Сергеевич Хрущев и сопровождающие их лица продолжают свою поездку. После посещения индийских городов — Бомбея, Пуны, Бангалора, Коимбатора, Мадраса, Калькутты — гости из Советского Союза прибыли в Рангун — столицу Бирманского Союза. Через день Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев вылетели в автономное государство шанов, находящееся в северо-восточной части Бирмы.

Посетив столицу Шанского государства и ряд мест этой страны, Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев возвратились в Рангун. 6 декабря там состоялось подписание Совместного заявления Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина, Члена Президиума Верховного

Прогулка по озеру Кхадакваслa.

Совета СССР Н. С. Хрущева и Премьер-Министра Бирманского Союза У Ну. В Заявлении указывается, что отношения между Советским Союзом и Бирманским Союзом, которые всегда были искренними и дружественными, основываются и будут основываться на прочных принципах взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета, ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования и экономического сотрудничества.

Из Рангуна самолет вновь перенес советских гостей в Индию.

Повсюду руководители Советского Союза встречали выражения братской любви и искренних дружеских чувств индийского и бирманского народов к народам нашей страны.

В Национальной академии обороны, расположенной близ Пуны. На завтраке, устроенном в честь советских гостей, выступил Н. А. Булганин.

Национальная академия обороны. Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев на военно-спортивных соревнованиях.

Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев посетили опытную сельскохозяйственную станцию в 30 километрах от города Пуны, где изучаются проблемы рисоводства.

Фото специального корреспондента «Огонька» Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

АВСТРИЙСКАЯ ПАРЛАМЕНТСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ В СССР

3 декабря в Кремле состоялась встреча Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова, первого Заместителя Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояна, первого Заместителя Председателя Совета Министров СССР и Министра иностранных дел СССР В. М. Молотова с членами парламентской делегации Австрии, гостившей в Советском Союзе по приглашению Верховного Совета СССР.

Прощаясь с австрийскими парламентариями, К. Е. Ворошилов попросил их передать сердечный привет от имени Президиума Верховного Совета СССР Парламенту Австрии и руководителям австрийского государства — Федеральному Президенту г-ну Т. Кернеру и Федеральному Канцлеру г-ну Ю. Раабу.

В воскресенье 4 декабря австрийские парламентарии выехали из Москвы на родину.

Фото А. Новикова.

ДНИ, КОТОРЫХ НЕ ЗАБЫТЬ

Ф. И. ТРУБИЦЫН,

столяр бывшей фабрики Шмидта

Я медленно вышел за ворота. Торопиться было некуда и незачем. Неподалеку от проходной стояло еще несколько человек. Их, так же как и меня, только что выгнали из Брестских железнодорожных мастерских.

Не спеша пошли мы все вместе по Малой Грузинской улице, перебрасываясь скупыми фразами. О чем было говорить? Каждый думал о своем, каждый знал, что вряд ли кто из хозяев захочет нанять на работу организаторов стачки, что впереди длительная безработица, трудная жизнь на случайные заработки. Но удивительное дело! Ни уныния, ни даже растерянности не было среди нас. Случись это год — два назад, возможно, мы бы и приуныли, но теперь...

Готовясь к стачке, мы прошли немалую политическую школу и имели за плечами короткий, но суровый опыт участия в сходках, маевках, распространении листовок... Мы научились ценить силу и сплоченность нашей организации РСДРП и твердо знали: товарищи не оставят нас в беде.

Так и было. Вскоре меня устроили на работу на фабрику Н. П. Шмидта.

Поставщик двора его величества — значилось на вывеске, украшенной гербом, короной и медалями.

Обстановка на фабрике Шмидта удивила меня. Здесь не приходилось прятаться по потаенным уголкам, чтобы поговорить «про политику». Обо всем мы говорили вслух, открыто. Часто после работы задерживались на фабрике, и здесь же, среди станков и верстаков, выступал кто-либо из членов Московского или районного комитетов партии, рассказывал обо всем, что делается в России, об усиливающемся рабочем движении, о жестоких мерах, которые предпринимало царское правительство, пытаясь остановить это движение.

Хозяин нашей фабрики, Николай Павлович Шмидт, сам был революционером, так же как и его сестра Екатерина Павловна. Они собрали на своем предприятии передовых рабочих и очень многое сделали для того, чтобы усилить классовое сознание, повысить нашу грамотность и культуру, научить нас правильно разбираться в сложной политической обстановке того времени.

Примыкая к большевикам, Николай Павлович принимал самое активное участие в подготовке декабрьского восстания в Москве, не жалел ни денег, ни сил для вооружения рабочих дружин. Здесь, в цехах этой фабрики, впервые услышал я лозунг: «Да здравствует вооруженное восстание!». И здесь же впервые в жизни взял в руки браунинг.

Оружие нам выдавали только тогда, когда нужно было охранять сходку или митинг. Затем столяр Золин, член фабричного партийного комитета, снова отбирал его. Мне рассказали, что вначале, еще до моего прихода на фабрику, револьверы были розданы на хранение дружинникам, пока не произошел один неприятный случай. Однажды в Девятинском переулке городовые остановили столяра нашей фабрики Логинова, стали его обыскивать. Логинов выхватил из кармана маузер и начал стрелять. Кончилось это плохо. Городовые обезоружили Логинова, избили его до полусмерти и учинили допрос: откуда у него револьвер? Следы вели к нашей фабрике. Фабричный комитет и Н. П. Шмидт пережили тревожные дни. После этого случая дружинникам перестали оставлять оружие.

18 октября еще по дороге на фабрику я почувствовал: что-то случилось. У рабочих, попадавшихся мне навстречу, был суровый и озабоченный вид. Несколько раз я услышал, как произносилась фамилия «Бауман».

В этот день у нас состоялся митинг. Начальник боевой дружины шмидтовской фабрики М. С. Николаев сообщил, что черносотенцы зверски убили революционера Н. Э. Баумана. Михаил Степанович призывал всех рабочих принять участие в похоронах. После митинга Золин, передавая мне заряженный браунинг и запас патронов, сказал:

— Оружие теперь останется у тебя. Но помни твердо: стрелять из него нужно лишь в самых крайних случаях, на пользу нашему делу, а не во вред ему, как это случилось с Логиновым.

Похороны Баумана на всю жизнь останутся в моей памяти. От Лефортова до Ваганьковского кладбища провожали мы гроб с его телом, взявшись за руки, составив цепь, чтобы никто не помешал движению катафалка. Мою руку крепко сжимала рука верного моего друга Вани Карасева. Другой рукой я ощущал жесткую ладонь незнакомого мне рабочего. И, как никогда до этих пор, я почувствовал ту силу, которая спаяла нас, рабочих людей...

* * *

В длинном подвальном помещении машинного зала нашей фабрики был устроен тир. После работы дружинники под руководством молодого хозяина учились здесь стрелять. Стреляли мы в листок бумаги, приколотый к стене, но знали, что недалек час, когда нам придется стрелять в бою.

И час этот пришел. Лозунги «Долой самодержавие!», «Да здравствует вооруженное восстание!» загремели по всей России.

Плечом к плечу с Ваней Карасевым, с Пашей Ивановым, с Сидоровым, Савельевым, Седовым и другими дружинниками нашего боевого десятка идем мы снимать с постов городовых. Подходим к Горбатому мосту. Сердце невольно замирает, рука тянется к карману, к револьверу — ведь это первое наше боевое крещение! Мое молодое воображение уже рисует героическую картину: городовой отбивается, выхватывает оружие, завязывается перестрелка... Но это — только воображение. На деле все произошло очень просто, даже буднично. Когда мы подошли к городовому, он страшно перепугался и, торопливо отстегивая трясущимися руками шашку, стал слезливым, бабьим голосом бормотать:

— Возьмите, ребятки, возьмите... Только христа ради меня пожалейте...

До чего же противен и жалок показался мне этот «верный защитник царя и отечества»! Даже обидно стало за то чувство страха, которое испытывали перед городовыми многие рабочие. Впрочем, с безоружными эти молодцы вели себя иначе — нахально и беспощадно.

В этот день мы разоружили еще двух городовых — на Нижней Пресне и на Малой Грузинской, напротив костела. И они не оказали никакого сопротивления. Позже мы встречали этих «храбрецов» переодетыми в штатское платье: полицейскую форму они больше не рисковали надевать.

Никогда не изгладятся из памяти боевые дни с 7 по 18 декабря 1905 года. Мы строили баррикады, грудью защищали их от казаков, многие товарищи сложили в боях с царскими солдатами свои головы.

Но Пресня в течение этих десяти дней была в наших, рабочих руках, и мы, не жалея жизни, боролись за нее. Однако что могли сделать наши маузеры и браунинги против казацких винтовок, против царской артиллерии?

...Мы защищали баррикаду. Старики, женщины, даже дети из соседних домов помогали нам, чем могли. Ведь их мужья, сыновья, отцы были такими же рабочими, как и мы, в одних рядах с нами проливали кровь за свободную жизнь!

Но вот наши связисты-добровольцы, вездесущие и все знающие мальчишки, прибежали с сообщением, что едут казаки. Мы рассыпались, спрятались за углами, в подворотнях, за тумбами: каждый заранее наметил себе укрытие, из-за которого он будет стрелять. Послышался ритмичный цокот лошадиных копыт...

Пятьдесят лет прошло с тех пор, но мне кажется, что и сейчас я слышу этот цокот!

За углом казаки спешились, взяли винтовки на руку и медленно стали приближаться к нашей баррикаде. Вероятно, это продолжалось секунды, но напряжение было такое, что казалось, нет этим секундам ни счета, ни конца. Не знаю, кто сделал первый выстрел. Кто-то из наших. В ответ послышался дружный залп многих винтовок. Я стрелял из-за угла, выпуская из своего браунинга пулю за пулей, целясь, но не зная, попадаю в цель или нет. Рядом раздался крик. Кого-то из товарищей ранило. А может быть, убило?.. Кого? Но рассуждать было некогда: казаки уже лезли на самую баррикаду, и любой ценой нужно было их остановить. С каждой минутой это становилось все труднее: казаков было слишком много, хорошо вооруженных, годами обученных...

Филипп Иванович Трубицын с внучкой Людой.

Фото О. Кнорринга.

Всё! Пора отходить... Заранее намеченными путями, по проходным дворам, узким проулкам пробираемся мы к себе, на фабрику Шмидта. Взволнованный, со стиснутыми от беспомощной ярости зубами, вошел я в знакомые ворота, украшенные вывеской «Фабрика мебели Шмидта. Поставщик двора его величества». Не знал я тогда, что в последний раз вхожу в эти ворота, в последний раз вижу эту вывеску.

Стал искать дружка своего, Ваню Карасева.

— Нет больше Вани,— ответили мне,— геройски погиб, защищая нашу баррикаду.

Ваня Карасев лежал в конторе, ничем не прикрытый. Молча, опустив головы, стояли над ним товарищи. Нет больше Ивана Карасева! Так вот, оказывается, кто охнул рядом со мной, когда началась перестрелка!

Последний день восстания. Тяжелые удары сотрясали землю нашей Пресни. То били из пушек семеновцы. Загорелся дом, в котором жила старая хозяйка — В. В. Шмидт, мать Николая Павловича. Загорелась от прямого попадания контора. Горели штабеля леса, сложенные во дворе. Огонь подбирался к фабричному зданию. Оставаться здесь дольше было невозможно.

— Нужно уходить, товарищи! — сказал Николаев.— Пойдем к прохоровцам на подмогу.

Через сад выбрались на улицу. Подошли к Прохоровской мануфактуре. Но и ее корпуса оказались под артиллерийским обстрелом. Рабочие уходили и отсюда. Решили разойтись по двое, по трое и пробираться кто как сможет через Москву-реку в Дорогомилово.

Перейдя по льду на ту сторону реки, я оглянулся на нашу фабрику. Красными стягами колыхались на ветру огненные языки. Это было пламя революции.

ВЬЕТНАМ, 1955 ГОД

Г. БОРОВИК Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Тьеп.

Дневник был извлечен из брезентовой сумки зеленого цвета, какие обычно носят кадровые партийные работники во Вьетнаме. Товарищ Ле Мыэй положил перед собой толстую клеенчатую тетрадь:

— Почти каждый вечер я выбирал несколько минут и записывал то, что произошло днем. Так у нас делает каждый для передачи опыта. Я прочту вам все, не отделяя главного от второстепенного, а уж вы потом возьмете, что нужно.

Товарищ Ле Мыэй — кузнец вагоноремонтного завода провинции Нге-Ан. Его послали в деревню для проведения аграрной реформы. Он среднего роста, широкоплечий, с крепкими, твердыми от мозолей ладонями. Ле Мыэй сидит передо мной на цыновке, скрестив ноги, обмахиваясь веером из сухого пальмового листа, и мерно читает свой пухлый дневник. Все это происходит во дворе бедняцкого домика, больше похожего на шалаш, в деревне Тай-Шан, километрах в семидесяти от Ханоя.

Я привожу здесь только отрывочные выдержки из прочитанной мне тетради.

4 марта 1955 года. Завтра мы впервые отправляемся в эту деревню. От уездного города, где расположился комитет бригады по проведению реформы, будет километров девять. Наша задача в первые дни — выполнить «три вместе», о которых говорил дядя Хо: **вместе** с крестьянами жить, **вместе** с крестьянами работать, **вместе** с крестьянами питаться. В группе двенадцать человек. Люди разные. Есть, как я, рабочие, несколько служащих, один даже композитор, руководитель — кадровый партийный работник. Некоторые впервые едут в деревню. Мы их в шутку зовем «крестьяне с улицы Шенга»[1]. Они, конечно, волнуются больше всех. Ничего не поделаешь: опытных кадров в стране пока не хватает...

5 марта. Я пишу сейчас при свете карманного фонарика. Сбоку прикрыл его своим шлемом, чтобы не разбудить хозяина. В деревню пришли рано утром. У каждого на плече сумка для книжек, дневника и смены белья. Выбрали самый плохонький домик. Вошли. Во дворе оказалась только женщина. Наш руководитель объяснил ей, кто мы такие. Хозяйка всплеснула руками, лицо ее просияло:

— Мы вас уже давно ждем! Я побегу к соседям, займу чашек, надо вас чаем угостить.

— Спасибо, дорогой товарищ женщина,— ответил за всех руководитель.— Но мы недолго задержимся. Если хочешь нам сделать хорошее, расскажи, где в деревне живут такие же бедняки, как ты, у кого можем мы остановиться и переночевать.

Выслушав ее, мы разделились, и каждый пошел в свой поселок (деревня эта разбросана десятью маленькими поселками — домов по пятнадцать — двадцать).

Близко-близко друг к другу стоят обмазанные глиной дома. Все окна внутрь двора. Улочки узкие — только руки раскинуть. Идешь, будто в окопе. Я быстро нашел дом батрака Тьепа, о котором упоминала хозяйка, и вошел во двор. Старенькая полуразвалившаяся хижина в три стенки, крохотный дворик, невымощенный — значит, даже кукурузу просушить негде. Но с одной стороны забор во дворе высокий, крепкий, из камня. За ним виднеется богатый каменный дом, видимо, помещичий. Возле забора стоит на возвышении деревянный, изъеденный червями ма-сао — крохотная хатка для домового — главного бога в жилье.

Батрак был дома. Он оказался стариком с длинной редкой бородкой и висячими усами. Щеки у него совсем ввалились. Тьеп кашлял и несколько раз сплюнул кровью. Когда я объяснил ему, кто я, он опасливо оглянулся на каменный забор, но оставить меня переночевать согласился...

7 марта. Провели общедеревенский митинг. Руководитель группы делал доклад о реформе. Долго объяснял политику партии в деревне: «Опора на бедняка, тесное объединение с середняком, соглашение с кулаком, против помещиков». На митинге ко мне подошел курносый парнишка. Рубаха и штаны — заплата на заплате. Босой. Остановился против меня, уставился в землю, катает ногой камешки. «Можно с вами поговорить, товарищ кадровый работник?» Я обнял его за плечи: «Конечно, можно, товарищ».

Он рассказал свою историю. Обычная и потому особенно страшная история батрака. Отец умер от туберкулеза. Мать забил до смерти помещик Зыанг. Фун Конг Кыонг (так зовут парнишку) с семи лет батрачил у того же Зыанга. Однажды, когда пролетали французские самолеты, буйволы, которых он пас, разбежались. Помещик повесил мальчика на дереве вниз головой. Если бы случайно не оборвалась веревка — конец! Сейчас ему 19 лет. От помещика ушел сразу после освобождения. Живет только продажей дров — ходит за ними в горы.

— Только тебе так плохо? — спрашиваю.

— Нет, многим.

— Значит, надо что-то делать?

— Бороться с помещиками.

— Ты один?

— Одно дерево не делает леса.

— А как же?

— Всем вместе. Мы и раньше об этом думали, только не знали, с чего начать, как взяться за дело. Ждали, когда вы придете.

Вечером я перебрался к нему в дом, вернее, шалаш — сооружение из гнилых бамбуковых палок и рваных цыновок.

12 марта. Я встаю вместе с Фуном, вместе с ним иду в горы за дровами. Я живу с ним под одной крышей, и он по-братски делится со мной своей скудной пищей. Я очень полюбил Фуна за это время, и он привязался ко мне. Он мой рэ[2].

У Фуна уже есть и свой рэ, у того — свой, и так далее. Получается вереница рэ. Через эту вереницу я веду всю работу в селе, объясняю аграрную политику партии, изучаю классовый состав населения, историю обогащения помещиков.

16 марта. Каждый вечер около нашего шалаша собирается чело-

---

[1] Улица Шенга — одна из улиц в Ханое, где находятся магазины, торгующие сельскохозяйственными продуктами.

[2] Рэ переводится на русский язык словом «корень». Как объяснил мне Ле Мыэй, «рэ — это то, что надо растить, и тогда поднимется высокое, сильное дерево, актив партии в деревне. Рэ — это тот человек, который будет тебе первым помощником в работе».

век десять — пятнадцать, и мы беседуем. Крестьяне рассказывают о своем прошлом, я объясняю им, почему они бедны. Сегодня пришел к шалашу и Тьеп. Обычно он держится в стороне, старается не бывать на митингах.

Мы сидели кружком, не зажигая огня, и передавали друг другу прокуренную трубку. Тьеп только слушал. Кто-то спросил: «А ты, дядюшка Тьеп, как думаешь: кто виноват в том, что ты всю жизнь беден, хоть работаешь, как буйвол?» Старик, не торопясь, положил табаку в трубку, разжег и медленно затянулся три раза.

— Человек беден или богат от рождения,— сказал он после этого.— Так суждено. Вы ругаете помещика Зыанга, а он давал нам работу, без него мы подохли бы с голоду. Однажды он одолжил мне денег, чтобы я мог купить гроб своему отцу.

— Подожди, дядюшка Тьеп,— возмутился Фун.— Но ведь все знают, что Зыанг тебе не платил никогда за работу, что за тот самый гроб он отобрал у тебя последний шау земли. Он же бил тебя, и ты до сих пор кашляешь кровью.

— Да, это было,— после паузы тихо произнес Тьеп.— Но он сорок лет давал мне работу.

— Ты просто боишься его, Тьеп, и превратился в его собаку,— не выдержал крестьянин Нгуэн Ван Ба.— Недаром ты сосед его. Кто сидит около помойной ямы, сам становится грязным.

Тьеп отложил в сторону трубку, медленно поднялся. Все примолкли. Старик обвел нас растерянным взглядом, хотел что-то сказать, но беспомощно махнул рукой и вышел со двора.

Фун накинулся на Нгуэна, а тот ответил спокойно:

— Ничего, мы его перевоспитаем. Привык всю жизнь кланяться помещику, вот ему и трудно. Но зато будет серьезная победа. Знаете, как говорят: «Слониха рожает медленно, но рожает большого ребенка».

17 марта. Сегодня утром выяснилось, что почти у всех, кто вчера был на собрании у шалаша, исчезли со дворов деревянные ма-сао. По приметам, если домовой уходит со двора, значит, в семье случится несчастье. У Тьепа ма-сао тоже исчез. Старик сам не свой: говорит, что боги наказали его за то, что он пошел на собрание.

20 марта. Картина более или менее ясна. В деревне три помещика: один из них злейший — Зыанг. На его совести несколько жизней. Он будет судим, но не сейчас, а через некоторое время, когда все село убедится в необходимости этого. Нужно, чтобы о преступлениях Зыанга знала вся деревня. Есть еще несколько человек вроде Тьепа, которые боятся говорить против помещика: слишком страшен он был в дни своей власти. Сейчас Зыанг прикидывается ягненком. Он раздал земли родственникам, чтобы не считаться помещиком, но втихомолку грозит: «Уйдет отряд, снова все станет по-старому, вот тогда я рассчитаюсь со многими!»

29 марта. На улице ко мне подошел Тхи, сын помещика Зыанга. Одет в лохмотья.

— Вам, наверное, очень неудобно жить у Фуна,— начал младший Зыанг.— У него очень бедный дом, даже мыши там пухнут с голоду.— Он мелко засмеялся.— Мой отец приглашает вас жить в нашем доме и питаться у нас.

Я ответил:

— Судя по тому, как ты одет, Тхи, вы питаетесь хуже, чем Фун. Где это ты ухитрился раздобыть такие лохмотья?

— Мы действительно очень бедные люди. Но для такого хорошего человека мы не пожалеем прирезать последнего буйвола.

— А где первые двадцать? — спросил я.— Раздали родственникам, чтобы обмануть работников по проведению реформы?

Тхи бессмысленно и заискивающе улыбался.

— Передай отцу, который тебя послал, что он имеет дело не с марионеточными чиновниками, а с вьетнамским рабочим. Подкуп не удастся.

На секунду лицо Тхи стало злым и ненавидящим, но он тут же овладел собой, пожелал здоровья мне, моим родственникам и укатил на велосипеде. Дома я рассказал об этом случае Фуну, он обещал передать всем активистам, чтобы те были настороже.

15 апреля. День многих событий. Вечером загорелся дом Тьепа. Случайно проходивший мимо крестьянин бросился во двор и успел вытащить из пламени старика, который валялся на полу без памяти. На место происшествия собралась вся деревня. Тьеп пришел в себя через час и рассказал вот что. Днем он по приказу Зыанга ремонтировал каменный забор вокруг дома помещика. В одном месте сорвался, упал на кучу дерна и больно ударился. Тьеп разгреб дерн и увидел, что под ним свалены ма-сао, пропавшие в ту памятную ночь. От неожиданности и страха батрак закричал. Прибежал Зыанг и что было силы ударил старика в лицо. Потом, верно, опомнился и начал просить не рассказывать о виденном. Даже обещал дать денег. Тьеп целый день просидел дома, не зная, что делать. А под вечер пришел Зыанг, ударил его чем-то тяжелым по голове — больше Тьеп ничего не помнит. Крестьяне бросились к дому помещика. Тот выстрелил несколько раз из окна, но ни в кого не попал. Зыанга связали, а вокруг дома поставили часовых.

10 мая. Четвертый день длится собрание села. Обсуждаем классовую принадлежность всех крестьян.

Каждый сам при всем собрании разбирается, к какой категории он относится: бедняк, батрак или середняк. Остальные утверждают или поправляют, если нужно. В самом начале Фун сказал: «Товарищи крестьяне! Мы не должны ошибиться, иначе можно напутать, и вместо того, чтобы объединиться с человеком, мы обопремся на него или наоборот». Немного смешно, но верно. Он очень вырос, мой Фун, за эти два месяца, хоть и остался таким же маленьким, каким был. Через неделю приступим к распределению между крестьянами конфискованной и выкупленной у помещиков земли.

17 мая. Все жители села превратились в художников. Сегодня целый день пишут черной краской на деревянных табличках номер земельного участка, его размер, свою классовую принадлежность и фамилию, то есть фамилию нового владельца. Вчера каждый житель деревни принес клятву: «Я, крестьянин поселка номер три деревни Тай-Шан, клянусь идти вместе со всеми трудящимися вперед и отражать всякие провокации врагов, защищать до самой смерти завоевания революции. Клянусь!»

* * *

Последняя запись в дневнике была сделана 28 мая. В ней приводился список крестьян, получивших земли. Против фамилии Фун Конг Кыонг стояло — 3 мау, против фамилии Тьепа — тоже 3 мау (0,36 га).

Товарищ Ле Мыэй кончил читать и отложил тетрадь в сторону. Вечерело. На фоне густосинего неба четко выделялись силуэты высоких пальм, бессильно опустивших свои листья к земле.

— Вот и все,— сказал кузнец.

— А что с Тьепом? — спросил я.

— Завтра вы его увидите. Завтра суд над Зыангом.

...Большой пустырь заполнен народом. Сидя на корточках полукругом, крестьяне, деловито переговариваясь, ждут начала суда. Между шестами натянуты кумачовые с желтым плакаты: «Решительно бороться со злейшим помещиком Фунг Ба Зыангом!» Рядом со мной сидит Фун. Глазами он указывает мне на старика невдалеке от нас. Это Тьеп.

На деревянное возвышение поднимаются члены народного трибунала, избранные крестьянами деревни, кроме них, товарищ Ле Мыэй и представитель провинциальных судебных органов. Заседание суда открывает председатель административного комитета деревни, бывший батрак Ба Шин Фу.

— Я предлагаю начать! — громко кричит он в рупор.

Все встают и смотрят на медленно поднимающийся по мачте государственный флаг республики.

— Приведите Зыанга! — говорит председатель.

Все оборачиваются. По узкому проходу идет множество людей.

— Это другие помещики и их семьи,— объясняет мне Фун,— им отведено отдельное место.

Действительно, вся группа людей, человек пятьдесят, размещается сбоку от остальных. Затем двое крестьян ведут Зыанга. Это человек лет сорока пяти, со скуластым жестким лицом, в черном длинном хитоне. Его глаза злобно и испуганно шныряют по толпе, как бы взвешивая, кто сегодня здесь выступит против него. Помещика останавливают перед возвышением и заставляют повернуться лицом к народу. Председатель зачитывает обвинение — страшный перечень преступлений, совершенных этим зверем в человеческом обличье. Здесь упоминается и сожженный дом Тьепа. Я вижу, как Тьеп при этом вздрагивает. Один за другим выходят свидетели. Старая, изможденная женщина подходит вплотную к помещику и, указывая на него пальцем, говорит громким срывающимся голосом:

— Зыанг, посмотри на меня!

Помещик ниже опускает голову.

— Зыанг! Зыанг! Зыанг! Смотри на меня!

Обвиняемый нехотя поднимает глаза.

— Где мой муж, Зыанг?

Помещик что-то бормочет.

— Пусть говорит громче! — раздаются крики из толпы.

Товарищ Ле Мыэй (справа) и его рэ — Фун.

— Я не знаю, где твой муж,— нехотя отвечает помещик.

— Ты не знаешь? — гневно переспрашивает женщина.— Ты не знаешь, как ты пригласил его к себе домой? Это было два года назад. Ты подпоил его и потом заставил поставить отпечаток пальца на какую-то бумажку. На другой день пришел и отобрал землю, потому что в бумажке говорилось, будто ты купил землю у моего мужа и уже заплатил деньги. Ты этого не помнишь?

— Я никогда не угощал твоего мужа, и он никогда у меня не был дома,— говорит Зыанг, опустив голову.

— Посмотри мне в глаза! — говорит женщина, и по щекам ее текут слезы.

Зыанг поднимает злые глазки и вдруг, не выдержав взгляда женщины, визжит:

— Ты не можешь доказать! Мы с ним были совсем одни!

— Ага, нервы не выдержали у подлеца. Выдал себя,— шепчет сидящий рядом со мной Фун.

Выходят один за другим крестьяне и крестьянки, предъявляют свой страшный счет Зыангу. Вдруг гул над толпой мгновенно затихает. Из рядов поднимается Тьеп. Он встает медленно, опираясь на палку, и медленно идет к Зыангу. Зыанг весь съежился. Он пристально смотрит на Тьепа, будто хочет просверлить его взглядом, пригвоздить к месту. Но Тьеп упорно двигается и подходит к помещику вплотную.

— Зыанг! Я был твоей собакой,— тихо начинает он.— Я сторожил твой дом и доедал объедки с твоего стола. Я гнул на тебя спину в поле, и ты не давал мне денег, ты сжег мой дом и хотел убить. Я боялся, я никогда не выступал против тебя, я думал, что ты всю жизнь давал мне работу, а на самом деле ты давал мне всю жизнь горе, несчастье и голод.

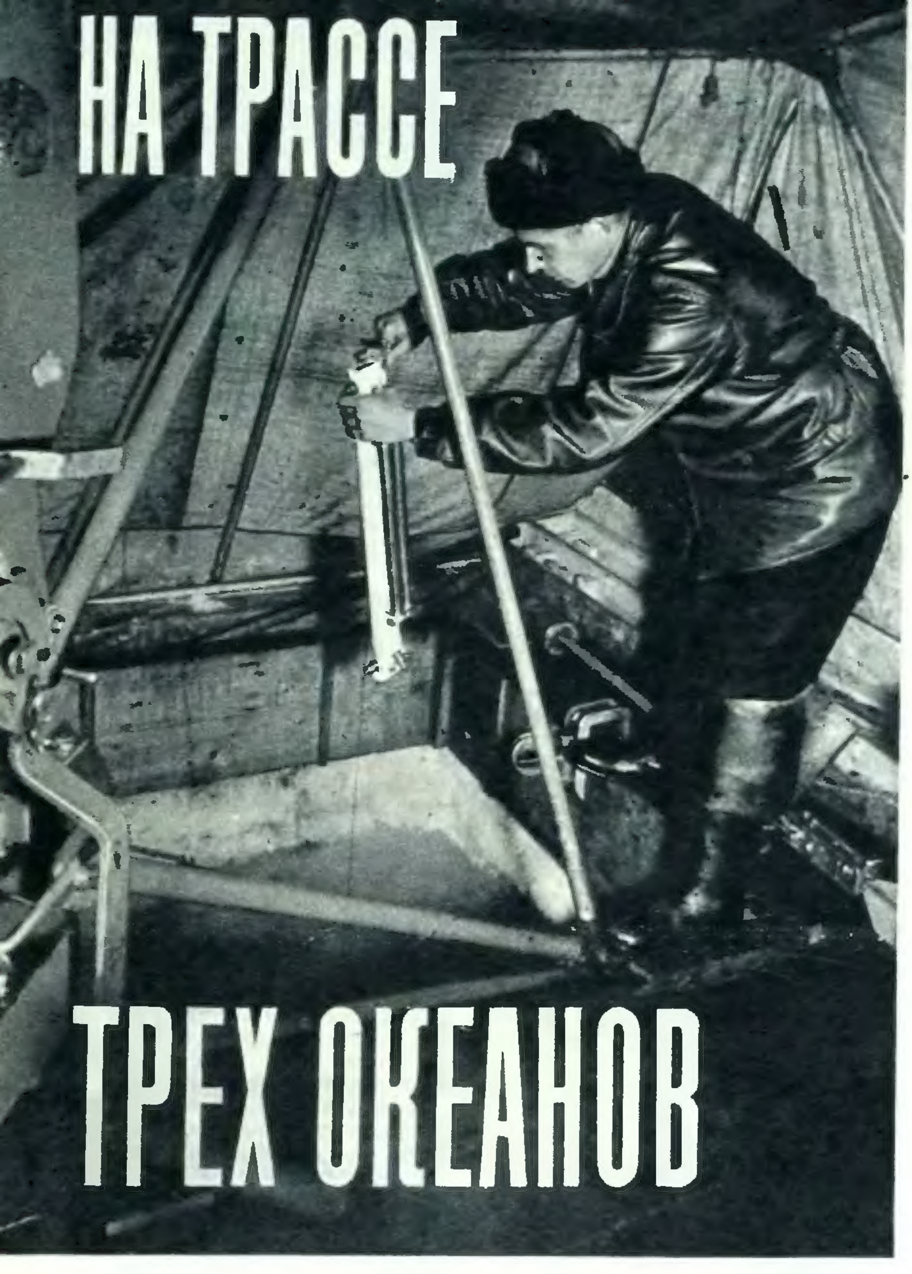
— Замолчи, собака! Я своими руками задушу тебя! — тонким голосом, истерически завопил Зыанг.

— Ты ничтожная гадина, мне противно стоять рядом с тобой,— говорит бывший батрак, с презрением глядя на своего бывшего властелина.

Суд кончился перед сумерками. Вечером я прощался с товарищем Ле Мыэй.

— Ну, вот и ответ на ваш вопрос о Тьепе,— сказал кузнец.— Человек переборол страх и почувствовал себя хозяином. Тот крестьянин оказался прав: родился большой ребенок.

НА ТРАССЕ ТРЕХ ОКЕАНОВ

«СП-5». Океанолог В. А. Спичкин готовит аппаратуру для измерения температуры и взятия проб воды на глубинах.

С. МОРОЗОВ **Фото М. САВИНА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

III

В гостях на полюсе

Едва закончилось в Тикси совещание по вопросам навигации, как мы проводили П. А. Гордиенко «домой» — на «СП-4». А на другой день тронулись в путь вместе с Н. А. Волковым, любезно приглашенные им в гости на «Северный полюс-5».

В кабине самолета рядом с дополнительными баками горючего стояли ящики с яблоками и яйцами, бидоны с молоком, корзины с капустой и огурцами, лежали аккуратно перевязанные тюки свежеглаженного белья. Теперь, как и прежде, из месяца в месяц, с самого начала дрейфа, тиксинские магазины и прачечные снабжают всем необходимым жителей океанского льда.

— До нас тут недалеко, — говорил Волков, сидя рядом со мной в кабине, — тысячи полторы километров, только и всего...

Однако вскоре выяснилось, что путь наш не так уж и близок. Погода портилась с каждым часом. Только когда пролетали над губой Буор-Хая да близ острова Котельный, видели мы море: то чистую воду, то редкие ледяные поля. В остальное же время полета под крылом тянулась густая облачная завеса.

Часов через пять после старта штурман настроил радиокомпас на привод рации «СП-5».

— Теперь-то уж как по шнурку пойдем, — с довольным видом заметил пилот Борис Алексеевич Миньков, выглянув на минуту из своей кабины.

Но «шнурок» внезапно оборвался.

Шел уже седьмой час полета, по расчету штурмана, мы должны были находиться над дрейфующей станцией «СП-5». Снижаясь, самолет пробил облака, и мы увидели под крылом торошенные льды вперемежку с редкими разводьями. За окном кабины навстречу нам мчались белесые космы снега. И, как часто случается при сильном снегопаде, радиокомпас отказал.

В высоких широтах, где показания магнитных компасов далеко не точны, а при облачности бессильны и компасы астрономические, радиокомпас заменяет авиаторам и глаза и уши. Без радиопривода, который дается рацией дрейфующей станции, немыслимо найти в океане такую крохотную точку, как лагерь на льду.

Более часа кружились мы где-то в районе «СП», не видя ничего, кроме туманной дымки и снегопада. Когда Миньков переходил на бреющий полет, внизу, совсем близко, стремительно проскакивали черные окна разводий, белые заснеженные торосы и голубые лужицы талой воды на поверхности льда. На кромке крыла нарастала тонкая ледяная корочка. Самолет трясло, временами он точно проваливался, и только твердая рука пилота снова и снова выводила машину в горизонтальное положение.

На восьмом часу полета от Тикси туманную мглу вдруг прорезала светлая полоска горизонта. В следующее мгновение под нами мелькнул стоящий на льду легкий биплан «АН-2» и черные полосы посадочного «Т».

— До́ма, — шумно вздохнул Волков, откладывая в сторону обрывок газеты, который он мрачно изучал, чтобы скрыть волнение, — теперь-то уж дома, братцы.

Коснувшись колесами мокрого снега, тут и там испещренного лужицами, наш сухопутный аэроплан, казалось, превратился в летающую лодку. Через крылья его хлестали фонтаны талой воды.

Прорулив по взлетной полосе, самолет остановился. Механики открыли дверь кабины. На снегу со стартовыми флажками в руках стояли пилот «АН-2» В. М. Перов, штурман И. Д. Кухарь, радист А. Д. Камбулов и механик дрейфующей станции А. И. Кириллин.

— Заждались мы вас, ох, заждались! — широко улыбаясь, повторял Перов, пожимая руки Волкову, Минькову и всем нам.

— Здорово, видно, проголодались, ребята, — лукаво щурился Кухарь, оглядывая нас.

Смысл последней реплики стал понятен мне часа через полтора, когда после выгрузки Миньков на своей тяжелой двухмоторной машине улетел обратно в Тикси, а Перов на легком биплане перевез нас с «ледового вокзала» в «город». От взлетно-посадочной полосы лагерь дрейфующей станции расположен километрах в семи.

В просторной палатке кают-компании мы за обе щеки уписывали обед.

— Я тревожусь, конечно, а штурманец мой меня утешает, — со смехом вспоминал Перов, поглядывая на Кухаря. — Ну-ка, повтори, Иван, как ты тогда высказался.

— Очень просто, — в тон командиру отвечал штурман, — есть захотят, говорю, — сядут. Вот вы и сели. Аккуратненько сели, даже яички не побили, молочко в бидонах не расплескали, теперь кушайте на здоровьичко.

— Бывает же такой грех! Мы вас видим, ракеты пускаем, дымовую шашку зажгли, а вы там наверху точно ослепли, — сокрушался задним числом тихий, ясноглазый Алексей Иванович Кириллин.

В отличие от своих собратьев-бортмехаников, которые, как и корабельные боцманы, слывут «мастерами художественного слова», Алексей Иванович скуп на выражения чувств. Ко всякого рода «грехам», которые нет-нет, да и случаются с авиацией в высоких широтах, он порядком уж притерпелся. В самом деле, океан есть океан, а лед имеет неприятное свойство подтаивать в летние месяцы. И хоть трудно было нынче Минькову найти в тумане и снегопаде посадочную полосу, но Кириллину, Перову, Кухарю и Камбулову пришлось тут, на льду, в последние недели не легче.

Виктора Михайловича Перова, знакомого мне по высокоширотным экспедициям прошлых лет, я встретил в последний раз в московском метро месяца полтора назад. Загорелый, в распахнутой на груди рубахе, он ехал с дачи на службу, чтобы получить расчет перед отпуском. Но в управлении выяснилось, что близ «СП-5», километрах в сорока от дрейфующей станции, при неудачной посадке в тумане подломился вертолет. И тогда Перов, отложив отпуск, отправился с Кухарем в путь на одномоторной «стрекозе» «АН-2». Они пролетели над океаном добрых полторы тысячи километров, вывезли в лагерь «СП-5» бедствовавший на льду экипаж вертолета и весь последующий месяц исправно трудились на дрейфующей станции на своем «воздушном такси».

Авария вертолета и все бедствия, пережитые в связи с этим, коротко описаны в вахтенном журнале «СП-5» вперемежку со скупыми сообщениями о частых разломах ледяного поля дрейфующей станции. И теперь, перелистывая журнал, нетрудно представить себе события, происходившие тут совсем недавно — весной и летом.

С середины апреля, когда в дрейфующих льдах к северу от Новосибирских островов Волков и его товарищи основали новую дрейфующую станцию, избранное ими ледяное поле уменьшилось в несколько десятков раз. Приходилось перетаскивать на новые места палатки и домики, отступая под напором торошения, новых и новых разломов, трещин. В начале осени, когда мы прибыли на станцию, большие разводья подходили к окраинам лагеря где на 100, а где и на 50—60 метров. И все-таки Николай Александрович не раскаивался в своем выборе льдины.

Попрежнему в центральной части лагеря толщина льда превышала 7 метров, попрежнему высился над поселком ученых крутой торос, названный в шутку «Пиком Большой медведицы».

Гости с Большой Земли, попав на дрейфующую станцию, обычно восторгаются телефонной связью между домиками и палатками, радиотрансляционными точками в лагере, регулярными киносеансами в кают-компании, баней полярников. Все это порадовало, конечно, и нас на «СП-5».

На каждом шагу тут и там попадались поблекшие от времени, но далеко еще не стершиеся надписи «СП-3» на стенках разборных домиков. Оказывается, большая часть «жилого фонда» «СП-3» по завершении им годичного дрейфа в Западном полушарии благополучно перекочевала по воздуху за тысячу с лишним километров сюда, в Восточное полушарие. Вместе с некоторым оборудованием Волков унаследовал от Трешникова и четвероногих спутников. Охрану лагеря «СП-5» несут как старый, флегматичный пес Мамай, дрейфовавший в прошлом году на «СП-3», так и его сын — резвый Малыш.

См. «Огонек» №№ 46, 49.

Общий вид дрейфующей станции «Северный полюс-5».

Начальник «СП-5» океанолог Н. А. Волков.

В торосах, окружающих лагерь

«Огонек». 1955.

Определив направление ветра с помощью сброшенной дымовой шашки, пилот В. М. Перов совершил посадку на льдину в ста километрах от лагеря «СП-5». Прилетевшие сюда участники дрейфа проведут кратковременные научные наблюдения.

- Вас под бокс или под польку? — тоном заправского парикмахера спрашивает аэролог Василий Никонов своего товарища Георгия Кизино.

В часы досуга. Радист Евгений Павлов и повар Владимир Загорский просматривают свежие журналы.

— Вот видите, какой тесной становится нынче Центральная Арктика,— говорит, смеясь, заместитель Волкова, молодой океанолог Залман Маркович Гудкович,— куда ни полетишь, обязательно повстречаешь знакомых.

Сидя в рабочей гидрологической палатке, мы с Гудковичем вспоминали прошлогоднюю весну над хребтом Ломоносова. Тогда, работая в составе отряда Черевичного — Острекина, аспирант Гудкович одновременно трудился над кандидатской диссертацией. Защитив диссертацию зимой, он отправился в новый дрейф руководителем океанологического отряда «СП-5». Но попрежнему зовут его запросто по имени, так же, как и пять лет назад на «Северном полюсе-2», где комсомолец Гудкович был самым юным среди спутников Михаила Михайловича Сомова.

Ныне под руководством Гудковича работают его младшие соученики по Высшему арктическому училищу: инженеры-океанологи Николай Шестериков и Владимир Спичкин. Первый славится невозмутимым спокойствием. Второй за фамилию и характер прозван «зажигательным парнем».

Накрытый черным куполом палатки колодец гидрологической лунки окружен дощатым помостом, похожим на палубу корабля. На стальных тросах лебедок в океан опущены «вертушки» — приборы для измерения скорости и направления течений. В прошлых экспедициях вертушку приходилось часто подымать, чтобы записывать ее показатели. Теперь в этом нет нужды.

— Сама все записывает,— с довольной улыбкой рассказывает Спичкин.

По соседству с аэрологами живут и трудятся метеоролог Георгий Кизино и геофизик Рюрик Галкин.

И метеоролог, и геофизик, и аэрологи, и океанологи — частые гости радиорубки «СП-5». Кизино по нескольку раз в день передает на Большую Землю сводки погоды, те самые сводки, которые оглашает затем по радио Центральный институт прогнозов. Однофамилец Рюрика, пожилой радист Иван Георгиевич Галкин, принимает от геофизика ежедневно меняющиеся координаты станции. Аэрологи информируют Главсевморпуть и Гидрометеослужбу СССР о воздушных массах в высоких широтах. По сообщениям океанологов, Арктический институт в Ленинграде отмечает ход дрейфа, изменения глубин под льдиной, все, что происходит в океане в районе «СП-5».

22 апреля, когда Москва тепло встречала возвратившихся на родину А. Ф. Трешникова и И. Е. Толстикова, Николай Александрович Волков поднял флаг новой дрейфующей станции на координатах 82°11' северной широты и 156°13' восточной долготы. Увлекаемая извечным потоком дрейфа, описывая порой замысловатые петли под влиянием усиливающихся ветров, льдина продолжает двигаться в генеральном направлении на северо-запад.

Промеры глубин, проведенные летом, позволили океанологам «СП-5» обнаружить новые, неизвестные прежде восточные отроги подводного хребта Ломоносова. А к началу осени измерения температуры глубинных вод подтвердили, что дрейфующая станция проплыла и над главным гребнем хребта — из восточной, тихоокеанской котловины Центрального Арктического Бассейна вышла в западную, атлантическую котловину.

Мысленно рисуя себе сложный подводный рельеф океанского дна, ученые с удовлетворением отмечают, что путь «СП-5» полностью подтверждает правильность предварительных теоретических расчетов. Н. А. Волков и его спутники проникли в ту часть Центрального Арктического Бассейна, где еще не бывали исследователи.

Все это оживленно обсуждается в часы досуга в кают-компании. Но как ни увлекателен новый, неизведанный путь ученых в пустыне океана, жителей далекой льдины интересует и все происходящее на юге Арктики, в прибрежных морях. Ведь именно для познания ледового режима этих морей, для лучшей организации судоходства по трассе Северного морского пути и ведутся из года в год исследования в высоких широтах.

Об успехах полярного судоходства товарищей информируют радисты И. Г. Галкин и М. М. Любарец, регулярно слушающие в эфире оперативную переписку кораблей.

— Рыболовные-то траулеры в Тихий океан из Мурманска как хорошо прошли! Более полусотни вымпелов, целая флотилия.

* * *

В те редкие часы, когда туманы и низкая облачность сменялись ясной погодой, в кристально-прозрачном воздухе вырисовывались картины, фантастические по красоте. Под низким оранжевым солнцем холодно голубели заснеженные торосы, а над ними по белесоватому небосводу плыли чернильно-синие с лиловым отливом облака.

Удаленность дрейфующей станции от прибрежных арктических морей почувствовали и мы, гости полярников. Вместо 5—6 дней, как предполагали мы, отправляясь в путь из Тикси, наш визит на «СП-5» затянулся без малого на месяц. То не было устойчивой, надежной погоды для движения самолетов, то под частыми оттепелями раскисала ледовая площадка, то после пурги она оказывалась вся в сугробах.

Но вот с приближением зимы возобновилась авиасвязь ледового лагеря с твердой землей. И с первым рейсовым самолетом мы возвратились на материк. За штурвалом сидел Александр Сергеевич Поляков, тот самый пилот, пассажирами которого мы были на первом этапе путешествия — от Москвы до Диксона. Так же уверенно, мастерски вел он машину в облаках над океаном, как и полтора месяца назад в ясный июльский день над Большеземельской тундрой.

И на Челюскине, и в Хатанге, и на Диксоне, и в Амдерме — всюду, где мы останавливались на обратном пути в Москву, нам встречались корабли, плывущие по Северному морскому пути с запада на восток и с востока на запад. Поглядывая из окна кабины, мы тепло вспоминали гостеприимных хозяев полюса — бесстрашных и веселых тружеников дальнего форпоста науки на трассе трех океанов.

Двигатель будущего

Борис ЛЯПУНОВ

Незадолго до второй мировой войны в швейцарском городе Невшателе вступила в строй необычная электростанция. Дело не только в том, что она разместилась под землей и топливом для нее служил не твердый уголь, а жидкий газойль. Если бы мы спустились туда, в подземелье, то не увидели бы непременной принадлежности всякой подобной фабрики энергии: всего сложного хозяйства, назначение которого — готовить пар, пищу паровой турбины. Станция не нуждалась ни в воде, ни в паре. Лишь воздушный туннель да дымовая труба, впрочем, без видимого дыма, выходили на поверхность земли. А в подземном машинном зале работал генератор тока, но не было привычных паровых турбин.

Несколько позже на швейцарских железных дорогах появился новый локомотив. Снаружи он походил на дизельный, внутри же — ни на него, ни на какой другой. Генератор вырабатывал ток, тяговые электромоторы вращали колеса — это встречалось и раньше. Однако напрасно стали бы мы искать там двигатель внутреннего сгорания. Со скоростью около восьмидесяти километров в час совершал пробеги этот новый локомотив, перевозя и легкие пассажирские и тяжеловесные товарные составы. Простой в управлении, он сразу завоевал симпатии железнодорожников.

Во время второй мировой войны впервые в воздушных сражениях приняли участие необычные самолеты. Они настолько поражали своим внешним видом, что командиры английских авиационных частей посылали лечиться летчиков, доносивших о появлении безвинтовых самолетов. Отсутствовал у них не только воздушный винт — не было и привычного поршневого двигателя. Со свистом молнией проносились в небе странные машины. Большая скорость — одно из важнейших слагаемых победы в бою. И военная авиация перешла на самолеты нового типа.

Прошли годы. Теперь во всем мире насчитываются многие тысячи таких самолетов. Значительно меньше электростанций, какие мы описали, но они есть. Несколько десятков необычных локомотивов курсируют по транспортным магистралям разных стран. Эти электрические станции, самолеты, локомотивы оборудованы новыми двигателями — газовыми турбинами. Возникла новая отрасль техники — газотурбостроение. Газовая турбина произвела переворот в авиации, она постепенно проникает в энергетику, перед ней открываются блестящие перспективы на транспорте.

Газовая турбина вместо паровой на электростанции — это мощные, экономичные установки, более простые по устройству, с более высоким коэффициентом полезного действия. Электрическая станция без пара и без копоти, работающая на жидком, пылевидном, любом газообразном топливе, продуктах перегонки угля, природном газе, отходах металлургического или химического производства,— таково будущее газотурбинной энергетики.

Транспортная газовая турбина — это огромная экономия топлива. Профессор В. В. Уваров, виднейший специалист в области газовых турбин, приводит яркий пример: переход на газотурбовозы позволит сэкономить столько угля, сколько хватит для работы всех тепловых электростанций нашей страны. Да и не один железнодорожный транспорт ждет газовых турбин — они потребуются и судам и автомобилям.

У турбины долгая и своеобразная история. Появилась она на бумаге лет полтораста назад. Патентные библиотеки изобилуют проектами газовых турбин. Давно делались попытки построить ее. Но воплотилась она в металл лишь в конце прошлого века и только в последнее десятилетие стала достоянием промышленности.

...Перед нами действующая модель такой турбины. Воздух условно изображен голубым цветом. Но вот он попадает в компрессор, и тут с ним происходят сложные превращения. Десятки крошечных крыльев-лопаток, вращаясь, прогоняют его вдоль барабана. Двигаясь от ряда к ряду, воздух сжимается все сильнее, и из компрессора он выходит уже совсем темносиний. Теперь он не только сжат, но и нагрет: ведь сжатие сопровождается повышением температуры.

Дальше на пути воздуха камера сгорания. Здесь уже синий цвет переходит в красный. Впрыснуто топливо, в камере — «пожар». Нефть (или другое горючее) вспыхнула, и не воздух — раскаленная газовая струя устремляется к турбине. Несколько сотен градусов — такова была ее температура по выходе из компрессора. До нескольких тысяч градусов поднялась она в камере сгорания,— не слишком ли это много? Огненный вихрь, безусловно, расплавит металл, даже самый жаропрочный. Но камера одета рубашкой, часть воздуха проходит между ее двойными стенками и охлаждает камеру. Не будь этого, камера неизбежно прогорела бы: ведь здесь тепла выделяется во много раз больше, чем в топке паровоза.

Итак, огненный поток газов, разбавленный по пути воздухом, устремляется к диску с лопатками. Тут господствует температура чуть ли не в тысячу граду-

сов. Это намного выше, чем в паровой турбине. Не мудрено, что лопатки раскаляются докрасна и светятся в темноте. Однако не только в этом трудность, с которой встречаются создатели газовых турбин. Камера сгорания тоже накалена, но она неподвижна, а турбинный диск вращается с бешеной скоростью. Счет идет на многие тысячи оборотов в минуту. И металл не выдержал бы, машина разлетелась бы на куски, если бы не были найдены высокопрочные сплавы.

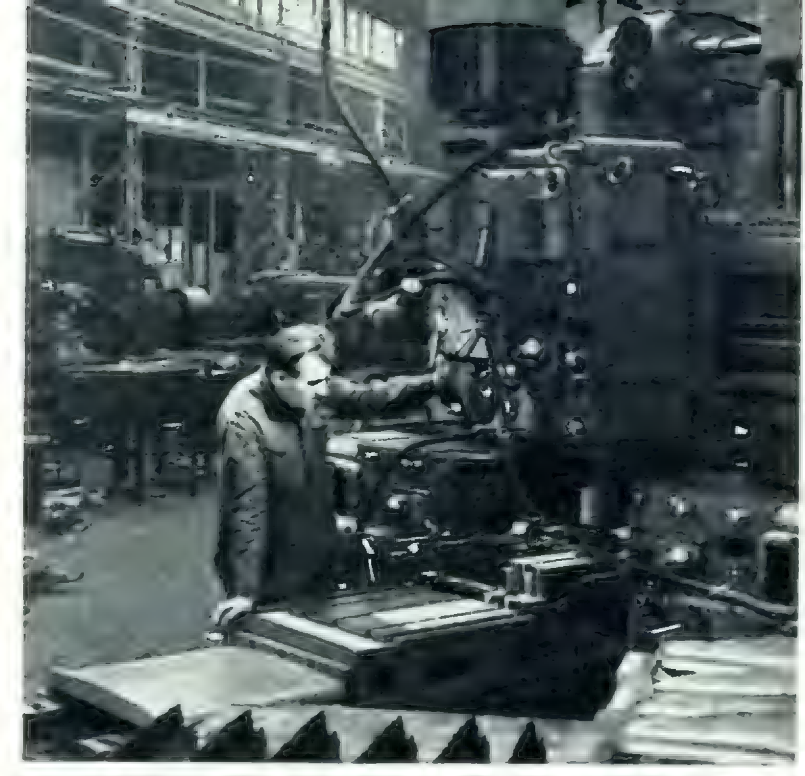
Теперь понятно, почему долгие годы газовая турбина оставалась лишь на бумаге. От бумажной «конструкции» далеко до реальной, воплощенной в металл. А ведь именно металла, и не обычного, а жаропрочного металла, не хватало многочисленным изобретателям и инженерам, которые в мечтах видели самый совершенный двигатель на свете. Для его работы не нужен пар, а следовательно, и сложный, громоздкий паровой котел. Не нужны ему и поршень и система посредников, преобразующих движение из поступательного во вращательное. Тут сразу производится полезная работа, и возникает она непрерывно, без холостых ходов. Давно мечтали энергетики об этом. Как начало пути, вспоминается примитивная турбина, тоже бумажная, конечно, которая, по мысли ее изобретателя, Джона Барбера, должна была «...вращать вертел, мотать пряжу, звонить в колокола, качать колыбель и удовлетворять прочие нужды домашнего хозяйства...».

Но лишь недавно появились жаропрочные сплавы, сталь с добавками редких элементов, способная работать сотни часов при немыслимых, казалось бы, температурах. И только тогда новый двигатель получил путевку в жизнь. Правда, было бы преувеличением сказать, что задача полностью решена. В авиации турбина живет иначе, чем в энергетике: напряженнее и короче. Электростанции нужен двигатель, способный работать непрерывно десятки тысяч часов.

Поэтому авиаконструкторы находятся отчасти в более выгодном положении. Они могут заставить материал работать на пределе. Но и им приходится прибегать к чрезвычайным мерам. Конструкторская мысль бьется над тем, чтобы повысить температуру газа перед турбиной: от этого зависит экономичность установки. Не выдерживает металл — прибегают к охлаждению лопаток и диска воздухом. Предложена также система охлаждения «выпотеванием». Лопатка изготовляется из пористого материала—металлической пудры. Через поры внутри лопатки охлаждающая жидкость выступает под давлением, лопатка как бы потеет. Жидкость испаряется, и газовая пленка защищает поверхность от перегрева. Проблема охлаждения, однако, продолжает стоять перед инженерами до сих пор. Практически применяется только воздушное охлаждение газовых турбин.

Дальнейший прогресс газотурбостроения зависит, таким образом, от успехов металлургии. Надо надеяться, что будут созданы более прочные сплавы и конструкторы сумеют взять от металла все, что он сможет дать.

Место газовой турбины не

Фрезеровка лопаток турбины низкого давления для установки «ГТ-12-3».
Фото Н. Ананьева.

только в воздухе, но и на суше и на море. Авиаторы ушли вперед, а энергетики и транспортники пока накапливают силы. Слишком велики еще трудности, и нельзя ожидать, что они будут быстро преодолены. Пусть не огорчает эта цифра: самая мощная из построенных газовых турбин дает всего 27 тысяч киловатт. А паротурбины строят на 100—200 и даже 300 тысяч киловатт. Но у газовой турбины еще все впереди.

Вероятно, в будущем газовая турбина перегонит даже самые лучшие паротурбинные установки. Более экономичная, она снижает расход металла в 3—4 раза и уменьшает объем здания в 2 раза. С высоким — до 55 процентов — коэффициентом полезного действия она проникнет не только на малые и средние электростанции. Она завоюет и крупные фабрики электричества, где мощности исчисляются сотнями тысяч киловатт.

Июльский Пленум ЦК КПСС особенно отметил роль газовых турбин в стационарных и транспортных установках. Речь идет о широком развитии работ в этой новой области техники.

...Ленинградский металлический завод имени Сталина. Здесь создают паровые турбины в 100, а последнее время — в 150 тысяч киловатт. Это крупнейший центр советского турбостроения. Ныне ему поручено ответственное задание — построить мощную стационарную газовую турбину — «ГТ-12-3».

«ГТ-12-3» встречается всюду: на плакатах, в стенгазетах, у входа в цехи, на чертежах и расчетах. Без преувеличения можно сказать, что этим живет сейчас весь завод. Конструкторы и технологи, мастера и рабочие всех специальностей участвуют в создании новой машины. Новое рождается в муках. Было бы наивно ожидать, что все сразу будет гладко, пойдет по накатанному, хорошо изведанному пути.

Конструкторское бюро завода, отдел расчетов, котлотурбинный, аэродинамический институты — участники проекта. Форму каждой детали определяет точный расчет. Выбор лопаток компрессора и турбины — результат длительных, кропотливых поисков и содружества теории и опыта, расчета и эксперимента.

Мне пришлось побывать в нескольких цехах, где готовятся части будущей турбины. В нее будет вложен труд сотен людей — конструкторов и технологов, металлургов и сварщиков, фрезеровщиков и шлифовщиков.

Передо мною станок, где производится обработка ротора турбины низкого давления. Турбин в этой установке две — высокого и низкого давления. Одна из них тратит свою мощность на вспомогательные нужды — приводит в движение компрессоры, другая, кроме компрессоров, вращает генератор. Сейчас идет обработка ротора турбины низкого давления. Турбина высокого давления уже изготовлена, испытана и отправлена на место установки.

В пазах очень сложной формы должны быть укреплены лопатки. Впервые ленинградские турбостроители сталкиваются со столь высокой точностью обработки, со столь мизерно малыми допусками. Двадцать две операции, несколько месяцев работы и точность в две сотые доли миллиметра, целый набор разнокалиберных фрез — вот о чем говорит мне технолог. Лучшие фрезеровщики завода выполняют задания по «ГТ-12-3».

В то время, как фрезеруют пазы для лопаток, в лопаточном цехе собрался «консилиум». Надо с высокой точностью обработать хвостовик лопатки, которая войдет в приготовленный для нее паз,— сложная это проблема!

Уникальная машина, индивидуальное производство, высший класс точности — вот причины тех осложнений, с которыми сталкивается завод. И это вполне понятно. Приходится решать проблемы, которые для авиационного газотурбостроения давно остались позади.

Постройка газовой турбины пока обходится во много раз дороже, чем изготовление значительно более мощной паротурбинной установки. И тем не менее, шестая пятилетка для Ленинградского металлического завода имени Сталина — это новые, более мощные газовые турбины. То, что делается сегодня, по существу, разведка в будущее. Серийное производство газовых турбин еще впереди. Поэтому неизбежны трудные поиски верного пути, порой и неудачи.

Части турбины изготовляются сейчас в нескольких цехах. Попробуем же собрать их в одно целое. Нам поможет принципиальная схема, виденная мною в конструкторском бюро. Шесть компрессоров — газовых и воздушных — подают газ и воздух в камеры сгорания турбин. Шестьсот пятьдесят градусов, двенадцать тысяч киловатт — температурный предел и полезная мощность строящейся установки.

Детище завода, «ГТ-12-3» будет работать на подземном газе. Жидкое топливо дефицитно и дорого. Заманчиво было бы научиться сжигать уголь прямо в камерах сгорания газовых турбин. До сих пор это не удавалось и для двигателей внутреннего сгорания. Горючее для газовой турбины даст и осуществление подземной газификации угля, величайшие возможности которой предвидел еще Д. И. Менделеев и на что обратил внимание В. И. Ленин — ведь в ней средство освобождения людей от тяжелого труда в шахтах.

Газовая турбина — двигатель будущего. Когда-то, в годы первой мировой войны, она появилась на самолете в скромной роли помощника поршневого мотора. Работая на выхлопных газах, она вращала компрессор, который помогал мотору «дышать» на больших высотах. Четверть века спустя она превратилась в полноправную силовую установку самолета. Двигать компрессоры, чтобы подавать сжатый воздух на химические и сталелитейные заводы, перекачивать природный газ на линиях дальнего газоснабжения — вот первые области применения газовых турбин в промышленности. Работа на отходящих газах различных производств — призвание утилизационной газовой турбины и в будущем. Но более широкое поле деятельности откроет ей, конечно, энергетика, как открыла в свое время авиация. Даже атомная энергия не закрывает ей дорогу. Теплом атомного распада можно подогревать не только воду, как это делается сейчас, но и воздух или газ. Весьма возможно, что в будущем удастся использовать нагретый газ непосредственно в газотурбинной установке. И газотурбинные установки, работающие на ядерном горючем, вероятно, будут широко применяться в технике, в промышленности и на транспорте.

Газовая турбина фактически вытеснила поршневой двигатель из скоростной авиации. Сегодня она на истребителях и бомбардировщиках, на спортивных самолетах и машинах пассажирских авиалиний. Завтра новая турбина завоюет себе место и в энергетике. Не десятки, а сотни и тысячи газотурбовозов станут новой техникой железных дорог. Автомобили, суда с газовой турбиной из стен лабораторий перейдут на заводы, на автотрассы и морские пути. Над этим трудятся советские конструкторы и инженеры.

Розы Лидице

Михаил ДУДИН

* * *

Марии Майеровой

Не позабуду утро Праги,
Рассветной дымкой залитой.
Над красной черепицей флаги
И шпиль, от солнца золотой.

А солнце в листья стрелы
мечет.
Косой карниз бросает тень.
Над крышей ласточка щебечет,
И под окном цветет сирень.

И Влтава, обогнув плотину,
В своем величии простом,
Заметная наполовину,
Течет под Карловым мостом.

И свежий ветер над волною,
В траве зеленой — острова.
...Смежу глаза — передо мною
Адмиралтейство и Нева.

* * *

В парадной форме медный воин
Впечатан в бронзовый закат.
Но не таким ты шел на
Зволен,
Советской Армии солдат.

Ты был, припоминая строго,
Гораздо проще и добрей,
В обмотках, пыльных как
дорога,
В мохнатой шапке до бровей.

Бессонный взгляд горел
моложе.
Граната — в грубом кулаке.
Горячий пот — по медной коже,
И кровь — по раненой руке.

С холма на холм, прибавив
шагу,
В пути опередив приказ,—
Таким ты и явился в Прагу,
И улыбнулся в первый раз
От всей души, светло и сладко,
Как будто горе не беда,
И лег в тени на плащ-палатку
В святой усталости труда.

* * *

Старые каштаны величавы.
И в тени глубокой от каштанов
На холме высоком Братиславы
Тихая святыня ветеранов.

По земле несли они свободу
И врагам пощады не давали.
Шли на помощь братскому
народу
Через перевалы Данавали.

Горный камень превращая
в осыпь,
Бушевало бешенство тротила.
Им всего, наверно, суток
восемь
Жизни до победы не хватило.

И над каждою могилой — маки
И над каждою могилой — туя,
Словно высшей преданности
знаки,
Вырастают, жизни салютуя.

Долго, вспоминая о недавнем,
О сынах и дочерях России,
Я стоял перед могильным
камнем
Лейтенанта Доблестной Марии.

Маша, Маша, где твоя дорога,
Где твой путь военной славы
начат!
По тебе у милого порога
До сих пор в России мама
плачет.

Ты была для жениха невестой,
А она тебя девчонкой помнит.
И тебе положенное место
На пиру... Мария, не легко
мне!..

Круговую чувствуя поруку
В нашей жизни, боевой
и быстрой,
Ты и мне протягиваешь руку
В доблести простой
и бескорыстной.

* * *

В тот вечер был закат
бескровен
И даль затянута свинцом.
...Тяжелый крест из темных
бревен,
Колючка ржавая — венцом.

Их расстреляли на рассвете
При дотлевающих кострах.
...Вокруг креста играют дети,
Не зная, что такое страх.

Тот скорбный час для мира
вечен
Примером мужества без слез.
...От девятнадцати наречий
Цветут семнадцать тысяч роз.

И новой Лидице деревья
Шумят, качаясь на весу,
Густой листвы тугие перья
Вбирают первую росу.

В цветных знаменах ветер
свищет,
То их совьет, то разовьет.
...Кого твой взгляд, Елена,
ищет
И в вечной горести зовет!!

Кто грусть твою, Елена,
тронет!
Последней боли не тая,
Здесь муж твой где-то
стонет, стонет
И плачет девочка твоя.

Кричит, кричит, кричит
упрямо,
Ручонки тянет из огня.
И сердце слышит: «Мама,
мама,
Кому ты отдаешь меня!!..»

«Кому!..» Не вымолишь
отсрочку,
И крик теряется в веках.
Другая мать другую дочку,
Как вечность, держит
на руках.

И ради этой новой встречи
И ради мужества без слез
От девятнадцати наречий
Цветут семнадцать тысяч роз.

* * *

В беседе с друзьями
недолгой
Я в Лидице вспомнил опять
Курган обожженный над
Волгой,
Где мне приходилось бывать,

Где, ветром осенним носимый,
Клубился удушливый прах.
Я вспомнил пожар Хиросимы,
Тяжелый Майданека страх,

Взгляд Фучика, ясный и правый,
И нож гильотины косой.
...И след потянулся кровавый
В зеленой земле полосой.

Он каждому в мире приметен,
Заросший травою в золе.
И хватит ли роз на планете,
Чтоб скрыть этот след
на земле!

Я знаю: мы, смертные люди,
У жизни не дважды в гостях.
И кто нашу дружбу остудит,
Возникшую здесь на костях!

Рассвет занимается светел
Над этим великим путем.
И Лидице каменный пепел
На сердце твоем и моем.

* * *

Конечно, это не порядок,
Да и в признанье малый
прок,—
Дипломатических обрядов
Я плохо выучил урок.

Неважно знаю это дело,
В чем извиненье приношу.
Кристина, слышите, несмело
Я вашу руку попрошу.

И задержусь губами дольше,
Чем позволяет ритуал,
Во имя вашей новой Польши,
Где я ни разу не бывал.

Я поцелую ради счастья,
Что мы на дружбу сохраним,
То место около запястья,
Где выжег номер Освенцим,

За то, что ненависть зажала,
И подняла наверняка,
И в смертный миг
не задрожала
Вот эта тонкая рука.

* * *

Так вот она, горная складка,
В кустах на крутом перевале,
Где ты партизанила, Катка,
А после орлы пировали.

Дорога петляет в крушине,
Над самой петлей поворота,
С орлиным гнездом на вершине
Гнездо твоего пулемета.

Пытались к тебе подобраться
И — падали в пропасть
отвесно.
...Нам любо с тобой любоваться
Отсюда долиною тесной,

Где аисты ходят по кругу,
Где щедрой рукой у опушки
Июнь рассыпает по лугу
Веселых ромашек веснушки,

Где струи волнистее дратвы
Звенят на краю водостока.
...Зеленые Низкие Татры
И вечное солнце с Востока.

* * *

Проехал я мимо селений
Дорогами ветра и грома,
В каштанах и синей сирени,
Долинами Нитры и Грона.

Клонились высокие травы,
Тянули зеленые руки
Курчавые вязы Моравы
И Слияча древние буки.

Смотрел я не ради забавы,
На добрую землю ступая,
С холма золотой Братиславы
На быстрые волны Дуная.

И в Лидице, скорбной и милой,
Где кронами клены качали,
Сажал я над братской могилой
Багровые розы печали.

И дружбы доверчивой сила,
Души раскрывая богатство,
Брала за рукав и просила
На праздник славянского
братства.

И песня для дружбы старалась,
Была толмачом сливовица.
И между сердцами стиралась,
Совсем пропадая, граница.

* * *

Пронизанный светом и тенью,
Теперь у меня на столе
Шиповник второго цветенья
В граненом стоит хрустале,

Как Лидице яркие розы,
Нежнейшим соцветьем горя.
А ветер сдувает с березы
Хрустящий наряд сентября.

А ветер шумит по вселенной,
Сквозит в облаках синева.
И в берег кидается пенной
Волною седая Нева.

И снится мне пражское лето,
Где встретились наши пути.
Туда, моя песня привета,
Туда, моя песня, лети!

ПЕРВЫЙ НОМЕР «ПРАВДЫ»

Из романа «Хуторок в степи»

Валентин **КАТАЕВ**

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

— На вокзал со мной не хочешь сходить? — сказал однажды Гаврик, неожиданно появляясь за спиной Пети.

Петя в это время был поглощен зубрежкой и даже не удивился тому обстоятельству, что Гаврик не на работе. Он лишь еще быстрее закивал головой и сказал:

— Отчепись! — Но увидев какую-то особую, загадочно-торжественную улыбку на лице Гаврика, а главное, его тщательно расчесанные волосы, новую ситцевую рубаху, подпоясанную новым ремешком, хорошо выглаженные брюки и парадные ботинки, которые Гаврик очень берег и надевал лишь в исключительных случаях, понял, что произошло нечто значительное.

— Зачем на вокзал? — спросил Петя.

— Газету получать.

— Какую газету?

— Нашу. Ежедневную. Рабочую, брат. Прямо из Петербурга, с курьерским поездом. Называется «Правда».

Петя уже несколько раз слышал разговор о том, что скоро в Петербурге начнет выходить новая рабочая газета «беков». Среди рабочих на нее собирали деньги, и Петя даже видел эти деньги. Иногда их приносили с работы Терентий или Гаврик и, тщательно пересчитав, высыпали в жестяную коробку из-под монпансье «Жорж Борман». Раз в неделю Терентий относил их на почту, а квитанции складывал в ту же коробку.

Деньги были преимущественно мелкие — серебряные двугривенные, пятиалтынные, гривенники, медные пятаки, семишники, даже копейки; бумажные рубли и трешки попадались крайне редко, и было трудно представить, как из этой потертой мелочи в конце концов могла получиться такая дорогая вещь, как большая ежедневная газета.

Теперь же оказалось, что она все-таки получилась и ее везут в почтовом вагоне курьерского поезда «Санкт-Петербург — Одесса».

Откровенно говоря, Пете уже смертельно надоело каждый день с утра до вечера заниматься зубрежкой. Он был не прочь передохнуть. Сходить на вокзал было соблазнительно. Вокзал всегда имел для него какую-то особую притягательную силу. Один вид множества пересекающихся рельсов возбуждал его воображение и заставлял думать о тех неизвестных краях, куда эти рельсы, так плавно и стремительно закругляясь, уходили.

Запад Петя уже видел. Но был еще север: необъятно громадная область — Россия, Родина — с матушкой Москвой, Санкт-Петербургом и древним Киевом, Архангельском, Волгой, с трудновообразимой Сибирью и, наконец, Леной, которая уже теперь была не рекой, но именем кровавого исторического события, такого же, как Ходынка или Цусима. Это именно оттуда, с севера, из дымного, туманного Питера, должен был сегодня привезти курьерский поезд газету «Правда».

Когда Петя и Гаврик пришли на вокзал «Одесса-Главная», петербургский поезд уже прибыл и стоял у перрона. Он весь состоял из длинных новеньких пульмановских вагонов, синих и желтых, а зеленых совсем не было, но зато было два невиданных вагона, возле которых Петя и Гаврик невольно задержались.

Эти вагоны были снаружи обшиты деревом, блистали на солнце медью поручней, оконных наугольников, накладных иностранных надписей и гербов международного общества спальных вагонов. Даже их внешний вид поражал особой, корабельной строгостью.

Когда же мальчики, толкая друг друга локтями, заглянули в окна с верхними узкими, декадентски разрисованными цветными стеклами, они ахнули от той роскоши, которую увидели внутри,— от лаковых панелей из красного дерева, тисненого плюша стен, белоснежных, по-утреннему смятых постелей, молочных тюльпанов электрических лампочек, синих сеток, фаянсовых плевательниц и ковровых дорожек.

В другом вагоне они увидели еще более поразительные вещи: буфет, уставленный бутылками и закусками, и лакея во фраке, который убирал со столиков пирамидальные салфетки, такие белые, твердые, словно они были отлиты из гипса. Не говоря о Гаврике, даже Петя, побывавший за границей, до сих пор не мог себе представить, что есть на свете такие вагоны.

— Вот это да! — прошептал Петя, с такой силой прижимаясь лицом к толстому шлифованному стеклу, что на нем даже отпечатался его вспотевший нос. А Гаврик сузил глаза и со странной улыбкой процедил сквозь зубы:

— Господа катаются.

— Попрошу отойти от вагона,— произнес строгий голос с иностранным акцентом, и, отстранив твердой рукой Петю и Гаврика от вагона, мимо прошел проводник в форменной тужурке и каскетке международного общества спальных вагонов.

Гаврик сморщил нос и, вынув руку, показал ему локоть, что считалось на Ближних Мельницах высшим проявлением насмешки и презрения.

Но проводник не обратил на это никакого внимания, и мальчики пошли дальше, к багажному вагону, где как раз в это время выгружали плоские тростниковые корзины с решетчатыми крышками, сквозь которые виднелись влажные, слежавшиеся свежие цветы — пармские фиалки и розы, прибывшие через Петербург прямо из Ниццы в адрес цветочного магазина Веркмейстера. Сам Веркмейстер, господин в светлом коротком пальто колоколом, с траурными повязками на рукаве и на цилиндре, лично руководил разгрузкой, провожая каждую корзинку, которую носильщик укладывал на свою тележку, бережным прикосновением безымянного пальца с двумя обручальными кольцами.

Мальчики почувствовали запах мокрых цветов, столь удивительный среди грубых железных и каменноугольных запахов вокзала, и это вдруг с необыкновенной силой и яркостью вызвало в петиной памяти Неаполитанский вокзал, похожий на Одесский, но только с пальмами и агавами, и забытую девочку с траурным бантом в каштановой косе. Петя снова почувствовал острую, сладкую боль разлуки. Ему даже показалось, что он видит эту девочку.

В это время Гаврик схватил его за рукав и потащил вперед, вслед за большой тележкой, нагруженной кипами петербургских газет и журналов. Два артельщика с усилием толкали тележку. Из-под маленьких чугунных колесиков, с гулким ворчанием катившихся по асфальту, вылетали искры.

Мальчики бежали рядом, стараясь угадать, в которой из кип находится «Правда». Тележку вкатили с перрона в вокзал, и она, визжа, остановилась возле газетного киоска — резного шкафа мореного дуба, громадного, как орган, сплошь заставленного и увешанного сотнями книг, газет и журналов.

Петя любил рассматривать все эти столичные новинки. Его волновали броские обложки любовных приключений и уголовных романов; разноцветные карикатуры «Сатирикона», «Будильника»; развешанные на рогульках, как белье, гирлянды выпусков «Пещеры Лейхтвейса», «Пинкертона», «Ник Картера», «Шерлока Холмса» с маленькими портретами знаменитых заграничных сыщиков в профиль, с трубками или без трубок, среди которых как-то особенно провинциально и простовато выглядел знаменитый русский сыщик Путилин с большими министерскими бакенбардами и в старомодном шелковом цилиндре; иллюстрированные еженедельные журналы «Огонек», «Солнце России», «Весь мир», «Вокруг света» и в особенности новый, недавно появившийся странный «Синий журнал», действительно сплошь синий, пачкающий пальцы своей липкой краской, сильно пахнущей керосином.

Все эти десятки и сотни тысяч печатных страниц, обещавшие такое сказочное разнообразие мыслей, идей и сюжетов, а на самом деле лишь прикрывавшие какую-то страшную пустоту, действовали на Петю ошеломляюще, и он стоял перед ними почти в оцепенении.

Между тем кипы газет уже сваливали одну за другой под прилавок с вырезанным вензелем «Ю.-З. ж. д.». Арендатор киоска, толстый, длиннобородый старик в синей мещанской чуйке, из-под которой виднелся жилет с золотой цепочкой, то и дело прикладывая к земляничному носу маленькое пенсне, перелистывал накладные и делал на них отметки карандашом, а тощая дама в шляпке, со злым, щучьим лицом проворно выбрасывала на прилавок пачки газет, которые тут же забирали газетчики и хозяева городских газетных киосков, давно уже выстроившиеся в очередь.

— Пятьдесят «Нового времени», тридцать «Земщины», полтораста «Биржевки», сто «Речи». Забирайте! Следующий! — выкрикивала она каркающим голосом, и пачки газет тотчас уносились на плечах и на головах на вокзальную площадь.

Там их уже ожидали тачки, извозчики и тележки с тем, чтобы поскорее рассеять по всему городу.

Гаврик пристроился в конец очереди, где кучкой стояло несколько человек, по виду нисколько не похожих ни на хозяев киосков, ни на газетчиков. Скорее всего это были рабочие. С некоторыми из них Гаврик поздоровался, как со знакомыми, и они о чем-то заговорили вполголоса, нетерпеливо поглядывая на вылетающие из-под прилавка пачки газет.

Пете показалось, что они чего-то опасаются. Наконец очередь дошла до них.

— Вам? — сказала дама с щучьим лицом, строго разглядывая незнакомых людей. Всех своих клиентов она знала наперечет. Этих она видела в первый раз.— Вам?

— Нам газету «Правда»,— сказал, протискиваясь к прилавку, пожилой рабочий с подстриженными усами, в галстуке и праздничном пиджаке, от которого, впрочем, все равно въедливо пахло шеллачным лаком и политурой.— Изволите видеть, тут у нас представители от завода Гена, Эллинга, РОПиТ, ремонтных мастерских, мукомольной фабрики Вайнштейна, пароходства Шавалда и, так сказать, от мебельной фабрики Зур и компания. Мы бы попросили на первый случай экземплярчиков по пятьдесят на брата.

— Как вы говорите? «Правда»? Первый раз слышу,— ненатуральным голосом сказала дама и повернулась к старику.

— Иван Антонович, разве наше агентство получает газету «Правда»?

— А в чем дело? — спросил старик, не отрываясь от накладных, и в то же время с неудовольствием оглядел клиентов маленькими, очень острыми глазками.

— Имеется требование на триста экземпляров какой-то «Правды»,— сказала дама.

— Не какой-то,— заметил Гаврик,— а ежедневной рабочей газеты, адрес конторы: Санкт-Петербург, Николаевская, 87, может быть, нет?

— Не получена,— сказал равнодушно старик.— Приходите завтра, послезавтра.

— Виноват,— сказал пожилой рабочий,— не может быть такого случая. У нас есть телеграмма.

— Не получена-с.

— Как это не получена? — вспыхнул пожилой рабочий и грозно нахмурил брови.— Черносотенное «Новое время» получено, кадетская «Речь» получена, а рабочая «Правда» не получена! Где же тогда ваша поганая свобода?

— А вот я вас за такие слова... Софья Ивановна, сбегайте-ка за жандармом!

— Что? — тихо сказал пожилой рабочий, еще сильнее сжимая свои густые серые брови.— Может быть, вы еще солдат вызовете? Как на Лене?

— Да что вы с ним, Егор Алексеевич, время теряете! — крикнул парень в фуражке-капитанке, с мутносиней татуировкой на перевитой жилами руке, видимо, представитель пароходства Шавалда.— Душа с него вон! — И рванулся к старику, отпихнув по дороге даму со щучьим лицом, у которой съехала набок шляпка.

Петя зажмурился. Ему показалось, что сейчас произойдет что-то ужасное. Но вместо этого услышал плаксивый голос старика:

— Только без рук, только без рук!..

А когда открыл глаза, то увидел, что Гаврик уже стоял за прилавком и с торжеством вытаскивал откуда-то снизу пачки газеты «Правда», напечатанной на дешевой, желтоватой бумаге, с большими буквами названия, такими же прямыми и строгими, как то слово, в которое они складывались.

— Только имейте в виду, господа, в розницу мы не продаем! — кипятилась дама.— И на кредит не рассчитывайте. Или забирайте всю партию — тысячу экземпляров — сразу за живые деньги, или до свидания, и завтра же ваша «Правда» поедет обратно в Петербург возвратом, и пусть она скорее прогорит!..

Газета была дешевая, общедоступная. В то время, как другие газеты стоили пятак, «Правда» стоила две копейки. Но за тысячу экземпляров надо было сразу заплатить двадцать рублей — деньги по тому времени большие.

Шесть представителей вывернули карманы, и оказалось, что у всех у них вместе нашлось всего шестнадцать рублей семьдесят четыре копейки.

— Босяки, нищие, жлобы, а еще занимаются политикой! — одним духом выговорила дама и повернулась задом, положив вывернутую руку в кружевной митенке на стопку газет.

— Одну минуточку,— сказал представитель пароходства Шавалда, сбегал в зал первого класса, заложил в буфете свои серебряные часы и моментально вернулся, неся перед собой на ладони смятую пятерку.

А через десять минут Гаврик и Петя с пачками «Правды» на плече уже шагали на Ближние Мельницы.

Хотя новая газета издавалась вполне легально, с разрешения начальства, но Петя чувствовал себя государственным преступником, и ко-

гда мальчики проходили мимо городовых, то Пете казалось, что городовые смотрят им вслед весьма подозрительно. Впрочем, отчасти так и было. Трудно было не обратить внимания на двух молодых людей — гимназиста и мастерового,— которые возбужденно и очень быстро шагали по улице с какими-то свертками на плече, причем гимназист все время осторожно оглядывался, а мастеровой, отбивая шаг, громко, на всю улицу, свистал «Варшавянку».

Чем ближе к дому, тем быстрее шли мальчики. Они уже почти бежали. Иногда Гаврик подбрасывал на плече сверток и, подражая газетчикам, кричал:

— Новая ежедневная рабочая газета «Правда»! Интересные телеграммы! Подробности ленского расстрела!— Причем глаза его жарко блестели.

Уже совсем недалеко от Ближних Мельниц, на Сахалинчике, Гаврик вынул из свертка несколько номеров и, размахивая ими, побежал, изо всех сил продолжая выкрикивать:

— Царский министр Макаров сказал в Государственной думе: «Так было, так будет». Долой палача Макарова! Да здравствует рабочая «Правда»! Покупайте рабочую «Правду»! Цена номера всего две копейки!

Начинались фабрики и заводы, и Гаврик уже не стеснялся. Здесь был тот мир, в котором он чувствовал себя свободно и независимо. Ворота с золотыми буквами на проволочных сетках. Кирпичные корпуса и трубы. Бетонная головастая башня маргаринового завода «Коковар» с колоссальным плакатом, изображавшим мордастого повара, протягивающего блюдо с дымящимся пудингом. Водопроводная станция, депо, элеваторы.

Кое-где, привлеченные криками Гаврика, из ворот выбегали рабочие в синих блузах и замасленных фартуках. Некоторые покупали газету и клали в руку Гаврика медяки, которые он, как заправский газетчик, торопливо совал в рот, за щеку.

В одном месте, заметив беспорядок, засвистел городовой, но Гаврик издали показал ему локоть, и мальчики проворно юркнули в переулок.

Теперь уже Петя почти не чувствовал страха, как бы вовлеченный в какую-то опасную увлекательную игру.

Вдруг сзади, на противоположной стороне переулка, раздался топот ног. Мальчики обернулись. Их догонял человек в развевающемся пиджаке. Он бежал на кривых ногах, делая виляющие движения, и кричал:

— Эй! Габѐлки! Пссссс... Пссссс...

Сначала Петя подумал, что это покупатель, и остановился, но в следующую минуту увидел, что ошибся. В руке человека, бегущего прямо на него, была короткая резиновая палка, а на лацкане пиджака — серебряный значок «Союза русского народа» с трехцветными ленточками.

— Тикай! — крикнул Гаврик, но человек с резиновой палкой уже был рядом, и Петя почувствовал сильный удар, который, к счастью, пришелся не по голове, а по свертку газет и только слегка задел ухо.

Клочья бумаги полетели во все стороны.

— Не тронь! — голосом, осипшим от ярости, даже не крикнул, а как-то зверски зарычал Гаврик и свободной рукой толкнул человека с резиновой палкой прямо в грудь с такой силой, что он отлетел назад и чуть не упал.— Не тронь, морда! Погромщик, союзник! Убью!

Не спуская острых, ненавидящих глаз с «союзника», Гаврик скинул с плеча газеты и протянул их назад, Пете.

— Бери и тикай прямо в ремонтные, вызывай дружинников,— быстро сказал он, облизывая губы и вряд ли даже соображая, что Петя может и не знать, что это такое — дружинники.

Но Петя очень хорошо понял Гаврика. Прижимая к груди пачки газет, он что есть мочи побежал по переулку.

Теперь Гаврик и «союзник» стояли друг против друга посередине мостовой, и Гаврик, продолжая облизывать губы и тяжело дышать носом, медленно опустил в карман правую руку, а когда ее так же медленно вынул, то на ней оказался стальной кастет с блестящими шипами.

— Убью! — повторил Гаврик, продолжая в упор рассматривать своего врага, как бы навсегда желая запомнить его опухшее, черномазое, как бы покусанное пчелами, безглазое лицо, с косым пробором и уголовно-капризной улыбкой жестокого болвана.

— Ну, поганая морда!— сказал «союзник» и замахнулся резиновой палкой, но Гаврик успел увернуться и побежал следом за Петей.

Он слышал за собой стук сапог, и когда этот стук сделался особенно близким, Гаврик вдруг бросился ничком на землю, и «союзник» со всего маху перелетел через него и растянулся на мостовой. Гаврик сел на него верхом и, не помня себя, стал молотить кастетом по черной, как вакса, голове, бессмысленно приговаривая:

— Не трожь! Не трожь! Не трожь!

Тогда «союзник» полез в карман и со стоном вытащил маленький браунинг черной вороненой стали. Раздалось подряд несколько выстрелов, но Гаврик успел придавить ногой стреляющую руку, и пули защелкали по мостовой, высекая из булыжника искры.

— Городовой! Полиция! — рыдающим голосом закричал «союзник» и вдруг, вывернувшись, укусил Гаврика за ногу. Гаврик застонал. Они стали кататься по земле, и неизвестно, чем бы это кончилось для Гаврика, который был в два раза меньше и слабее своего противника, если бы не подоспела помощь из ремонтных мастерских.

Пять дружинников, вооруженных обрезками водопроводных труб и дрючками, вырвали из рук «союзника» браунинг и резиновую палку, наскоро надавали ему по шее, а Гаврика почти на руках утащили во двор мастерских, и все это так быстро, что когда на выстрелы явился постовой городовой, то в переулке уже никого не было, кроме «союзника», который сидел на земле, прислонившись спиной к забору завода растительного масла и маргарина, и выплевывал окровавленные зубы.

С этого дня сначала в рабочих районах и на слободках, а потом и кое-где в центре города стала продаваться новая ежедневная газета «Правда».

ТРАДИЦИИ БОЕВОЙ ДРУЖБЫ

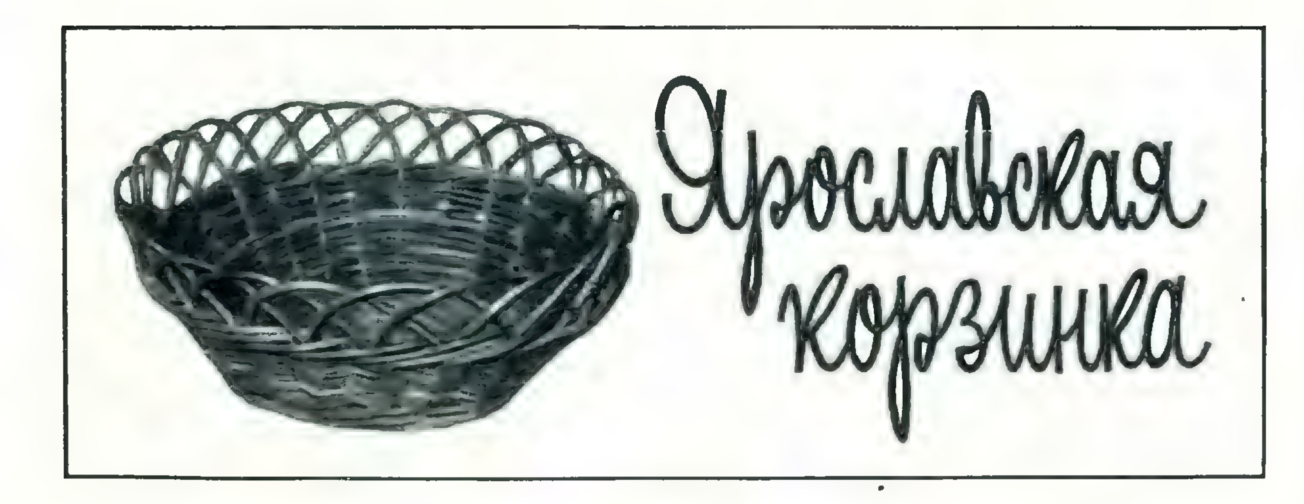
Пятьдесят лет назад, в осенние дни 1905 года, финские рабочие объявили всеобщую забастовку, выразив тем самым солидарность с героической борьбой русского пролетариата. Недавно в Финляндии отмечалась эта славная годовщина. Финская комиссия ветеранов всеобщей стачки 1905 года пригласила в свою страну участников первой русской революции Г. И. Петровского и А. Д. Блохина.

← Г. И. Петровский и А. Д. Блохин (крайние справа) среди финских ветеранов всеобщей стачки.

Митинг трудящихся Хельсинки на Привокзальной площади 30 октября 1955 года.

Ярославская корзинка

Василий ТИТОВ

— Да нет же, нет у меня этой дорожной корзины, этого самого «сундучка» окаянного,— говорила мне моя хозяйка Прасковья Ильинична, показывая чулан, доверху набитый разным хозяйственным скарбом.— Где ее взять-то? Теперь, поди, по всей Ярославской стороне не найдете вы этой самой дорожной корзины, не то что у нас, на белом берегу. Вот, хотите берите бельевушку, а не то и чулан закрываю.

А всему виною была антоновка, которую дернула меня нелегкая купить в первый же день по приезде в село. Яблоки лежали на столе в хозяйской горнице сияющей пирамидой, и каждое было так крупно и так прозрачно, что не любоваться ими было никак невозможно. И везти домой этот душистый янтарь в авоське или в хлипкой, неемкой бельевушке! Нет, это не дело! К тому же я был на Волге, в Ярославской стороне, в Некрасовском районе, где раньше из белой речной лозы плели тысячи изделий, которые высоко ценились и расходились чуть ли не по всей стране. Корзина, хорошая ярославская дорожная корзина — вот что нужно было мне для яблок.

Я знал этот край давно, и мне хотелось рассказать о замечательных умельцах, что населяют его, и поведать об их промысле и замечательном мастерстве. Дело в том, что в этом краю всегда было полно лесной и речной лозы. Пройдите вот хоть верст на шестьдесят вниз по Волге от Ярославля. По правому берегу здесь часто на целые километры все будут тянуться «леса». Не думайте, что это те самые древние, дремучие волжские леса, что когда-то стояли по побережью буйной, непреодолимой, могучей преградой. Топор за века хорошо погулял по всем этим звонким боринам и сырым дубравам. Теперь здесь остались и на целые километры тянутся леса-пустоши, заросшие только «кустом». Называют обширные эти леса здесь лесами колхозного пользования. Отданы они хозяйствам для выпаса скота, сбора лесного сена. Но главным богатством их является неистребимая болотная ива. Занимает она сотни гектаров. Посаженная на пень, дает эта ива через год такие богатые поросли прута, что осенью руби и режь его возами. А через несколько лет дает она и высокий ровный кол. Тогда руби его, гни из этого кола дуги, работай другие разные гнутые изделия.

А выйдешь на Волгу, поглядишь на нее с крутого берега — увидишь острова. Кто не бывал на них, тот не знает всей прелести таких уединенных веселых речных уголков. Тянутся они тут вверх и вниз гряда за грядою, по песчаным местам у приплесков поросли гибким, тонким ивняком. Эта речная лоза — еще большее богатство, чем грубоватая лоза лесная. За лето выгоняет она тонкий, ровный по всей толщине своей, как веревочка, прутик в полтора — два метра высотою, и любит она очень речной ил. Если вырубить ивовую палку в метр длиною, зарыть ее у приплеска неглубоко во влажный песок, новой весною дает эта закладка многие десятки побегов, а к осени выгонит их в человеческий рост. И тогда прут хоть косою коси!

Вот этой лозой исстари в глубокое осеннее и зимнее время и занимались здесь оба берега: и правый и левый. Лет восемнадцать назад на этих обоих берегах было в почете слово «промколхоз». Что такое промколхоз? Это обычное наше коллективное хозяйство, колхоз, только в нем, помимо основных забот по сельскому хозяйству — обработке земли, урожаю, животноводству,— есть еще забота и о других отраслях хозяйства, о промыслах. Помимо полеводческих, животноводческих и огородных бригад, есть в этих хозяйствах и бригады ремесленные, промысловые. Так исторически сложилось, что здесь было мало сел и деревень, где бы люди издавна не занимались чем-нибудь, помимо пашни. В одних селах жили кузнецы, в других — бочары да дужники, в третьих — металлисты да плотники, в четвертых — мебельщики да столяры. По праву и не без большой пользы для общего дела перешло потом все это по наследству и в колхозы. Доходы от промысла были немалые, к тому же не нужно было за тридевять земель ездить за нехитрыми поделками, которые можно мастерить самим.

...Делал правый берег изделия «черные», и назывался он «черным». Отчего так? От лозы, оттого, что лесная лоза грубее, хуже гнется, не шкурится и плетение из нее выходит вместе с корою «черное». Плели здесь и тарантасы и санки выездные, кошевы рабочие и санные стлани. Санная стлань, хоть и тонкая вещь, а и под тяжелой, самой грубой, «ломовой» поклажей года выслуживала. Делали во множестве еще кормовые и упаковочные корзины.

Только все же «черный» правый берег не мог равняться с левым берегом — «белым». Отчего «белым»? Да опять же от лозы. Гибкая речная лоза хорошо здесь шкурится, плетения из нее делают тонкие, и весь левый берег делал только «белые» товары. Работали тут дорожные корзины всех размеров и всех сортов — и хлебные для булочных, и рыночные для домохозяек, и мебель дачную плетеную разную, санки да колыбельки детские и еще такие вещи, что хоть в музее показывай. Бывало, как только осенью журавли на Киев потянут, у мастеров на белом берегу уже пуки прута заготовлены, и с последними работами на поле начинали они «заплет». А какие мастера были! Я сам знавал в ту пору одного мастера из села Грешнева — Ивана Парфеныча Бобнева. Грешнево — старинное село, усадьба отца поэта Некрасова; не раз в Грешнево наезжал и сам великий поэт. Так вот, Иван Парфеныч такие чудесные ларцы из ивовой речной лозы мастерил, что и воды не пропускали и были с секретным прутяным же замком. Делать эти ларцы научился он от отца, а отец — от деда. Дед Ивана Парфеныча был в те некрасовские времена человеком вольным и все как-то ладил в егери. Правда это или неправда, только рассказывают такую историю. Раз на охоте, на островах, встретился Некрасов с дедом Бобнева и спрашивает:

— А что, верно говорят, будто ты работаешь какие-то мудреные ларцы?

— Верно.

— Вернемся на усадьбу — покажешь.

Приехав с охоты, Некрасов не прямо к себе на усадьбу пошел, а в избу к егерю.

— Показывай,— говорит.

Достал тогда егерь с полки ларец, подает. Рассматривал, рассматривал его поэт, хвалил работу, а потом вдруг и спрашивает:

— А как же раскрывается-то?

— А вот отгадайте сами.

Опять долго рассматривал ларец Николай Алексеевич, и так и сяк старался открыть — не удается.

— Нет,— говорит,— показывай сам, у меня не выходит.

Мастер какую-то крохотную потайную плетеночку нажал, какую — даже для глаза незаметно было, и ларец сам раскрылся.

— Как у Крылова! — хохотал Некрасов.— Как у Крылова!

...А теперь вдруг слышу, что в этом краю нет умельцев и дорожной корзины достать нельзя, не плетут!

— Не плетут, не плетут! — говорила мне моя хозяйка.— Давно уже не плетут. И мой старик уже не плетет... И вся деревня давно не занимается... Вот разве только Прохор еще плетет. Ну, да вы у него все и узнаете. Я подошлю его к вам.

С Прохором Лукичом мы уже были знакомы. Он, помнится, замещал бригадира. Узок в поясе, широк в плечах, глаза сметливые, голубые. У Прохора есть аккордеон, и он вот уже вторую ночь не дает мне спать, помещаясь со своим инструментом под окнами хозяйского дома, на «девичьем току». Всю ночь по селу плывут из-под его талантливых пальцев волжские песни и грустные вальсы. Вчера я слышал у конюшни, как он договаривался с бригадиром насчет коня, чтобы съездить куда-то по делу, и как тот ему сказал:

— Ну что же, бери, только помни наказ — бочки чтобы были! Хоть взаймы где бери, а привози.

И я обратился к нему:

— Прохор Лукич, скажите, вы едете, кажется, в Мишнево или близко к тем местам? Мне надо побывать там в промколхозе «Большевик», повидать старого знакомого своего Ярочкина. Так не возьмете ли с собою?

— Ярочкина? — недоумевающим тоном спросил Прохор и, словно было ему неловко, добавил: — Ну что же, пойдемте садиться, еду как раз в том направлении.

Мы сели. Плетенный из тонких ивовых прутьев, крепкий, но старый тарантас, в котором сразу угадывалась местная работа, был заботливо застлан свежим сеном, а запряжен таким игривым мерином, что ехать по мягкой дороге на нем было приятно. Только почему-то он странно раскачивался на бегу, причем в глаза бросалось, как на оглоблях плясала какая-то довольно странная дуга, и примечалось, что именно она, эта дуга, совсем не пружиня, и шибает коня из стороны в сторону.

Хорошо это — ехать по знакомым местам, где очень давно не был, и угадывать, узнавать и знакомые пейзажи и знакомые селения! Вот сейчас будет село, где мастера увлекались плетением панелей для обивки террас. Вон село, где плели качалки. А вон, далеко влево, угадываются старый некрасовский парк, село Грешнево. Это там-то и жил Бобнев. Но что же это? Мы проезжаем село за селом, стоит пора самого плетения — по ярославской земле в багрянце и охре идет сама рукодельная осень,— а признаков того, что начался «заплет», нигде не замечается. И где я ни спрашиваю о плетении, мне отвечают лаконично: не плетем, давно уже не плетем!

Тогда я решил спросить моего спутника:

— Прохор Лукич, скажите, в чем же дело?

Он встрепенулся, поглядел по сторонам, на дугу, на меринка и сказал:

— А дело в том, товарищ, что забыто все это у нас. Вы видите вокруг все эти села? Диево-Городищенский сельсовет. Видите, как густо они стоят? По счету двадцать девять. Стоят часто, как один куст. Бывало, здесь в эту

пору уже возы товару готовы были. А теперь я вас везу вот только к двенадцати апостолам.

— Как? Что за «апостолы»?

— А так! Живут они в артели «Большевик», которой руководит Ярочкин.

Мы въезжали в Мишнево. Старое русское село тихо, по-осеннему грелось на солнце. Бабье лето, опутывая паутиной багровеющие черемухи, шло по задворьям. У села на болоте женщины резали торф. У скотного двора копнили сено. Но только у одного, высокого, с «подрубью» дома я увидел то, что искал. У крыльца сидел занятый плетением старик, плел простую бельевую корзину, с которой ходят на речку полоскать белье. С косматой белой гризой волос, с суровыми кустистыми бровями, он был очень похож на солдата-ветерана с суриковской картины о переходе через Альпы. Вокруг него толпилось пять — шесть парней, которые с любопытством рассматривали, как старик выбирал, ставил на место и загибал прутья.

— Вот вам первый из двенадцати — апостол Захарыч,— останавливая лошадь, сказал Прохор.— С заплетом, Захарыч?

Старик шумнул на парней и вгляделся в подъехавших. Вгляделся и я в старика и узнал. За немудрой работой сидел сейчас тот самый знаменитый мастер Захарыч, про которого в промколхозе рассказывали, что он однажды ради шутки сплел из лозы самые настоящие и по всем правилам сапожного искусства сапоги, чем очень насмешил всю округу. Теперь он с досадой отбросил свое плетение.

— Прохор, что ли? — обратился он к моему спутнику.— Прохор. С каким там, парень, заплетом! Смехота одна. Слыхал — и нашу артель упраздняют. Переводят за двадцать верст, на черный берег. Последнюю-то, остатнюю артель! Что же это, выходит, лучше и придумать нельзя? Конец белому берегу?

Я слез с подводы и напомнил ему о нашей былой встрече. Но старик глядел на меня сурово, сухо и молчал.

Мы опять поехали. Прохор говорил:

— А мастер-то какой, мастер! Дворец сплетет! Лучшую мебель работал. А теперь вон, видали, бельевушки плетет.

Но я плохо слушал Прохора. Как же так? Выходит, промколхоза в Мишневе больше не существует, а есть артель, последняя, единственная артель на белом левом берегу, которую тоже почему-то закрывают... От старика мы только и узнали, что остальные одиннадцать артельщиков были сейчас где-то на Волге, на Ульковских островах, и резали лозу. Туда мы и поехали.

...Я не буду описывать островов. Я расскажу, что поведал мне Семен Васильевич Ярочкин, бывший председатель артели. Была ночь. Полный месяц стоял над рекою. Волга, черная, как старинное серебро, нет-нет да и вздрагивала на струях огнистой чеканкой. Мы лежали на ворохе свежей, тонкой, пахучей коры, только что снятой с побегов. За кустами, на сухом приплеске, артельщики варили в казане кулеш.

— Отчего упадок в промысле на нашем берегу? —говорил Ярочкин.— Да дело-то простое, объяснимое. Причин, пожалуй, основных две: ошибки и упущения прежних лет и непонимание нашего дела в настоящее время.

Никому, видимо, и в голову не приходит, что промыслы-то наши забирают время зимнее да глубокую осень, когда на полях делать нечего и в хозяйстве остается много свободных рук. Решили выделить из промколхозов артели с собственным бюджетом, и так, мол, пусть и существуют. Сказано — сделано. Что же, артели так артели, форма приемлемая. Колхозы укрупнили, артели отделили. Но, выйдя из промколхозов, артели оказались мельчайшими, карликовыми хозяйствами. Опереться им было не на что, укрепить забыли. Мало-помалу артели стали хиреть и разваливаться. Поддержать, говорю, их забыли. Да еще и строгости пошли со стороны руководства в смысле работы в артелях. Тому нельзя, тому тоже в артель не ходить. За нашей артелью узаконили тогда всего двенадцать бородатых стариков, что ревностно промысел держали. Только благодаря их упорству мы и сохранились еще как артель. Зато вместо умельцев широкого профиля стали мы артелью без марки, бельевушечники. Заставляют делать нас по плану дрянненькие корзиночки, и носим кличку «двенадцать апостолов». А завтра вот еду я сдавать дела за двадцать верст от артели: теперь мы уже не артель, а чья-то бригада. Идем вниз осторожненько, на тормозах спускаемся!

«Печальная повесть!» — подумалось мне.

— Опять о корзинах разговор! — раздался голос за кустами, и на лунную дорожку, шипя шинами по песку, подкатил на велосипеде человек.— Принимай, Васильич, гостя. Макаров, работник райпотребкооперации,— отрекомендовался он, обращаясь ко мне.— Корзины, корзины! Я сейчас вот опоздал на перевоз и к вам на огонек завернул. А по пути встретил Прохора из Диева-Городища. Так вы знаете, куда он сейчас поехал? На паточную фабрику «Красный Профинтерн». Не достану ли, говорит, там из утиля хоть каких-нибудь бочек. Взять, говорит, больше негде. Ни в кооперации, ни на базаре.

— Я о своем, Василий Федорович,— отозвался Ярочкин.

— Да понятно, что о своем. Как говорится: у кого что болит, тот о том и говорит. На днях к нам в райпотребсоюз от колхозов заявки поступили на хомутовые клещи и на хомуты. Хомутов, видишь ли, у нас нет. Дело с кожей связано, товар фондирозанный. Тогда решил я достать хоть клещей. В иных колхозах с этим и сами справляются, сами хомуты шьют. Туда, сюда, обзвонил всю область и выяснил, что за клещами надлежит мне ехать в Брянск, искать какую-то Злынку, где есть артель и где делают эти деревянные клещи. В Брянск! А в области, у нас в области, ни одной артели, где бы делали их. А ты — корзины, корзины!

— А ты мне еще про бочки расскажи, про сани,— сердито заговорил Семен Васильевич.— Ты вон у Прохора дугу видел? В Ярославле на фабрике сделана. Особая, клееная! Ездить под такой дугой невозможно. Тяжелая, не пружинит. Для изготовления такой дуги, слышал я, лес из Костромы и чуть ли не из Вологды везут. Режут его на дощечки, гнут, склеивают наикрепчайшим казеиновым клеем. Дуга! А вон погляди за реку. Там целые ивовые леса стоят. Было же время, когда там плантации закладывали, дужный ивовый кол растили тысячами и дуги гнули. Вся санная Ярославщина под ними ездила. А теперь, упустив хорошее дело, выход нашли — фабрику построили, гни из дощечек дуги!

— Так, так,— серьезно улыбаясь, вторил Ярочкину Макаров.

— Ты про бочки начал,— еще больше сердясь, продолжал Ярочкин,— а я тебе вот несколько цифр приведу. Я записал их недавно из официального отчета на собрании работников промкооперации в Ярославле. Вот они: за прошлый, 1954 год промкооперацией в области было изготовлено 450 бочек, 23 чана да 711 ушатов, окоренков, лоханей и разный другой мелкий щепной товар. Много? На всю-то область! И за этот год дела ничуть не лучше. Оттого Прохор-то и поехал на паточную фабрику в утиле бочки искать, что днем с огнем их у нас не найдете. А ведь делали, делали сами! «Кругами» делали, целыми наборами, «кругами» и покупали их. Из ели, из липы, а нет — и из березы.

Встав и поправляя на себе пиджак, он продолжал глухим взволнованным голосом:

— Вот бы, кажется, сейчас и взяться за дело. Нужда во всем есть, миновало и проходит время «безручья», когда на селе было мало людей. Выросла молодежь, закрепились и уже не тянут в город и другие иные. Вот бы вспомнить о разных наших затухших промыслах и взяться вновь за их организацию. У меня и предлог был, чтобы поговорить на эту тему. Уж, кажется, кое-что понимаю в этом. Предлог — это то, что нашу артель закрыли. Пошел в райплан, потом в райком. Высказал мнение. А мне в ответ, что все, мол, это хорошо, но поймите, товарищ, не в этом сейчас главное... Поняли! Будто это стороной может идти и можно подождать. Так вот,— закончил бывший председатель артели, обращаясь ко мне,—это, я считаю, причина вторая, и не прошлого, а настоящего времени. Равнодушие, как болезнь. Вот так!

Месяц тихо сошел с зенита и поплыл низко-низко над рекою. Волга вспыхнула огнями и заиграла разом во всю ширину и длину свою. Ярочкин и Макаров долго еще говорили.

Утром рано к берегу подкатил Прохор. Мы переправились. В тарантасе у него лежали три крепких бочонка из-под патоки. Над ними вились последние осенние вялые осы. Мы поехали обратно. Длинная луговая кочкарная дорога была впереди. Мы ехали молча и тихо. Мне жалко было этот левый берег, где сейчас так бесславно, тихо умирало нужное нам, хорошее ремесло. Из памяти не выходила беседа с Ярочкиным и Макаровым.

Диево-Городище.

Семен Васильевич Ярочкин, его двоюродная сестра Елизавета Григорьевна (в центре) и жена Татьяна Андреевна плетут корзинки и санки.

Фото В. Кругликова.

И. А. Владимиров (1870—1947). БАРРИКАДА НА ПРЕСНЕ. 1905 год.

Центральный музей В. И. Ленина.

Г. К. Савицкий (1887—1949). БОЙ У ГОРБАТОГО МОСТА НА ПРЕСНЕ. Декабрь 1905 года.

Центральный музей В. И. Ленина.

Н. И. Шестопалов (1875—1954). РАЗГРОМ ПОМЕЩИЧЬЕЙ УСАДЬБЫ. 1905 год.

Государственный музей Революции СССР.

Н. А. Касаткин (1859—1930). БОЕВИК. 1905 год. **Государственный музей Революции СССР.**

ЛУЧЕВОЙ УДАР

Д. ХРАБРОВИЦКИЙ

Ночью доктора А. К. Гуськову разбудил телефонный звонок. Она привыкла к ночным вызовам, но на этот раз разговор удивил ее: собеседник изъяснялся какими-то междометиями, явно не договаривая главного. В конце концов он прямо сказал, что разговор не для телефона, и просил приехать. Немедленно.

У подъезда клиники стояли чьи-то забрызганные грязью автомобили, в вестибюле толпились какие-то возбужденные люди, у дежурной сестры от волнения дрожали руки, когда она помогала доктору снимать пальто.

Почти бегом Гуськова миновала длинный коридор и, едва переводя дыхание, рванула на себя дверь.

В небольшой палате на белом табурете сидел юноша. Он смущенно и, как показалось Гуськовой, виновато улыбался: мол, сам не знаю, зачем привезли сюда. Гуськова была готова ко всему, только не к этой довольно мирной картине. И, стараясь хоть как-то скрыть смущение, она задала банальный вопрос:

— На что жалуетесь?

— На начальство,— попытался сострить юноша.

Гуськова облегченно вздохнула и улыбнулась шутке. На душе сразу же стало легко и радостно. Но, увы, радость оказалась преждевременной. С человеком, сидящим перед ней, действительно случилось несчастье, очень большое несчастье.

Час назад в научно-исследовательском атомном центре, расположенном неподалеку от клиники, произошла авария с экспериментальным реактором. Катастрофу удалось ликвидировать. Но один из сотрудников, находившийся в непосредственной близости от уранового котла, подвергся интенсивному внешнему воздействию нейтронов и гамма-лучей.

Проходили часы. Больной жаловался на общую слабость, сонливость, головную боль, тошноту. Потом у него началась рвота. Все меры, обычные в таких случаях, не могли остановить ее...

Симптомы были слишком явными. Диагноз не вызывал сомнений: неизбежное следствие интенсивного облучения — острая лучевая болезнь.

Никто никогда еще не встречался у нас с этим заболеванием. Да и само понятие о нем ворвалось в медицину вместе с первыми взрывами атомных бомб, с началом ядерных реакций в экспериментальных котлах... Подобно солнцу, наказавшему Икара, который дерзнул приблизиться к нему, природа пыталась сжечь крылья тех, кто стремился проникнуть в сокровеннейшую из ее тайн.

От Ангелины Константиновны Гуськовой и Григория Давыдовича Байсоголова — врачей периферийной больницы — зависела сейчас жизнь советского человека — первой жертвы лучевого удара.

Гуськовой вспомнилась статья о Хиросиме, попавшая на глаза еще несколько лет назад, вспомнилась маленькая статья об истории девушки, которая на пятнадцатый день после взрыва случайно заметила на своих руках какие-то белые пятна. А спустя неделю после появления пятен она умерла.

Невидимые, неощутимые лучи... Коварные, беспощадные убийцы... Человек может долго не замечать никаких изменений в своем состоянии, но однажды тяжелый недуг валит его с ног, и тут выясняется, что организм безнадежно искалечен, а может быть, и обречен.

На атомной электростанции Академии наук СССР мне довелось убедиться, какое огромное значение придается у нас заботе о безопасности персонала. Смертоносные нейтроны и гамма-лучи, возникающие при работе реактора, отделены от внешней среды метровым слоем воды и бетонной стеной толщиною в три метра. Графитовый отражатель лучей, верхняя стальная крышка и чугунная плита служат надежной тюрьмой, в которую заключены «невидимые убийцы».

В каждом помещении станции, даже в раздевалках и душевых, даже возле вахтера, проверяющего пропуска в подъезде, установлены чуткие ионизационные камеры, которые реагируют на любые, хотя бы незначительные признаки излучений.

На станции существует центральный щит дозиметрии. Приборы на щитах соединены с ионизационными камерами в рабочих помещениях. В любое время дежурный может определить, какова ионизирующая доза излучений в том или ином зале. На стенке другого щита сосредоточены приборы, показывающие степень «загрязнения» воздуха радиоактивными излучениями.

В случае, если доза превышает допустимые нормы, автоматически включается тревожный сигнал — и загорается красная лампа. Люди, находящиеся в помещении, каким бы неотложным делом они ни занимались в этот момент, обязаны немедленно перейти в безопасную зону. Все сотрудники станции, помимо того, снабжены личными дозиметрическими устройствами — карманными электроскопами, напоминающими вечную ручку, и другим прибором, заряженным пленкой, которая проявляется раз в четыре дня и дает представление о дозах облучений.

Еще более серьезные меры безопасности предпринимаются там, где по условиям производства облучение становится неизбежным.

В штате Вашингтон, на Хенфордском заводе, производящем плутоний, к каждым трем — четырем сотрудникам прикреплен специальный «ангел-хранитель» — «эйч-ай мен», в обязанности которого входит наблюдение за тем, чтобы его подопечные не получили опасной дозы излучений. Трижды за смену «ангел-хранитель» производит свою проверку. Ни мощные свинцовые перегородки, ни многометровые бетонные стены не могут служить достаточно надежной защитой. Служащие атомных заводов вынуждены работать в воздухонепроницаемых комбинезонах, с плотно пригнанными шлемами, снабженными кислородными приборами. Но есть цехи с особо высоким уровнем радиоактивности. Даже мгновенное пребывание там грозит человеку опасными поражениями. Для текущего ремонта в таких цехах применяются специальные электронные машины. Управляемая на расстоянии механическая рука (на Хенфордском заводе ее ласково называют «Красоткой Долли») проделывает самые сложные и самые тонкие операции. За ее действиями наблюдают издали посредством специальных телевизионных устройств.

Всякая износившаяся деталь, извлеченная из «горячей зоны», уже сама по себе представляет опасность. Ее не выносят за пределы завода, а погребают тут же, в цехе, в недрах бетонного пола, прикрывая сверху плотным свинцовым надгробием. В течение многих столетий эти свинцовые колпаки будут подвергаться изнутри усиленной бомбардировке радиоактивных частиц, обладающих смертоносной силой.

Однако никакая инженерная защита не в силах предвосхитить возможных случайностей. Тем более это относится к научно-исследовательским центрам, связанным с работой на новых, экспериментальных установках.

Защита от радиоактивных излучений — большая наука. Человечество постигло ее на горьком опыте и заплатило за это дорогою ценой.

В 1895 году Рентген обнаружил таинственные «икс-лучи». Вскоре за этим Анри Беккерелем была открыта радиоактивность. Нужно сказать, что первые экспериментаторы удивительно легкомысленно отнеслись к особенностям ионизирующих излучений. Вряд ли кому-либо из них приходила в голову мысль, что эти явления сопряжены с опасностями биологического характера. Игнорировались элементарные меры предосторожности. В результате уже спустя несколько месяцев после открытия «икс-лучей» появились тревожные сообщения о первых заболеваниях экспериментаторов. Список пострадавших постепенно рос, и почти все работники в тот первый период пострадали от своей неосведомленности, причем многие из них получили смертельные поражения. Мария Кюри-Склодовская, которой человечество обязано открытием радия, сама пала жертвой собственного открытия. Медицинское заключение, подписанное известным врачом Тобе, гласило, что причиной ее смерти явился радий. Организм утратил всякую сопротивляемость, потому что костный мозг был истощен и опустошен длительным радиевым облучением...

С тех пор прошло много лет. Теперь уже рентгенологи не страдают от ионизирующих излучений. В конструкциях рентгеновских аппаратов и рентгеновских кабинетов предусмотрены надежные средства защиты, гарантирующие безопасность и больных и обслуживающего персонала.

Но в последние годы медицина столкнулась с новой, острой, ошеломляющей формой лучевой болезни, когда облучение не растягивается на годы, а обрушивается мгновенно в огромной дозе, поражая все органы и все системы... Лучевой удар!

6 августа сорок пятого года взрыв атомной бомбы в Хиросиме унес тысячи человеческих жизней. Многие из тех, кто не пострадал непосредственно от ожогов или взрывной волны, потом медленно погибали. Так впервые заявила о себе острая лучевая болезнь.

Медицину она застала врасплох. Японские врачи, вынужденные занять позицию сторонних наблюдателей, лишь констатировали клинические признаки и трагическое развитие заболевания, не зная, как помочь своим обреченным пациентам.

Спустя несколько лет, во время испытания водородной бомбы в Тихом океане, от лучевого удара пострадали японские рыбаки.

Для предотвращения радиоактивных воздействий при проведении испытаний новых типов атомного и термоядерного (водородного) оружия в Советском Союзе взрыв был произведен на большой высоте. При этом проводились широкие исследования по вопросам защиты людей.

Кое-кто из сторонников политики «с позиции силы», особенно заинтересованных в атомном шантаже, поспешил провозгласить, что лечение острых лучевых поражений находится за пределами возможностей сегодняшней медицины.

Однако передовая наука придерживалась на сей счет иной точки зрения. В лабораториях ряда стран, в частности у нас, в Советском Союзе, началось глубокое изучение процессов, происходящих в пораженном организме.

Что же такое острый лучевой синдром, как его называют медики? Это действия гамма-лучей и потока нейтронов, которые образуются в момент атомного взрыва и обладают особенностью проникать через значительные толщи материалов или живых тканей.

Лучевое поражение вызывает ионизацию молекул, из которых состоят органические ткани. Образуются новые химические соединения, по своим реакциям значительно отличающиеся от обычных, происходящих в здоровом организме. «Денатурируются» белковые тела, поражаются ферментные системы. В результате наступает интоксикация всего организма.

Опасность поражения потоком нейтронов усугубляется тем, что элемент натрий, находящийся в тканях, становится радиоактивным:

распадаясь, он, в свою очередь, испускает бета- и гамма-лучи. И вот уже в самом организме происходит своеобразное вторичное радиоактивное воздействие. Среди прочих тканей особенной чувствительностью к лучевому воздействию отличаются клетки центральной нервной системы, хотя по своей структуре они очень устойчивы. В результате их повреждения нарушается регулирующее влияние нервной системы на важнейшие жизненные процессы. Весь организм в целом оказывается пораженным. Особенно остро лучевой удар сказывается на кроветворных органах. Гибнут клетки костного мозга. Он как бы опустошается. Резко падает количество белых кровяных шариков, уменьшается число тромбоцитов в крови. Повышается проницаемость сосудов. Мельчайшие сосуды, капилляры, становятся хрупкими и ломкими. На поверхности тела и внутри его образуются множественные кровоизлияния.

Биологическую дозу принято измерять рентгеном. Так называют единицу излучения, когда в 1 кубическом сантиметре воздуха при нормальных атмосферных условиях возникает 2 миллиарда пар ионов, каждый из которых имеет заряд, равный электростатической единице. Опыты показали, что различные виды животных обладают разной радиочувствительностью. Например, минимальной смертельной дозой для морских свинок являются 300 рентгенов, для собак — 600, для кроликов — 1 250. Но оказывается, что и внутри каждого вида радиочувствительность неодинакова. При облучении дозой в 350 рентгенов погибает лишь 10 процентов крыс из общего числа облученных. Остальные выдерживают бо́льшие дозы, причем среди них встречаются экземпляры, выживающие даже после облучения в 700 рентгенов!

Поучительны и другие опыты. Если, например, морскую свинку ежедневно облучать дозой в 4,4 рентгена, животное погибнет не раньше, чем общая сумма полученной ею радиации достигнет 2 900 рентгенов. В то же время однократного облучения в 300 рентгенов уже достаточно, чтобы был получен тот же эффект. Продолжив опыт, ученые установили, что при еще более дробном облучении, скажем, по 0,11 рентгена в сутки, поражающее действие радиации не проявляется вовсе. Это происходит потому, что во время интервалов между облучениями в организме происходит восстановление нарушенных функций. Следовательно, для здоровья человека ежедневное дробное облучение, не превышающее 0,05 рентгена, считается сравнительно безопасной, но предельно допустимой дозой.

...И вот в больнице началась борьба за человеческую жизнь, борьба, полная упорства, граничащего с отчаянием, борьба, в которой робкий проблеск надежды сменялся безысходностью разочарования. Поединок со смертью длился дни, недели, месяцы — с переменным успехом.

Перед Байсоголовым и Гуськовой лежала таблица, составленная американскими медиками Штейном, Беллами, Дауди и Уорреном — разбитый по дням график течения лучевой болезни, график, основанный на наблюдениях над людьми...

«Доза в 600 рентгенов. Первая неделя — рвота, воспалительные процессы во рту и глотке. Вторая неделя — быстрое похудание, лихорадка, смерть...»

«Доза в 400 рентгенов... Вторая неделя — начало выпадения волос, потеря аппетита, общее недомогание. Четвертая неделя — бледность, носовые кровотечения, быстрое похудание, смерть...»

Смерть... Смерть... Это слово преследовало Байсоголова и Гуськову. У них было много поводов для отчаяния и один из главных — доза облучения: 450 рентгенов. Смертельная доза! А человеку всего двадцать один год. Он только что окончил институт и лишь за несколько дней до несчастного случая начал работать в лаборатории.

В первые три дня болезни юноша был вял и почти неподвижен. Исчез аппетит. Кружилась и болела голова. Падало кровяное давление. На четвертый день ему как будто сделалось лучше. Давление возвратилось к норме, пульс стал умереннее, появился аппетит, а вместе с ним стала исчезать и слабость. Так продолжалось две недели. Юноша повеселел, он читал книги, шутил с сестрами и даже недоумевал, почему его до сих пор держат в постели.

Как-то утром, во время очередного обхода, остановив Гуськову, он стал просить, чтобы его выписали на работу. Но ни Гуськова, ни Байсоголов не строили никаких иллюзий. Они отлично понимали, что это лишь временная передышка, грозное затишье перед грозой. Данные ежедневных исследований безоговорочно убеждали их в этом.

Увы, наука уже знала такие примеры с точно таким же обманчивым затишьем и сокрушающей бурей, разразившейся вслед за ним.

Байсоголов и Гуськова готовились к буре. Каждый день по телефону поддерживалась связь с Москвой. Врачи достаточно хорошо знали, по каким органам и системам будет нанесен удар, и по возможности старались если не парализовать, то хотя бы смягчить его. В их руках был метод, разработанный советскими экспериментаторами, они верили в его силу, надеялись на него.

...На девятнадцатый день состояние юноши резко ухудшилось. Гуськова застала его в бреду. Термометр показывал сорок с десятыми. На теле появились множественные подкожные кровоизлияния. Угасали рефлексы. Но самыми тревожными были данные анализов: опустошался костный мозг, катастрофически изменялась картина крови...

Тринадцать суток больной находился между жизнью и смертью. Тринадцать суток ни на минуту врачи не оставляли его. Тринадцать дней! В памяти Гуськовой они слились в один бесконечный день.

Врачи располагали четким планом борьбы. Она была организована по основным пунктам и адресам развития болезни.

Кровь. Разрушаются и гибнут клетки костного мозга. Начинает выходить из строя кроветворная система. Этого допустить нельзя. И в организм регулярно вводится свежая кровь, обладающая достаточным количеством и белых и красных кровяных шариков. В организм вводится и ряд искусственно приготовленных химических препаратов: тезан, укрепляющий кровь, нуклеиново-кислый натр, стимулирующий кроветворение.

Сосуды. В результате биохимических изменений повышается их проницаемость, начинают ломаться капилляры. Это чревато обильными кровоизлияниями, опасность которых усугубляется все возрастающей несвертываемостью крови. Необходимо укрепить прочность сосудистых стенок — и на помощь приходит раствор хлористого кальция, на помощь приходят витамины.

Инфекции. Катастрофически гибнут лейкоциты — главные борцы с инфекцией. Лишенный белых кровяных шариков, организм становится беззащитным. Но наукой созданы могучие средства борьбы с опасными микроорганизмами — антибиотики: стрептомицин и пенициллин. На время течения болезни им, антибиотикам, поручено нести основную вахту.

И, наконец, центральная нервная система. Для регулирования основных функций ее вводится кофеин и бром.

На первый взгляд как будто все просто. Давно известные средства: переливание крови, тезан, нуклеиново-кислый натр, хлористый кальций, витамины, антибиотики, кофеин, бром. Все знакомо. Ни одного нового препарата. Но успех решал метод — борьба, рассчитанная по часам и минутам,— что, зачем, когда. И метод выдержал. На четырнадцатый день, когда пошел уже второй месяц заболевания, температура постепенно стала снижаться.

...Гуськова тяжело опустилась на краешек кровати. Рука ее, державшая градусник, дрожала. Глаза были полны слез...

— Тридцать семь и шесть,— сказала Гуськова.— Победили!..

И снова потянулись дни, похожие один на другой. И опять точно по расписанию делались анализы и производились процедуры. Но это уже были иные дни — дни выздоровления.

Вот и все. К рассказанному остается добавить, что спустя три месяца больной покинул клинику, он вышел за ее стены и стал практически здоровым человеком.

И еще. Во время работы Международной конференции по мирному использованию атомной энергии в Женеве присутствующие с огромным вниманием выслушали доклад молодых советских врачей А. К. Гуськовой и Г. Д. Байсоголова о двух случаях острой лучевой болезни у человека.

Еще раз победила советская наука.

Атомная электростанция Академии наук СССР. У центрального щита дозиметрии, откуда осуществляется контроль за состоянием воздуха в помещениях станции.
Фото В. Савостьянова (ТАСС).

Подвиг

Профессор
Б. ВОЛИН

Подвигом назвал бессмертный Ленин то, что совершили пресненские рабочие в 1905 году. Это была вершина, ярчайшее выражение подвига, совершенного тогда рабочими Москвы, всем революционным народом России.

Если вы хотите вновь окунуться в самую гущу событий первой русской революции, если вы хотите вновь увидеть воочию отдельных людей и пришедшие в движение народные массы, ощутить героическую животворную атмосферу той революции, которая стала «генеральной репетицией» Великого Октября, обратитесь к сборнику «1905 год», изданному Гослитиздатом. Здесь собраны художественные произведения многих писателей разных поколений, начиная с «Песни о Буревестнике» А. М. Горького.

В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин писал: «Буря, это — движение самих масс... Первый натиск бури был в 1905 году».

Вот об этом-то бурном движении народных масс России и дает яркое представление этот сборник.

Горький и Серафимович — очевидцы и сами активные участники этой первой народной революции, чье творчество наиболее полно отразило ее разные стороны; Д. Фурманов, давший волнующие страницы из истории известной стачки иваново-вознесенских текстильщиков, в ходе которой был создан Совет уполномоченных; С. Скиталец, Алоиза Тетка, Якуб Колас, М. Коцюбинский, Э. Бирзниек-Упит, показавшие события революционной деревни; П. Панч, В. Вересаев, А. Куприн, давшие художественные страницы, посвященные борьбе солдат и матросов царской армии и флота; К. Паустовский, воскресивший полузабытый прекрасный образ лейтенанта Шмидта; Н. Телешов, А. Яковлев, П. Бляхин, воссоздавшие по-разному в отдельных эпизодах события всероссийской октябрьской политической стачки, декабрьского вооруженного восстания; А. Новиков-Прибой, С. Васильченко, А. Упит, А. Арайс-Берце, Э. Вилде, А. Васильев, заклеймившие зверскую расправу царизма с восставшим народом; наконец, И. Билюнас с его аллегорией «Светоч счастья» — все они, такие разные по силе таланта, по образу мышления, но одинаковые в своей любви к народу, создали произведения о 1905 годе.

Начало XX века. Все в России предвещало грозную бурю. «Буря! Скоро грянет буря!» — звенело от взметнувшихся на рабочих демонстрациях красных знамен. «Пусть сильнее грянет буря!» — настойчиво призывали большевистские листовки. Революционная буря надвигалась с неумолимой силой всесокрушающей народной лавины.

И она пришла, наша революция! Она разразилась в начале 1905 года в Петербурге, пронеслась очистительной грозой над всей Россией, вплоть до ее отдаленных окраин, и увенчалась памятными баррикадами вооруженного восстания в Москве. В истории России наступил поворотный пункт.

Подлинный инженер человеческих душ — Алексей Максимович Горький, сам испивший до дна чашу страданий русских людей труда, глубоко знавший чувства и мысли замученных и задавленных царизмом, помещиками и капиталистами, вдохновенно писал в знаменитой сказке «Товарищ!» о пробуждении новой России, по улицам и площадям которой «бодро ходили истинные хозяева жизни». Они «горели сознанием силы своей, предчувствие победы сверкало в их глазах... И тогда с новой силой, с ослепительной ясностью встало перед ними животворящее, объединяющее слово:

— Товарищ!»

Это они, вдохновляемые и организуемые большевиками, Лениным, совершили свой бессмертный подвиг. Государство помещиков и капиталистов безжалостно рубило казачьими шашками, кололо солдатскими штыками тех, кто, по выражению Эрнеста Бирзниека-Упита, узнал, «как вернуть людям Свободу и Справедливость». Русский царизм не щадил никого. Степан Васильченко рассказывает про думы старой матери в своей поэтической «Чайке»: «Один село против пана поднял — сидит в Киеве, другой не пошел царю служить — посадили в Екатеринославе, а третий, Андрийко бесталанный, до той поры правду искал, пока ему не задали такой правды, что теперь лежит в Лубнах в больнице, умирает».

Революция, как писал незадолго перед своим уходом из Ясной Поляны Лев Николаевич Толстой, сделала в русском народе то, что он вдруг увидел «несправедливость своего положения». Даже вечно безмолвный «поборник закона», противник насилия, верноподданный эстонец Яан из рассказа Э. Вилде после разгромов и расстрелов, учиненных царскими карателями, вдруг заговорил. Из его груди вырывается предсмертный крик: «Да здравствует борьба за свободу! Долой убийц!.. Свободу вы должны **завоевать**, правами вы должны **овладеть**!».

В годы реакции мы — участники первой русской революции — не раз повторяли слова молодого поэта, очевидца пресненских баррикадных боев Евг. Тарасова: «Жажда битвы не задушена в раненом орле».

Героев первой русской революции и бессмертные дела их народ не забыл и не забудет. «Золотыми буквами, — говорится в трогательной аллегории Иоанаса Билюнаса «Светоч счастья», — были вписаны в книгу истории имена погибших героев, и новые поколения учились у них мужеству и свято чтили их жизнь и подвиги».

С большим волнением перечитываешь сегодня страницы сборника, посвященного событиям 1905 года. Жаль только, что составители сборника (он был бы еще ценнее, если бы в него вошли также и лучшие произведения поэзии тех лет) проявили полное безразличие, безвкусицу в оформлении книги.

1905 год. Рассказы. Гослитиздат. Москва. 1955. 514 стр.

Горный поток

Прочитав роман «Горный поток», мы узнали много нового о событиях недалекого прошлого, которые еще свежи в памяти. Мы познакомились с хорошими, славными людьми — героями словацкого восстания 1944 года в Банской Быстрице. Это было одно из самых крупных выступлений в глубоком тылу гитлеровской армии, цель которого состояла в том, чтобы освободить родину, поддержать наступавшие советские войска.

Автор романа Сергей Крушинский в те дни был военным корреспондентом «Комсомольской правды» и по поручению редакции приземлился на партизанском аэродроме вслед за радистом Андреем Полозовым из батальона связи при штабе Первого Украинского фронта. Встреча Полозова с повстанцами, описанная в романе, — пожалуй, одно из самых сильных мест книги.

Полозов невысок и не очень коренаст, но чувство у всех такое, точно среди партизан объявился богатырь исполинской силы. «Русскую речь парашютиста может понять каждый, и это вызывает бурю восторга». Полозов не знает о том, что каратели убили жену, двух детей и старуху-мать партизанского командира Штрбана, человека большой воли и мужества. Всю ночь лежал Штрбан в шалашике, припав лицом к земле. «Кто-то накрыл его шинелью и ушел. Кто-то поставил перед ним миску с кашей, положил флягу с палинкой и скрылся. Ни к чему не притронулся Штрбан». И вот он оказывается лицом к лицу с Полозовым.

— Русский? — Штрбан раскидывает руки. — Здравствуй, брат, товарищ!

Они обнимаются трижды...

— Успокойся, брат, товарищ, — говорит Полозов, мудростью сердца постигший безмерное горе словацкого партизана. — Мы с них взыщем за все!

Это запоминается, как запоминаются многие другие правдивые картины словацкого восстания. Секретные документы тех дней, партизанские газеты и листовки, записи бесед Тиссо и Гитлера обогатили роман, помогли автору ярко рассказать об одном из этапов героической борьбы словацкого народа за новую Чехословакию.

Штрбан, Валоуш, Гладиш и другие герои восстания выписаны автором хорошо. Это живые люди — каждый со своей мечтой о счастье.

Неплохо обрисованы образы гитлеровского холуя иезуита Тиссо, мнящего себя властелином Словакии; слабовольного генерала Веньяна, предавшего партизан, и мечущегося в поисках правды учителя гимназии Людевита Завадила.

Заканчивается роман описанием временного поражения партизанских сил. Банская Быстрица пала, повстанцы уходят в горы, чтобы завтра неукротимым горным потоком обрушиться на врага и добыть свободу для своей родины.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Сергей Крушинский «Горный поток». Роман. Журнал «Знамя» №№ 1—4. 1955.

Поэзия Вьетнама

Советский читатель проявляет большой интерес к литературе народов зарубежного Востока. За последние два — три года изданы переводы классических китайских романов, новелл, произведений выдающихся писателей Кореи, Индии, сборник индийских сказок. И вот перед нами «Стихи поэтов Вьетнама» — сравнительно небольшая книжка, открывающая мир поэзии героического народа. В сборнике представлены и заслуженные и совсем молодые поэты. Искрящиеся мягким, лукавым юмором стихи «Нашему повару» написаны не профессиональным литератором, а группой бойцов Народной армии в минуту отдыха, у костра.

Два чувства пронизывают все стихи, представленные в сборнике: гнев народа, твердая решимость преодолеть натиск врага, добиться победы и чувство радости победившего народа. Гордостью преисполнены стихи поэтов о Партии трудящихся Вьетнама, о любимом президенте Хо Ши Мине. Сколько светлых, чудесных образов создают поэты, когда они пишут о долгожданном, кровью добытом праве пахать, строить, растить детей!

В стихотворении «Буйвол» поэт Ле Дат, рассказывая историю буйвола, сначала отнятого помещиком, а потом, после победы, возвращенного крестьянам, зримо и живописно воссоздает ликующую атмосферу народного торжества:

Буйвол! Вновь он слезами
Землепашца омыт.
Гладит спину хозяин —
Буйвол тихо мычит.
А сынишка-проказник
Влез, уселся верхом,
И ему нынче праздник —
Машет красным флажком.

Горячим, непосредственным чувством насыщены стихотворения «Встанем с зарею!» Нго Кюи Кханга, «Освобожденное село» Ван Чунга и чудесная народная песня «Радость жатвы». «Чтобы рис и маис пышно в поле поднялись...» — в этих словах «Песни о партии Лао Донг» До Миня выражены стремления тружеников вьетнамской земли.

Их воодушевляет сознание единства стран демократического лагеря, чувство солидарности со всеми честными людьми земного шара.

Поэты Вьетнама живут одними чувствами, одной жизнью с народом.

Советский читатель искренне радуется вышедшему сборнику. Будут рады ему и наши друзья во Вьетнаме.

Н. БАННИКОВ

Стихи поэтов Вьетнама. Гослитиздат. Москва, 1955. 255 стр.

Величие и падение Барнабаша Коса

Рассказ

Петер КАРВАШ

Рисунки И. СЕМЕНОВА.

Природа, как известно, иногда не прочь подшутить над человеком, и так случилось, что Барнабаш Кос играл не на флейте, не на кларнете и даже не на пикколо, а на треугольнике. Следует заметить, что он играл на этом инструменте виртуозно, вкладывая в музыку всю душу, что он был самым надежным, самым преданным делу человеком в оркестре. Когда ему случайно не приходилось выдерживать паузу — а надо сказать, что жизнь Коса складывалась преимущественно из невероятного количества пауз, восьмых, четвертных, половинных, но главным образом длящихся целый такт,— когда приходило его время и он должен был играть свою партию, Кос закрывал от наслаждения глаза, его уносила могучая волна мелодии и ритма, и металлическая палочка, зажатая в дрожащих пальцах, мягко и с глубоким чувством опускалась на благородную сталь треугольника. Раздавалось позвякивание, по сравнению с которым звук ангельских колокольчиков казался бы оскорбляющим слух грохотом, и Барнабаш Кос, испив до дна сладость творчества, снова самозабвенно погружался в безбрежное море пауз, четвертных и прочих, но главным образом длящихся целый такт.

В свое время Барнабаш Кос играл и на барабане, и на тарелках, и на литаврах; тогда он считал себя богом оркестра, а всех остальных музыкантов с дирижером вместе за свое, в общем не такое уж необходимое, дополнение. Но появлялись молодые и талантливые выпускники консерватории, и наконец оказалось, что Барнабашу Косу, хотя это и было для него непривычно, остался только треугольник. На треугольнике могли бы спокойно играть по совместительству и барабанщик и литаврист, но это означало бы, что Барнабаш Кос лишний и что его можно или даже нужно уволить. А уволить Барнабаша Коса было технически и морально невозможно: Кос находился в оркестре буквально с незапамятных времен, держался образцово, работал с воодушевлением, аккуратно, словом, еще не родился смертный, у которого достало бы мужества посмотреть Косу в глаза и прямо сказать ему, что он больше не нужен. Таким образом, Кос, блаженствуя, с успехом играл на треугольнике, с достоинством дремал во время бесконечных пауз, был усерден, никому не мешал, а когда однажды заболел и пропустил три концерта, то это заметили только при исполнении оригинальной симфонии «Час призраков», где нужно было на треугольнике отбить полночь. Это была сольная партия, где своеобразный музыкальный талант Барнабаша Коса проявлялся наилучшим образом.

Но как ни lento maestoso [1] текла жизнь этого самоотверженного служителя муз, в один прекрасный день в нее ворвалось allegro furioso [2], если можно так выразиться. Это был день, когда на совещании руководства симфонического оркестра кто-то — неизвестно почему авторов таких исторических изречений никогда нельзя впоследствии отыскать — заметил:

— Вот, например, у Барнабаша Коса тоже ведь нет никакой общественной работы!

И верно! Руководители обрадовались и тут же утвердили Барнабаша Коса уполномоченным по шефской работе.

Хотя Барнабаш Кос так никогда и ни от кого точно не узнал, в чем состояли его функции, это не меняет дела — он стал общественным работником. Когда ему сообщили об этом, он очень испугался. Ему сказали, что он будет отвечать за работу бригад, и он сперва подумал, что речь идет о новом инструменте, игре на котором он не обучался. Но ему объяснили, что на этом не играют и что стрелять из этого также нельзя, и тогда он успокоился. Он продолжал старательно играть на треугольнике, а когда вспоминал, что является общественным работником, чувствовал в душе нечто вроде ответственности и смутно сознавал, что это — веяние времени, с которым нужно мириться. Остается только пожалеть, что все не оставалось так и в дальнейшем.

Через некоторое время тромбонист Петраш перешел в филармонию, и тогда о Барнабаше Косе вспомнили как о человеке, который не очень энергично сопротивляется общественным поручениям. Таким образом Кос нежданно-негаданно унаследовал после Петраша обязанности уполномоченного по вопросам отдыха оркестрантов. А так как музыкальный сезон был в разгаре, то и эта обязанность никак не сказалась ни на жизни, ни на режиме дня доблестного музыканта. К пространным паузам во время концертов и репетиций добавились паузы во время заседаний месткома, прерываемые лишь дуолями «Я — за!», воспроизведенными пианиссимо, или триолями «Я — против!», соответственно тому, что стояло в нотах, то есть — что это мы! — соответственно тому, как голосовало большинство. Однако и теперь сердцем Барнабаша Коса владел треугольник, которому попрежнему были отданы творческое самолюбие и вся нежность музыканта.

[1] Медленно, величаво.

[2] Быстро, бешено.

Но вот однажды вечером секретаря месткома, трубача Гайдоша, позвали к телефону.

— Честь труду [1], Гайдош, это ты? Слушайка, товарищ Гайдош, завтра утром в семь часов отходит автобус с профработниками, едущими на двухнедельные курсы.

— Ну и ну! — сказал Гайдош. — И ты сообщаешь мне об этом только сейчас?

— Знаю, — ответил голос на другом конце провода, — произошла ошибка, и мы сейчас только выяснили, что в списке нет никого от оркестра.

— Но... — сказал Гайдош.

— Знаю, — ответил голос, — но теперь нужно исправлять ошибку. Больше этого не повторится.

— Но... — сказал Гайдош.

— Знаю, — ответил голос, — но мы на тебя твердо рассчитываем. Возьми с собой зубную щетку, пижаму, «Маркс и Энгельс об искусстве»...

— Да нет же! — закричал Гайдош. — Это немыслимо. Оркестр — это не футбол, нам нужен каждый игрок! Я...

— Знаю, — сказал голос немного тише. — Так пошли кого-нибудь другого.

— И речи быть не может! Мы разучиваем Ленинградскую симфонию, Вторую венгерскую, Патетическую и не можем никого освободить от репетиций! — разошелся Гайдош.

— Знаю, — ответил голос, — но ты подумай... Так завтра в семь, и без опозданий.

— Тут не о чем думать! — закричал Гайдош. И вдруг замолк, будто вспомнив о чем-то.

— Знаю, — сказал голос. — Кажется мне, что ты уже нашел выход?.. Ну!..

Так и попал Барнабаш Кос на учебу. Он покорно упаковал зубную щетку, пижаму и «Маркс и Энгельс об искусстве» и утром в семь часов сидел в автобусе, крайне удивленный, все еще не понимая, что и почему произошло. Через несколько часов он вылез из автобуса в обширном тенистом парке и поселился в прелестной вилле, в одной комнате с балетмейстером из СЛУКа [2] и печатникомлириком, необыкновенно симпатичными ребятами.

Барнабаш Кос провел две несомненно интересные и веселые недели, наполненные развлечениями в дружной компании, горячими дискуссиями (треугольник отдыхал), дышал здоровым, благоухающим лесным воздухом. Особенно подружился он со своим соседомпечатником и еще с одной актрисой и вел себя снова во всех отношениях скромно, сдержанно и примерно. Однажды его вызвал руководивший занятиями товарищ Вавречка и дружески сказал ему:

— Что это ты такой... молчаливый, товарищ Кос? Такому молодому человеку, как ты, следовало бы проявлять больше инициативы.

Барнабаш Кос действительно не был стар, но в оркестре он играл роль ветвистого бука в березовой рощице.

— Вот посмотри хоть на товарища Мелиха, — продолжал руководитель и указал на вышеупомянутого печатника. — Он наверняка будет директором типографии. Или вот Янкович, — это был черноволосый коренастый и деятельный журналист, — могу поспорить, что он скоро станет шеф-редактором.

Барнабаш Кос улыбался. Такие стремления были ему чужды. Он был виртуозом игры на треугольнике, и ни к чему другому его не тянуло. В его партии преобладали паузы, и с первыми скрипками, фаготистами или трубачами он конкурировать не собирался. В его характере не было ничего драматического, он был человеком мирным, дисциплинированным. И были ему чужды честолюбивые мысли.

Кос благополучно вернулся с учебы, а вслед за ним пришло извещение о том, что занимался он образцово. Как человек, окончивший курсы, Кос не мог отказаться, когда его выбрали в культкомиссию. И никто не слышал, чтобы он допустил на этом важном посту какие-либо ошибки. По правде говоря, об этом участке работы вообще ничего не было слышно.

Зная Коса как опытного общественника, его только чудом не выбрали председателем месткома. Зато общественных нагрузок у него прибавилось. Всякий вам подтвердит, что Барнабаш Кос никогда ни с кем не спорил, по части музыки всегда был безупречен, а в отношениях с людьми парень хоть куда. Кроме этого, в жизни Барнабаша Коса ничего не изменилось, только однажды во время концерта он запоздал на целых три четверти такта сыграть на своем треугольнике одну шестнадцатую ноту, ибо во время исполнения музыки Чайковского ему вдруг пришла в голову нелепая мысль, что не мешало бы все-таки проявить хоть некоторую активность.

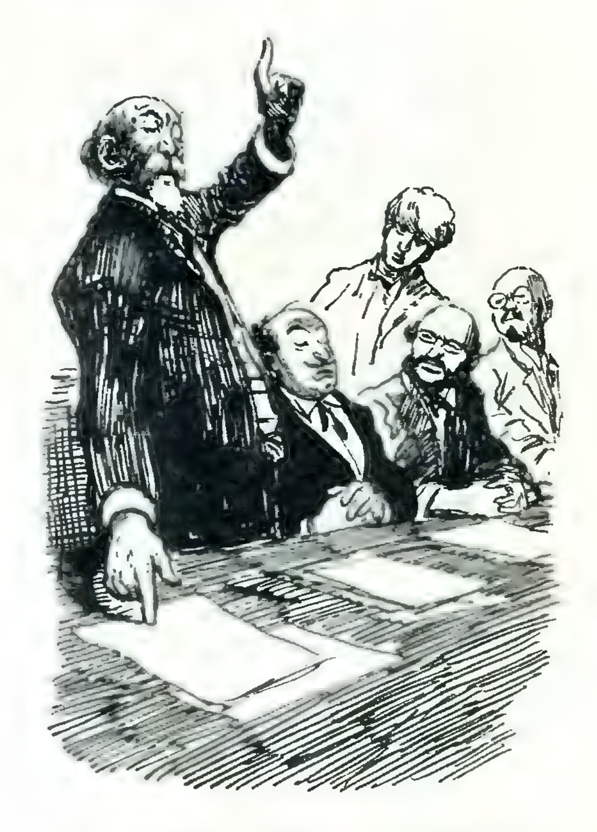
Как раз в это время назначали центральную репертуарную комиссию, состоявшую из выдающихся композиторов, солистов и музыкантов. В руководстве оркестра шли жаркие споры о том, кто должен представлять оркестр: первый дирижер или второй. При этом указывали, что первый лучше подготовлен и обладает более широким кругозором, а второй прекрасно ладит с людьми и сумеет лучше защищать интересы оркестра. Не договорившись, члены руководства пришли к выводу, что работа комиссии все равно будет пустой формальностью и что вполне достаточно послать концертмейстера. Концертмейстер питал, однако, врожденное отвращение (на нервной почве) ко всякого рода комиссиям.

Вот так в жизнь Барнабаша Коса и вошли новые паузы, или, вернее, allegro vivace [3], ибо комиссия заседала не только формально, были там и весьма темпераментные схватки по поводу репертуарной линии, споры о всех значительных концертах и о множестве других важных вещей. В ходе шумных дебатов, проходивших, как правило, в звучании между forte и fortissimo [4], Барнабаш Кос сохранял привычную для него дисциплину, чем невольно приводил в изумление всех присутствовавших. Когда в вышестоящих органах начали накапливаться жалобы на членов репертуарной комиссии и всяческие обвинения против них, на Барнабаша Коса никто не жаловался и никто его не обвинял. Отсюда сделали вывод, что это человек рассудительный, справедливый, умеющий обходиться с людьми и, очевидно, стоит на должной высоте как специалист.

Потом Барнабаш Кос заседал в комиссии по делам музыкальной молодежи (КММ), в комиссии по концертам камерной классики (4 К), в комиссии по проведению года Яна Левослава Беллы [5] (так называемая comissia Bella) и в комиссии по более глубокому изучению квартсекстаккорда, и повсюду он проявил себя человеком порядочным, умеющим отлично обходиться с людьми и пользующимся всеобщими симпатиями. Так и повелось, что в руководящих органах при создании комиссий по делам искусств уже просто между делом замечали:

— Гм, да, а от музыкантов пригласите этого Коса.

С композиторами, дирижерами, виртуозами были одни неприятности: у них были свои собственные взгляды, которые они изо всех сил старались провести в жизнь; они вечно куда-то торопились, занимались какими-то своими специальными проблемами, — словом, были великими индивидуалистами. Барнабаш Кос ничем подобным не страдал. Кроме того, он никогда не опаздывал ни с какой работой и поэтому никогда не нервничал. Это был человек уравновешенный, корректный, и с ним все шло гладко.

Ни в почетных комитетах, ни в президиумах, где он скоро стал заседать, ни на совещаниях, которые созывали вышестоящие организации, с ним одним не было никаких стычек. Он оказался во всех отношениях подходящим человеком. Когда какой-нибудь вспыльчивый индивидуалист боролся за свою крайне субъективистскую (какой же еще могла она быть?) точку зрения и задерживал этим гладкий и безболезненный ход собрания, любители быстрых решений наклонялись друг к другу и с горечью шептали:

— Да, этот не то что наш Барнабаш Кос...

Таким образом, Барнабаш Кос выполнял свои общественные обязанности, подавал пример, сиял ослепительным светом, притом мечтал об оригинальной музыке, в которую, например, была бы включена беседа двух ландышей и на его долю пришлось бы сорок восемь тактов соло на треугольнике.

Как нарочно, именно в это время директора симфонического оркестра отозвали с работы и перевели куда-то в управление. Собралось большое совещание, чтобы наметить кандидатуру нового директора. Спорили неутомимо. Первый дирижер не годился, ибо, как нам уже известно, не умел работать с людьми, у второго же была не столь хорошая подготовка и не столь широкий кругозор. Подумали было о выдающемся композиторе, но он был прежде всего выдающимся композитором. Потом подумали о малоизвестном композиторе, но он был еще мало известен... Шла речь и об одном музыкальном критике, но о нем говорили недолго. Наконец кто-то — указать, кто именно, и на этот раз невозможно — в полном отчаянии воскликнул:

— А что, товарищи, не сделать ли нам директором Барнабаша Коса?!

Но эти слова, право, не следовало произносить вслух. Немедленно попросил слова товарищ Вавречка, тот самый, который в свое

[1] «Честь труду» — приветствие чехословацких трудящихся.
[2] СЛУК — сокращенное обозначение Словацкого народного ансамбля песни и пляски.

[3] Быстро, живо.
[4] Громко и очень громко.
[5] Выдающийся словацкий композитор (1843—1936).

время руководил курсами и который волею судеб был послан на это совещание.

Он сказал:

— Здесь кто-то с насмешкой и высокомерно отозвался о товарище Косе. Я знаю товарища Коса. Я руководил его обучением, а учился он по воле случая в смене, которая дала уже стране двух орденоносцев, четырех директоров и тринадцать ударников. Например, товарищ Мелих стал сейчас директором типографии, и отличным директором! И товарищ Янкович является одним из наших талантливейших шеф-редакторов! Я лично доверяю товарищу Косу и недооценивать его деловые качества полагаю неуместным.

Разговор быстро перевели на другой предмет и горячо заспорили о следующих кандидатах. Против одного возражали смычковые, против другого — медные, против третьего — деревянные; у одного было мало таланта, у другого — много недругов, у остальных и того и другого было поровну. Совещание так ничего и не решило: ни на ком не могли сойтись, все кандидатуры вызывали принципиальные возражения.

Когда об этом узнали в вышестоящих организациях, то сказали:

— Глядите-ка, Барнабаш Кос! Добился все-таки! Играл на треугольнике... Тише воды был... А теперь — в директора! Ну, что ж, посмотрим!..

Посмотрели — и решили. Получив приказ, Барнабаш Кос добродушно усмехнулся и подумал, что следовало бы об этом случае написать в газету как о примере бюрократизма или чего-то подобного, что повело к такой смешной путанице с адресами. Почти два дня он со все возрастающим опасением в душе искал настоящего адресата, а когда наконец доподлинно узнал, что адресат все-таки он сам,— упал в обморок.

Очнувшись, он отправился в компетентные организации и заявил:

— Простите, но это роковая ошибка.

— Нет,— отвечали ему.— Это излишняя скромность. Ты уже проявил себя, а теперь постарайся не подвести нас.

— Но ведь я,— робко сказал Барнабаш Кос,— наверняка подведу. Я на треугольнике играю... У меня нет ни знаний, ни авторитета, ни, так сказать...

— Нас информировали,— ответили ему.— Мы обсуждали. Мы знаем, что ты хорошо проявил себя.

Барнабаш Кос обошел все вышестоящие организации и всюду терпеливо объяснял, что он играет на треугольнике.

— Товарищ Мелих был печатником, а теперь прекрасный директор! А шеф-редактор Янкович? Что он, родился шеф-редактором? Нет, он родился сосунком.— И Косу привели сотню примеров, как молодые, способные, талантливые люди оправдывали возлагаемые на них надежды. Примеров можно было бы привести еще тысячу, но Барнабаш Кос уже не слушал.

Через неделю он сложил оружие и стал руководить.

Паузы кончились. Трудно поверить, сколько нужно приложить стараний и искусства, чтобы всякий раз избежать необходимости высказать четкую точку зрения, определенный взгляд, принять решение. Как сладка жизнь четырехкратного уполномоченного! Но руководитель?! Ведь от руководителя, черт его знает почему, хотят, чтобы он руководил...

Природа, однако, имела в виду и такие случаи и снабдила свои творения благословенной способностью приспосабливаться к обстоятельствам. Примерно через неделю Барнабаш Кос научился говорить с внушительным видом:

— Это ценное предложение заслуживает, как мне кажется, того, чтобы мы в настоящее время его детально продумали и в соответствующем случае предприняли необходимые шаги.

Или:

— Здесь нужно энергично вмешаться. В духе указаний, которые мною получены, я полагаю, что это можно более или менее одобрить или, смотря по обстоятельствам, и не одобрять.

Или:

— Об этом стоит подумать. Обсудим. При случае. Напомните мне об этом. Да. Да. Да.

Или же чаще всего:

— По существу вопрос решит надлежащий компетентный работник в соответствии с положением на своем участке.

Слова «по существу», «собственно говоря», «как-нибудь», «кстати», «при случае» стали как бы основными слагаемыми в речи Барнабаша Коса.

Никто не знает, каким образом, но точно известно, что оркестр продолжал свою жизнь и творчество; своим чередом шли репетиции, смотры и концерты, люди ходили и не ходили на них, хлопали и молчаливо высказывали свое недовольство, и все шло старой, проторенной дорогой. Среди начальников и подчиненных Коса одни считали его «практически абсолютно неспособным», пожимали плечами и весьма многозначительно усмехались: «Вот мы и дожили... Но могу поспорить, что он там и месяца не продержится, свернет себе шею»; другие же говорили: «Почему бы ему работать хуже других, звезд с неба он, как его предшественник, не хватает, так с чего это он вдруг свернет себе шею?»; третьи, наконец, были ко всему безразличны, дули в тромбон или диктовали циркуляры, а кто директор, их не касалось. Словом, твердо известно только одно — никто не заявил во всеуслышание: «Барнабаш Кос неспособен руководить симфоническим оркестром, его назначение — это роковая ошибка, результат полного незнания людей и обстановки».

Барнабаш Кос иной раз просыпался во втором часу ночи мокрый, как мышь, ибо ему снилось, что он должен был что-то немедленно и самостоятельно решить; он с грустью смотрел издали на любимый треугольник, обслуживаемый теперь варварски и бесплатно другим человеком, который лишь изредка беспокоил для этого свою левую руку. С сердцем, полным неясных предчувствий, ожидал Кос, что́ принесет ему будущее. Ведь, как говорится, все развивается... В верхах говорили: «Он делает не больше глупостей, чем кто-либо другой»; в низах рассуждали: «Лучше дрозд [1], чем ястреб», и Барнабаш понемногу привыкал, как привыкает человек ко всему, даже к виселице... Вместо пауз он привык теперь к каденциям в шестнадцать тонов и богатому контрапункту, привык и к тому, что он уже не играл больше на треугольнике и не жил той богатой духовной жизнью, как раньше, привык в конце концов и к своим смутным предчувствиям.

* * *

Где-нибудь здесь автору следовало бы подумать о том, чтобы закончить рассказ. Можно было бы еще нарисовать медленный, но неодолимый упадок оркестра, постепенный рост справедливого возмущения неумелым руководством Барнабаша Коса и, наконец, вмешательство руководящих организаций и решительное, хотя и немного затянувшееся, улучшение дел. Можно было бы подчеркнуть, что — как это, конечно, понятно каждому — речь идет не столько об оркестре, сколько о работе с кадрами, требующей внимательного, подробного ознакомления с людьми, что в искусстве — это еще более тонкое и сложное дело, чем в других областях, что наряду с успехами сотен мелихов и янковичей в судьбе Барнабаша Коса имелись и весьма своеобразные моменты и т. д.

Но бывают случаи, когда герои перестают слушаться автора, проявляют вдруг личную инициативу и начинают жить своей, обособленной жизнью. Тут автору ничего не остается, как поспешать за ними и сообщать читателям все, что он узнал о герое.

Таков и случай с Барнабашем Косом, хотя это несколько неожиданно.

Однажды утром директор Кос проснулся со странными сомнениями и спросил сам себя:

«Неужели я какой-то жалкий исполнитель на треугольнике в захудалом оркестрике? Неужели я ничто рядом с выдающимися скрипачами, пианистами и органистами? Или я, напротив, видная фигура нашего музыкального мира, человек, который отлично проявил себя?»

Все свидетельствовало в пользу второй возможности.

[1] Кос — по-словацки дрозд.

Когда человека начинают обхаживать, не без угодливости ему кланяться, обольстительно улыбаться; когда его приглашают на приемы и всеми уважаемые люди беседуют с ним мило и непринужденно о Сме́тане; когда ему хладнокровно подают на подпись докладные,

испещренные огромными цифрами, и журналисты требуют от него интервью и фотографии,— легко может случиться, что человек поверит именно второй версии.

Правда, некоторые люди относились к Барнабашу Косу отрицательно, например, первый дирижер; зато второй, тот самый, что был менее талантлив, но, в сущности, более ловок, незаметно говорил новому директору приятное, замечал при случае, что если человек не кончал консерватории, то «нигде не написано, что он должен быть плохим директором» и что «даже директор Шкодовки [2], вероятно, не сумел бы собственноручно отрегулировать карбюратор». Ко всему этому он при случае присовокуплял довольно остроумные замечания о первом дирижере, о некоторых особенностях его поведения, о которых вообще-то лучше помолчать, о его отрыве от масс и сомнительном происхождении. От второго дирижера не отставали и другие; даже те, у кого в своем узком кругу для этого Коса находилась презрительная усмешка, держались с ним лойяльно, даже, пожалуй, с уважением. Раз по какой-то нелепой случайности подобному человеку доверили такую должность, значит, за ним стоит кто-то покрупнее, с кем лучше не связываться.

Итак, ничто не препятствовало Барнабашу Косу возомнить, что он представляет собой некую величину в музыкальном мире, хотя и весьма своеобразную, да, собственно, и слава богу, что своеобразную.

И Барнабаш Кос перешел в наступление.

Он принялся единолично решать узкоспециальные вопросы; когда же перед ним испуганно отступали, был доволен силой своей правоты. Он начал распоряжаться репертуаром, критиковать свысока первого дирижера, насаждать новую, хотя и совершенно туманную концепцию исполнения произведений Бетховена. О выдающихся композиторах и виртуозах он стал высказываться со снисходительностью чуть-чуть невоспитанного гения. Когда же упоминал о депутатах — а случалось это довольно часто,— говаривал: «И Ондре понравилось!..», «И Иожка хотел бы...» Наконец он завел роман с машинисткой.

Это все, может быть, и сошло бы ему с рук. Но он начал снова играть на треугольнике! Перестав тренироваться, он играл поразительно плохо, но провозглашал это новым стилем, новой школой исполнения. Кроме того, Кос начал составлять репертуар с точки зрения партии для треугольника: он выбирал

[2] Шкодовка — одно из крупнейших в Чехословакии машиностроительных предприятий.

только такие отрывки, где мог выступить сам, остальные отвергал. И даже более того. Он начал придумывать соло на треугольнике, однажды попытался заменить треугольником партию рояля, а в другой раз неожиданно вмешался в соло для скрипки, самостоятельно доводя до совершенства явно недоделанное произведение Иоганна Себастьяна Баха. Наконец, он приказал объявить конкурс на большой концерт для треугольника с оркестром.

С музыкой может случиться всякое, особенно если смотреть на нее с точки зрения треугольника.

Действия Барнабаша Коса начали постепенно вызывать отпор и насмешку. Вначале еще говорили:

— Это оригинальная личность, у него свой путь. Посмотрим, что из него выйдет.

Потом уже только отмахивались:

— Совсем спятил!

Все это, естественно, стало известно и в вышестоящих организациях. Там сперва понимающе кивнули:

— Ну, ясно: ошибки на первых порах... Да и у кого нет врагов? Вы, артисты, и на святого наговорите.

И удивлялись:

— До сих пор он работал хорошо и вдруг стал работать плохо? Вам бы и Тосканини не угодил...

В конце концов усомнились:

— Как, Кос? Тот самый приветливый Барнабаш Кос, что так хорошо проявил себя? Неужели он подвел?

Может быть, так, может быть, немного иначе было сказано — мнения тут расходятся,— но совершенно ясно, что, конечно, никто не пришел, не взял Барнабаша Коса за галстук

и не сказал ему: «Слушай-ка, сдается мне, что ты делаешь глупости. Возьми себя в руки, Барнабаш, и попробуй действовать по-другому, например, вот так...»

Впрочем, события тем временем бурно развивались. На афишах рядом с именами дирижера и солистов стояло: «На треугольнике играет маэстро Барнабаш Кос». Прекрасная новаторская кантата местного композитора не была исполнена, ибо в ней не оказалось партии треугольника. Зато третьеразрядные исполнители, учтя это обстоятельство, заняли видное место в самых значительных концертах. Треугольник господствовал, он сиял в эмблеме симфонического оркестра, как триединое божество.

И вот наконец дело дошло до того самого, памятного всем, исторического, завершившего все совещания, по сравнению с которым римский сенат или французский конвент были совершенно, очевидно, пустыми посиделками, до совещания, которое должно было пролить свет на все это дело, восстановить истину, не допустить дальнейших грубых ошибок и сделать выводы из допущенных ранее,— словом, до совещания, на котором должны были наконец освободить Барнабаша Коса от работы.

В докладе говорилось о его провинностях, это были серьезные, тяжкие провинности.

После доклада слово взял товарищ Вавречка и произнес речь на тему: предательство Барнабаша Коса. Он долго говорил о том, как Барнабаш Кос обманул доверие товарищей, как провалил он ответственное дело и как позорно отстал от других представителей молодежи, выдвинутых на руководящую работу, образцово выполнявших свои обязанности, оправдывавших самые смелые надежды.

Потом выступил второй дирижер и ярко осветил попытки Барнабаша Коса вернуться к формализму, упадочные тенденции в составленном им репертуаре и его враждебное отношение к отечественной музыке.

Все это было, собственно говоря, правдой или походило на правду, что еще хуже.

Потом выступали другие ораторы, смычковые, медные, деревянные, представители различных учреждений, и было выяснено, что Барнабаш Кос — это чудовище, а также главное, если не единственное, то все же препятствие к дальнейшему развитию нашей музыки.

Под конец кассир изложил некоторые финансовые обстоятельства, выразительно дополнившие портрет Барнабаша Коса, и выводы о нем уже в другой плоскости.

Затем Барнабаша Коса сняли с работы, и все разошлись, довольные, что покончили со всеми трудностями, накопившимися в нашем музыкальном мире за последние десять лет.

* * *

Директор Мелих и шеф-редактор Янкович встретили однажды Барнабаша Коса.

— Честь труду, товарищ Кос,— сказали они дружески.

— Честь труду,— ответил Кос.— Как поживаете, братцы?

— Помаленьку,— ответил Мелих.

Янкович перебил его:

— Мелих недавно получил государственную премию за новый способ офсетной печати. Его применяют уже в четырех типографиях!

— Да брось ты, товарищ депутат!— сказал Мелих с укоризненной улыбкой.

Потом друзья рассказали об общих знакомых, силой случая главным образом молодых людях, которые отличились на той или иной работе, и вдруг заметили, что Барнабаш Кос сконфуженно молчит.

— А как ты?— обратились они к нему.

— Я?..— ответил Кос.— Теперь уже лучше... Я играю в одном небольшом оркестре... Но надеюсь получить место в театре.

Он смущенно пробормотал, что долго был без места, что у него были кое-какие неприятности из-за финансовых операций, в которых он ничего не понимал, но поставил на документах свою подпись в то время, когда он был, как он сам выразился, «заклятым врагом нашего искусства». Потом задумчиво добавил, вне всякой видимой связи с тем, что говорил раньше:

— Ведь я... играю на треугольнике...

Они расстались, и Мелих с Янковичем пошли своей дорогой.

— В нем никогда не было искры таланта,— сказал Мелих.— Он казался мне честным парнем, но без огня.

— Да,— ответил Янкович,— и я всегда так думал. Достаточно было взглянуть на него...

— Да. Достаточно было взглянуть. А ведь если бы он работал над собой, он мог бы стать неплохим музыкантом.

И они заговорили о другом. Янкович вспомнил, что нашел прекрасного руководителя иностранного отдела. Мелих рассказал о каких-то двух ребятах, которые не сегодня-завтра смогут руководить целым предприятием.

— Наш Добровец?— воодушевился он.— О, это крепкий парень, за него я ручаюсь! Можешь мне поверить, я изучил его до мозга костей, этого Франтишка...

И они пошли дальше, искренне восхищенные своими людьми; они действительно изучили их до мозга костей, верили им и не могли в них ошибиться.

Перевел со словацкого
В. САВИЦКИЙ.

«БОЦИ-БОЦИ ТАРКА»

Так называется современная венгерская оперетта, которую впервые в Советском Союзе поставил Киевский театр музыкальной комедии. Эта постановка имеет свою историю. Киевский театр музыкальной комедии уже ставил в недавнем прошлом оперетту «Орлиные перья» Ференца Фаркаша. И когда венгерские артисты узнали, что их украинские друзья готовят новый спектакль, в Киев пошли посылки из Венгрии: фотоснимки сцен спектакля будапештского театра оперетты, описания танцев, обрядов, четыре полуметровые куклы в гриме и костюмах. Театр получил и пленку, на которой была заснята партитура.

Авторы оперетты «Боци-боци тарка» — композитор Отто Винце, писатель Матьяш Чизмарек и поэт Иннолент В. Эрнё — знакомят зрителей с жизнью современной венгерской деревни. Название оперетты возникло из песенки о свадебном теленке, маленьком и безобидном, однако учинившем большой переполох в селе и чуть не поссорившем молодую пару.

Вкратце сюжет развивается так: работник МТС Иштван Вираг собирается жениться на дочке Мартона Тайти, красавице Борике. По старому обычаю, чтобы брак был счастливым, надо, оказывается, съесть на свадебном пиру сердце только что зарезанного теленка. Жених восстает против предрассудка, тем более что убой скота запрещен. Тогда отвергнутый Борикой Иошка Кишпал тайно подбрасывает в дом Тайти зарезанного теленка, чтобы обвинить его семью в нарушении закона. Но в конце концов Иошка разоблачен, и все село празднует свадьбу Борики и Иштвана.

— Обыкновенный теленок может объяснить необыкновенные вещи! — острит хозяин этого бычка крестьянин Мартон Тайти, когда запутанная история разоблачена.

Как и в Будапеште, в постановке «Боци-боци тарка» участвуют два пестрых теленка. Их каждый раз привозят с фермы подшефного пригородного колхоза из села Хотив, Киево-Святошинского района. Телята Якорь и Милочка в первых своих выходах на сцену немного нервничали, волновались, а затем «вошли в роль». И теперь колхозники называют своих питомцев не иначе, как «наши артисты». Беда, что этих, уже опытных «артистов» вскоре придется заменить, так как они быстро растут.

В. ШУМОВ
Фото Н. Козловского.

«Боци-боци тарка» в Киевском театре музыкальной комедии. Борика — В. Каталаева, Иштван — А. Голобородько.

Сцена из 3-го акта.

«СПАСИБО „ЧЕДОКУ"!»

Ц. СОЛОДАРЬ

У Карлова моста в Праге.

Нас семьдесят москвичей. Рабочие с «Явы», инженеры с «Москабеля», ученые, работники прилавка, писатели, агрономы. Разнообразию профессий советских туристов, поехавших в Чехословакию, соответствует разная степень их подготовленности к таким путешествиям. Спортивного вида юноши и девушки, у которых за плечами трудные альпинистские походы, рассуждают о траверсе Высоких Татр, как о привычном деле. Люди же менее спортивного сложения с опаской справляются, не повлияет ли на сердце подъем по отвесной канатной дороге на вершину Ломницкого пика...

Но есть одна тема, в обсуждении которой все одинаково горячи, авторитетны и безапелляционны. Это предстоящие фотосъемки. И хотя некоторые спорщики только накануне сверхскоростными темпами овладевали азбукой фотоискусства, сейчас, в вагоне, они лихо щеголяют замысловатыми фотографическими терминами. На спутника, у которого через плечо не переброшен «ФЭД» или «Зоркий», они глядят с нескрываемым сожалением. Таких, правда, единицы, и они растворяются в могучей колонне фотолюбителей. Недаром впоследствии, в Праге, драматург Ота Шафранек шутя сказал мне:

— Если судить по вашей группе туристов, то в Советском Союзе поголовно все фотолюбители.

Как только поезд пересекает границу, самым ходким и популярным становится слово «Чедок». Так называется чехословацкий «Интурист». Заместитель генерального секретаря этой организации Ярослав Айзнер встречает нас на пограничной станции Черни. И все мы становимся обладателями первого сувенира — изящного значка «Чедок». Но самый лучший подарок — это сообщение Айзнера, что маршрут нашей поездки будет значительно расширен. Радуются инженеры и мастера: мы побываем в промышленном Готвальдове. Радуются любители живописных ландшафтов: нам покажут неслыханной красоты уголок, выразительно именуемый «Чешским раем». Радуются все: мы посетим Братиславу, один из красивейших городов на голубом Дунае. Спасибо «Чедоку»!

Первый день на чехословацкой земле. В экспрессе, везущем нас в Прагу, знакомимся с пассажирами. Это преимущественно молодежь, возвращающаяся домой из дальних воскресных прогулок. Мы вместе поем песни — русские и украинские, чешские и словацкие, порой без слов, но стройно: мелодии знакомы всем.

На перроне станции Кошице, где стоянка сравнительно продолжительна, попадаем в объятия представителей Общества чехословацко-советской дружбы. Рукопожатия, приветствия, обмен сувенирами. Тут мы воочию убеждаемся, как дорог для старика-железнодорожника значок с буквами «ВСХВ». Молодая словацкая работница любуется открыткой с изображением здания МГУ, женщина-врач прикрепляет к жакету пионерский значок «Всегда готов!». А когда у каждого из нас на отворотах плащей и пиджаков засняло по полдюжине преподнесенных нам значков, мы поняли, как недостаточны для двухнедельного путешествия по братской Чехословакии взятые из Москвы запасы сувениров. Очень повезло сотруднице научно-исследовательского института Антонине Григорьевне Кирилловой: на короткой стоянке пожилой словак вручил ей снятый с охотничьего пояса костяной амулет с замысловатым рисунком:

— Приносит счастье в охоте и любви...

Шесть дней в гостеприимной Праге!.. Часы отдыха и сна мы свели до такого минимума, против которого восстала бы самая либеральная охрана труда. Дело, впрочем, не только в нашем неукротимом желании побольше увидеть и услышать. Есть еще одна — самая существенная — причина, заставляющая нас дорожить каждой минутой пребывания на чехословацкой земле.

Уже в первое наше утро в Праге представители пражского университета разыскали кандидата исторических наук Наталью Валентиновну Пятышеву. К профсоюзному работнику Екатерине Ивановне Хмелевской пришли представители профсоюзной газеты «Праце». А художественного руководителя московского пионерского ансамбля песни и пляски Владимира Сергеевича Локтева увезли к себе школьные учителя пения. Так было не только в Праге: в Братиславе, переступив порог гостиницы «Девин», мы тотчас же услышали:

— Нет ли среди московских туристов архитектора?

Оказывается, группа архитекторов столицы Словакии очень хотела побеседовать со своим советским собратом по профессии. И только сообщение представителя «Чедока», что архитектор приедет с ленинградскими туристами, успокоило огорченных братиславских зодчих.

А встречи и задушевные беседы на улицах, в музеях, в фойе театров! О чем только нас не спрашивали!

— Действительно ли все маленькие домики под Москвой усеяны телевизионными антеннами?

А на машиностроительной выставке в Брно пожилой рабочий, демонстрирующий посетителям работу гидравлических машин, сказал:

— Один человек убеждал меня, что на советских заводах ученики обращаются к старым мастерам на «ты». Я этому не поверил. Кто из нас прав?

В поезде краснощекий десятилетний мальчуган, скандируя слова, с гордостью заявил нам:

— Я учу русский язык в школе!

Прикрепляя к курточке просиявшего от радости школьника комсомольский значок, одна из туристок спросила:

— Какая у тебя отметка по русскому языку?

— Хорошая,— с достоинством ответил мальчуган.— Двойка!

Недоумение нашей спутницы рассеялось, когда ей тут же разъяснили, что высший балл в чехословацкой школе — единица, а двойка равноценна нашей четверке...

На чехословацкой земле бессмертная старина повсеместно соседствует с расцветающей новью. У мрачной стены старинного готического костела ребятишки из детского сада, размахивая флажками, поют пионерскую песенку. В театре, где 170 лет тому назад прозвучали мелодии моцартовской «Свадьбы Фигаро», смотрят спектакль передовики сельскохозяйственных кооперативов, приехавшие в Прагу за много десятков километров.

Старина и новь тесно уживаются не только в чехословацкой столице, но и в Братиславе, Брно, Остраве, Пльзене, Кошице — в любом уголке Чехословакии, где рядом с паутинным сплетением старинных улочек вырастают светлые корпуса жилых домов, школ, предприятий.

Туристы из некоторых западных стран совершенно не интересуются новью республики. В Праге и Братиславе об этом нам рассказывали — кто с досадой, кто с горькой иронией. Нас, советских людей, конечно, пленила не только чарующая старина Вифлеемской капеллы, где более пяти веков тому назад звучал голос магистра Яна Гуса, не только архитектура Староместской площади или причудливые барельефы XV века на стенах домов Братиславы. Мы любовались новыми кварталами на Белогорском плато, где только что отстроенные дома окружены липами и кленами, пересаженными сюда, как нам объяснили, по примеру Москвы. Мы осмотрели гордость чехословацкого гидростроения — великолепную электростанцию на реке Ораве. Мы узнали, что создание таких металлургических гигантов, как комбинат имени Готвальда в Кунчицах, позволит Чехословакии перегнать Великобританию по производству стали на душу населения.

У каждого туриста есть еще желание познакомиться с тем, что связано с его профессией. И не удивительно, что директор детского универмага Вера Ивановна Федорова старалась запомнить каждую мелочь в убранстве витрины осенне-зимних детских товаров в огромном пражском универмаге «Белый лебедь». А слесарь Московского завода малолитражных автомобилей Дмитрий Михайлович Салосин горько сетовал на кратковременность посещения автомобильного завода «Шкода»...

Все это запоминается на долгие годы, но самое незабываемое, самое радостное — это люди, трудолюбивые, приветливые. Люди, ценящие острое слово и веселую шутку, готовые по-братски поделиться своим трудовым и организаторским опытом с зарубежными друзьями и искренне стремящиеся позаимствовать у них все, что может помочь дальнейшему расцвету демократической Чехословакии.

Трудно забыть последний вечер в Высоких Татрах. Московских и киевских туристов пригласили в дом отдыха «Морава». Там выступил крестьянский самодеятельный коллектив села Ждёр. Пятидесятилетний лесоруб Владо Костьял и десятилетний школьник Милан с одинаковым задором исполняли словацкие шуточные песни и пляски.

После концерта все мы за кружкой пива беседовали и пели. Столь знакомая нам песня «Прощай, любимый город», которую пели одновременно и по-русски, и по-словацки, и по-венгерски, приобрела для нас в этот вечер особенно значительный смысл: на рассвете нам предстояло распрощаться с утопающим в зеленой чаше городом Ломнице, по-настоящему полюбившимся нам, как и все города Чехословакии, одарившие нас своим гостеприимством.

Блокноты и фотопленку мы расходуем с неслыханной стремительностью. Хочется запечатлеть набережную Сергея Есенина в Братиславе. Хочется записать текст объявления, в котором администрация вагона-ресторана заранее благодарит тех, кто после сорокапятиминутного пребывания за столом вспомнил, что надо освободить место для своего еще не пообедавшего спутника.

Конечно, мы увидели далеко не все, что хотелось бы увидеть. Но это искупается записанными в наших блокнотах именами и адресами новых наших чехословацких друзей. И недаром на обратном пути в Москву можно было услышать возгласы вроде такого:

— Володя, ты записал точный адрес младшей дочери заведующего «Чешским раем»? Я ведь обещал прислать ей снимок памятника Пушкину!

Многие из наших новых чехословацких друзей собираются поехать туристами в Советский Союз. Сейчас мы от всего сердца повторяем то, что сказали им на прощанье:

— Мы встретимся в шесть часов вечера в день вашего приезда в Москву!

Фотоаппараты пущены в ход.

Фото А. Горбунова.

«Лайма» — балет А. Лепиня в Государственном театре оперы и балета Латвийской ССР. Сцена из последнего акта. Лайма — заслуженная артистка Латвийской ССР Янина Панкрат.

Фото И. Тункеля.

«Вей, ветерок» Яна Райниса в Государственном художественном театре Латвийской ССР. Народная артистка Республики Лилита Берзинь в роли матери.

Скоро взоры всех любителей спорта будут прикованы к маленькому курортному городку Кортина д'Ампеццо на севере Италии. 26 января 1956 года здесь откроются VII зимние олимпийские игры.

Флаг зимних олимпийских игр впервые был поднят в 1924 году в Швейцарии. После этого лыжники, конькобежцы и хоккеисты встречались во Франции, США, Германии, снова в Швейцарии, а в последний раз в Норвегии. И вот теперь местом олимпийских стартов избрана Италия.

Кортина д'Ампеццо находится в Доломитовых Альпах, на высоте 1 224 метров над уровнем моря. Лучших климатических условий, чем здешние, лыжникам и конькобежцам не приходится и желать. Наиболее низкая средняя температура января в Кортина д'Ампеццо — 6—7 градусов мороза. Зимние месяцы тут ясные, солнечные, безветренные. Влажность воздуха незначительна. Горнолыжные трассы славятся на всю Европу.

Итальянский город невелик: в нем всего 6 тысяч жителей. До сих пор он оказывал гостеприимство сравнительно небольшому числу курортников и спортсменов, а теперь сюда съедутся десятки тысяч людей из всех стран мира.

В соревнованиях будут участвовать спортсмены 35 стран. Впервые в зимних олимпийских играх примут участие спортивные делегации Советского Союза и Китайской Народной Республики.

Центром зимней олимпиады 1956 года станет ледовый олимпийский стадион, построенный в самом городе. Это закрытый стадион с двумя хоккейными полями и трибунами на 12 тысяч человек. В оформлении здания участвовали видные итальянские художники и декораторы.

Ареной борьбы конькобежцев станет озеро Мизурина, которое называют «жемчужиной Доломитов». Расположенное в нескольких километрах от Кортина д'Ампеццо, в живописной котловине, окруженное со всех сторон горами, оно славится своим льдом. Полное безветрие, обычно царящее здесь, также будет содействовать достижению хороших спортивных результатов. Пожалуй, единственным минусом ледяной дорожки является то, что она расположена на высоте 1 755 метров над уровнем моря. Разреженность воздуха здесь довольно значительна.

Лыжные гонки будут проходить в долине Кампо, где и находится городок Кортина д'Ампеццо. В программу соревнований лыжников входят гонки для мужчин на 15, 30 и 50 километров, гонка для женщин на 10 километров, а также мужская и женская эстафеты.

Откуда же зрители будут наблюдать за этими интереснейшими состязаниями? Конечно, многие наблюдатели займут места по всей трассе гонок, однако старт и финиш лыжных соревнований можно будет смотреть и с огромных трибун «Снежного стадиона», рассчитанного на 10 тысяч зрителей. Зрители смогут увидеть только первый и заключительный этапы гонок, о ходе же борьбы на других участках будут сообщать непрерывно сменяющиеся электронадписи на гигантском экране, размером 34 × 15 метров.

В двух километрах от Кортина д'Ампеццо высится железобетонный трамплин «Италия». Его семь стартовых площадок находятся на высоте 50 метров. Они расположены под разными углами к эстакаде, и спортсмен, в зависимости от особенностей своей техники и от метеорологических условий, сможет стартовать с любой из них. Трамплин «Италия» позволяет совершать на лыжах прыжки длиной до 80 метров.

В программе зимних олимпийских игр большое место займут горнолыжные виды спорта. Предстоят слалом и гигантский слалом для мужчин и для женщин. Кроме того, мужские и женские команды будут оспаривать первенство в скоростном спуске с гор.

По живописным склонам Доломитов уже проложены олимпийские трассы. Старт для скоростного спуска мужчин будет дан на высоте 2 500 метров над уровнем моря, а для женщин — несколько ниже. Трассы проходят по интересному и сложному рельефу.

Подготовлена трасса и для гонок на санях «бобслей». Это очень увлекательный и мужественный вид зимнего спорта. «Бобслей» — сани специальной конструкции, имеющие тормозные и рулящие приспособления. В программу предстоящих олимпийских игр включены гонки на санях с экипажами из двух и четырех человек. Протяженность трассы для гонок — 1 700 метров. Она имеет 16 поворотов и перепад высот в 165 метров.

Зарубежная спортивная пресса подробно описывает весь ход подготовки к зимним олимпийским играм. Известно, что церемониал их открытия начнется ровно в 11 часов 30 минут... Известно, что поворот «Антелао» на трассе бобслейных гонок значительно расширен... Известно, что в Кортина д'Ампеццо корреспонденты смогут использовать 50 международных телеграфных и телефонных линий... Известно, что диаметр большой олимпийской медали равен 60 миллиметрам. Однако о спортивной стороне подготовки к играм, о тренировках участников соревнования сведений у газет и журналов значительно меньше. Это и естественно: большинство команд хранит в секрете подробности своей подготовки.

Все же, если судить по отдельным, отрывочным данным, то времени никто не теряет даром.

Шведы, например, чувствуя свою слабость в горнолыжных видах спорта, тренируются в слаломе и скоростном спуске с помощью иностранных инструкторов. К каким только ухищрениям не прибегали лыжники летом в поисках заменителей снега! Они тренировались на опилках, на сухих листьях, на волокнах из пластмассы. Разочаровавшись в заменителях, французы однажды импортировали несколько вагонов снега из Норвегии. В Германии появилось интересное изобретение — роликовые лыжи, обеспечивающие «сухую» тренировку лыжников. Эта новинка использовалась не только в Германии.

Но вот прошло лето, миновала осень, и в роликовых лыжах, как и в искусственном снеге, необходимость отпала. С наступлением зимы участники предстоящих соревнований вышли на снег для последних, генеральных репетиций.

Спортивный обозреватель

Памятная медаль VII зимних олимпийских игр.

Открытие ледового олимпийского стадиона 26 октября 1955 года. Снимок получен редакцией от организационного комитета VII зимних олимпийских игр.

В ГОСТЯХ У АВТОРА „ОВОДА“

А. СОФРОНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

В № 14 журнала «Огонек» за этот год была помещена статья Е. Таратута «Роман «Овод» и его автор». Она вызвала большой интерес у наших читателей. Редакция получила много писем с просьбой сообщить еще какие-либо сведения об авторе романа «Овод».

Недавно группа советских журналистов, посетивших США, встретилась с Этель Лилиан Войнич, проживающей в Нью-Йорке. Мы публикуем очерк о встрече с Э. Л. Войнич и материалы, связанные с историей появления «Овода» на русском языке.

Утро накануне нашего отлета из Америки выдалось ветреное и холодное. Тусклое солнце висело над многоэтажными каменными громадами Нью-Йорка. Осенний ветер бросал с тротуаров на мостовую обрывки газет, пестрые обертки, пустые кульки. Мчались грузовые автомобили, мелькая рекламными цветными буквами. Из подвалов домов коммунальные рабочие в синих потертых комбинезонах, с шерстяными шарфами на шеях доставали высокие железные ящики с мусором. Подняв воротники плащей, спешили на работу служащие. Спешили и мы. Каждый из нас, советских журналистов, волновался: предстояла встреча с писательницей Войнич, автором романа «Овод». Как-то в сознании нашем осталась, видимо, уже на всю жизнь эта книга; как произведение, постоянно живущее, оно казалось и очень новым и уже существующим очень давно, так давно, что неизвестно, сколько десятилетий прожило оно, а может, жизнь книги измерялась уже столетиями? И вот предстояла неожиданная встреча с автором; оказывалось, что роман еще молодой, хотя автору его недавно исполнился 91 год...

На углу одной из улиц Манхеттена мы зашли в цветочный магазин.

Продавец с удивлением смотрел на ранних покупателей, горячо спорящих на незнакомом ему языке. Выбор был сделан. Нежнорозовые георгины оказались в руках у Бориса Полевого. Мы снова зашагали по гулким улицам Манхеттена. Вот наконец и 24-я улица. Входим в подъезд многоэтажного дома, лифт молниеносно поднимает нас на 17-й этаж. Звонок. Открывается дверь. На пороге стоит женщина небольшого роста, в очках.

— Прошу, прошу... Мы вас ждем,— говорит она по-английски.

В передней снимаем плащи, входим в комнату. Простая мебель, диван и несколько потертых мягких кресел. Одно из них стоит около окна. Утреннее солнце косыми лучами освещает его.

— Госпожа Войнич сейчас выйдет... Вы очень ранние гости,— говорит встретившая нас компаньонка писательницы госпожа Энн Нил.

Мы улыбаемся: да, действительно ранние.

Взгляд останавливается на портрете, висящем около окна в темной деревянной раме. Мужчина в черной одежде, с острыми волевыми чертами лица стоит, опершись левой рукой о каменную ограду. За спиной его контуры далеких деревьев, легкие облака на небе... Но чувствуется, что и эти деревья, и туманный абрис леса, и облака не имели значения для художника; он не старался выписать их в деталях; главное было в человеке, в его мужественных и в то же время скорбных глазах.

Послышались легкие шаги. В комнату вошла Лилиан Войнич. Опершись на палочку, чуть прижмурившись, она осмотрела нас быстрыми глазами.

— Извините за столь раннее нашествие,— сказал Полевой, передавая цветы.— Это от советских писателей и журналистов.

Мы все сердечно пожали руку автору замечательной книги.

Войнич села на диван, на свое любимое место. Над диваном висел чей-то карандашный рисунок — портрет писательницы, видимо, выполненный недавно. Компаньонка Войнич принесла старую фотографию — снимок писательницы, сделанный в 1887 году, в пору, когда она жила в России. Фотография пожелтела, но сохранила облик молодой Войнич. В покрое одежды что-то хорошо знакомое; в такой строгой и скромной одежде ходили героические женщины России, посвятившие свою жизнь борьбе за народное дело.

И еще одна фотография оказалась в наших руках — портрет Степняка-Кравчинского с надписью: «Лилиан Буль (девичья фамилия Войнич) на память 19 февраля 1890 г.». И оригинал его письма, относящийся к этому же времени, с такими словами: «Ах, Лили, если бы вы знали, как хороши ваши описания природы!» И еще: «Вы непременно должны попробовать свои силы на писательстве». В письме Степняка-Кравчинского много ободряющих слов; чувствуется, что он действительно видел в ту далекую пору в Лилиан Буль будущую писательницу и советами пытался помочь ей выйти на этот нелегкий, но благородный путь.

— Мы с сестрой в Лондоне называли Степняка-Кравчинского опекуном,— говорит, улыбаясь своим воспоминаниям, Войнич.— Мы были значительно моложе его, может быть, поэтому. Он очень нам помогал советами в жизни... А когда мы не виделись, он много писал мне.

Писательница замолкает и снова оглядывает нас, словно желая увидеть, похожи ли мы на одного из своих мужественных предшественников.

— Я ведь знала и встречалась с Кропоткиным. А когда жила в России, хорошо знала семью народовольца Караулова. Когда он был арестован, я на некоторое время получила разрешение носить ему пищу в тюрьму на Шпалерной. Арестантская пища была очень зла. Караулов не мог ее есть. Пищу для передачи готовили в семье одного генерала; в этой семье были люди, симпатизировавшие Караулову.— Войнич закрывает глаза.— Не помню, кто именно, но были...

Она берет у Полевого блокнот и, вспоминая, набрасывает расположение тюремных камер.

— В заключении находились не только политические, но и уголовные... Я была тем человеком, который посещал и политических и уголовных. Надо сказать, что уголовные были не всегда добрыми людьми.— Войнич снова улыбается.— Они не знали, кто я такая... Но там был очень милый старичок-тюремщик, который сопровождал меня, боясь, что кто-нибудь обидит меня... Но меня не обижали... Одно только было неприятно: иногда приходилось ожидать по три — четыре часа...

Далекие, далекие воспоминания... Войнич говорит медленно, тщательно выговаривая русские слова, но иногда она начинает говорить по-английски и тогда вслушивается в слова перевода.

Нам очень интересно узнать, как писался роман «Овод». Мы спрашиваем об этом. Войнич вздыхает:

— Я не знаю, как вам сказать. Право, сама не знаю. Очень трудно объяснить, как это происходит. Если бы кто мог объяснить? — словно спрашивает она нас.— Я не могу точно сейчас сказать.

Мы чувствуем, что писательница волнуется: прошло столько лет, столько событий, столько встреч... Разве можно объяснить вот так, сразу? Вдруг, обернувшись к окну, Войнич говорит, указывая на портрет человека в черной одежде:

— В молодости я была в Париже. Я увидела этот портрет, он принадлежит итальянскому художнику, относится к XVI веку. Он мне понравился. Внешние черты Артура взяты мной с этого портрета.— Войнич смотрит на портрет, и опять в глубоких ее глазах проходит тень воспоминаний.—

Лилиан Войнич.

Очень трудно объяснить, как это происходит,— повторяет она,— очень трудно...

На столе лежит четырнадцатый номер журнала «Огонек» за 1955 год со статьей Е. Таратута «Роман «Овод» и его автор».

— Неужели в Советском Союзе так интересуются моей книгой?— спрашивает Войнич.

— Очень! — отвечаем мы чуть ли не хором.— Это одна из самых любимых книг нашей молодежи.

— А я думала, что после этого издания в России других не было.— Войнич показывает нам маленькую книжку: год издания 1913-й, издательство «Польза», «Универсальная библиотека».

Мы рассказываем писательнице о том, сколько было изданий ее книги в Советском Союзе, о том, что роман инсценирован и по нему создана кинокартина...

Войнич слушает нас, тихо покачивая головой. Полуприкрытые глаза ее устремлены в окно, на железные крыши домов, по которым гуляет холодный нью-йоркский ветер.

— Спасибо, спасибо! — говорит она нам.— Спасибо!

А. Аджубей, представляющий в нашей делегации «Комсомольскую правду», просит ее написать несколько слов, адресованных советской молодежи. Мы помогаем Войнич пересесть к столу. Она достает очки. Под руками не оказывается бумаги. Войнич медленно записывает слова привета в записную книжку нашего товарища.

Мы просим разрешения у Войнич сфотографировать ее, фотографируемся вместе с ней.

Наступает момент прощания. Лилиан Войнич, опираясь на палочку, стоит посреди комнаты. Солнце уже поднялось высоко, комната освещена светом. В лучах этого света и остается в нашей памяти Войнич, автор замечательной книги, заронившей в сердца миллионов молодых читателей благородный свет мужественной борьбы за правду и счастье человечества.

Молча мы выходим на улицу и, взволнованные, стоим несколько минут у подъезда высокого серого дома. Свистит осенний, пронзительный ветер, перебрасывая с тротуара на тротуар смятые рекламные бумажки и обрывки нью-йоркских газет.

«Портрет юноши» художника Франчабиджо (1482—1525). Этот портрет послужил Э. Л. Войнич для характеристики внешности Артура.

Три письма Э. Л. Войнич

Е. ТАРАТУТА

Как уже сообщалось нашим читателям, первое упоминание о романе «Овод» в России появилось в декабрьской книжке журнала «Мир Божий» за 1897 год, а в первых шести номерах за 1898 год был напечатан и самый роман в переводе З. А. Венгеровой.

Нам было известно, что первое издание «Овода» на английском языке вышло в Лондоне в сентябре 1897 года. Декабрьская же книга «Мира Божьего» печаталась в ноябре 1897 года. Значит, всего через месяц после появления романа в Англии он уже был замечен в России и его стали переводить на русский язык! Этот слишком короткий срок вызывал предположение, что переводчица получила роман непосредственно от его автора, что они были как-то связаны между собой, может быть, знакомы.

Переводчица «Овода» Зинаида Афанасьевна Венгерова (1867—1941), сестра известного историка литературы С. А. Венгерова, была в то время одним из самых популярных критиков и переводчиков иностранной литературы. Она неоднократно бывала за границей и, конечно, могла быть знакома с Э. Л. Войнич, которая переводила произведения русских писателей на английский язык.

Некоторые косвенные данные подтверждали наше предположение.

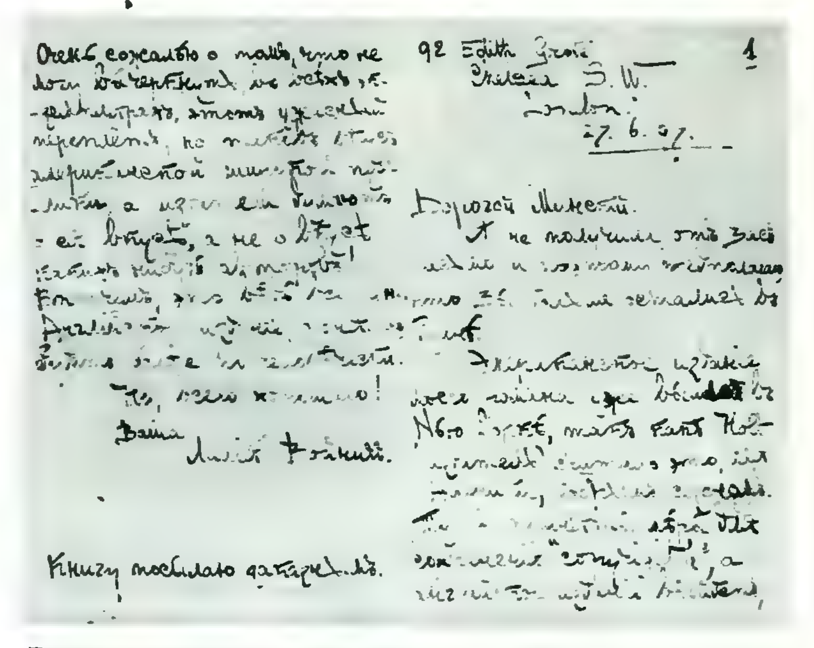
Коротенькая заметочка о Войнич в 11-м томе Нового энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона обращала на себя внимание тем, что была составлена не совсем обычно для словарной статьи. Во-первых, имя Войнич в словаре было дано не официально, как полагалось,— «Этель Лилиан», а интимно, по-домашнему,—«Лили». Во-вторых, об «Оводе» там было написано так: «В романе этом (из эпохи итальянской революции) читатели усмотрели известную аналогию с настроениями русского революционного движения. Это объясняется близким знакомством автора с русской революционной средой».

Так мог написать только человек, лично знавший Войнич или ее друзей. Под заметкой стояла подпись «З. В.». Если учесть, что отдел литературы в этом словаре вел С. А. Венгеров, а отдел иностранной литературы — З. А. Венгерова, можно считать несомненным, что буквы «З. В.» обозначали: «Зинаида Венгерова».

Мы обратились к племяннику Венгеровых, Александру Леонидовичу Слонимскому, известному пушкинисту и писателю.

— Как же! Тетушка была хорошо знакома с Лили Войнич. Они дружили. Тетушка всегда с восхищением отзывалась о ней. Поэт Николай Максимович Минский, муж Зинаиды Афанасьевны, тоже был знаком с Войнич.

По совету А. Л. Слонимского мы обратились в Пушкинский дом, то есть Институт русской литературы Академии наук СССР. Сотрудник института Л. М. Добровольский принес небольшую папку. И вот они, ее письма! На плотной, чуть желтоватой бумаге. Четкий, твердый, красивый почерк. Письма написаны по-русски, по-английски написан только адрес.

92 Edith Grove
Chelsea S.W.
London. 27. 6. 97.

Дорогой Минский.

...

Книгу посылаю заказным.

Первая и последняя страницы письма Э. Л. Войнич Н. М. Минскому.

92 Эдит Гроув. Челси, Ю. З. Лондон. 27. 6. 97.

Дорогой Минский.

Я не получила от Вас письмо, и поэтому предполагаю, что Вы дольше остались в Руане.

Американское издание моего романа уже вышло в Нью-Йорке, так как Холт (издатель) считал это для Америки добрым сезоном. Тут приняты меры для сохранения «права издания», а английское издание выйдет, как я вам на днях писала, в сентябре. Хейнеман меня просит пока не говорить людям о том, что вышло американское издание, так как это могло бы очень мешать продаже книг осенью в Англии. Поэтому, посылая Вам с этим письмом экземпляр американского издания, я вас прошу его не показывать.

По прочтению романа, наверно, вы сумеете решиться, подходит ли он до того журнала или нет. Об этом я, конечно, ничего не могу знать. Так как я еще не знаю, какой это журнал. Поэтому полагаюсь вполне на Вас. Если Вы находите, что он для того журнала неподходящий, то, пожалуй, не стесняйтесь мне это сказать совсем просто.

В последних корректурах рабочие ухитрились оставить несколько очень сериезных опечаток, несмотря на то, что я чрезвычайно тщательно просмотрела корректуры. Важнейшие из них я вычеркнула карандашом в том экземпляре, который посылается Вам.

Очень сожалею о том, что не могу вычеркнуть во всех экземплярах, этот ужасный переплет, но таков вкус американской широкой публики, а издатели думают о ее вкусе, а не о вкусе каких-нибудь авторов!

Впрочем, это ведь все равно.

Английское издание, понятно, будет более по-человечески.

Ну, всего хорошего!

Ваша Лилия Войнич.

Книгу посылаю заказным.

92 Эдит Гроув. Челси, Ю. З. Лондон. 25. 7. 97.

Дорогой Минский.

Спасибо за Ваше письмо, которое меня очень заинтересовало. Ваша критика тем более для меня любопытная, что так резко отличается от всех до сих пор услышанных мнений. Здесь в Англии я слышала, пока, только частную критику, так как английское да колонналыное издания «Овода», как Вам известно, выйдут только осенью; но из Америки, где книга вышла в прошлом месяце и где она, повидимому, уже имеет успех, я получила рецензии. Несколько из них, хотя очень хвалят с литературной точки зрения, но подымают крик о «возму-

тительном» и «ужасающем» характере романа. Одна большая газета предостерегает читателей, что страницы его «наполнены кощунством и богохульством».

Вам, континентальному человеку, он делает **диаметрально-противуположное** впечатление,— религиозной тенденции. Знаете, это очень интересно. Мне очень хотелось бы услышать мнение Зинаиды Афанасьевны. Попросите ее быть так любезною прочесть роман и высказать свое мнение об этом пункте.

Что касается до «Мира Божьего», то мне трудно что-нибудь сказать, так как я очень мало знаю об этом журнале. Не можете ли Вы мне дать некоторое понятие о нем,— кто редактор, кто сотрудничает, какого рода публика читает? — Большой ли это журнал? Вы сами понимаете, что я не поместила бы «Овод» в издание второстепенное; так же и не поместила бы в клерикальное, если б даже подобное согласилось бы напечатать.

Я заметила, что в библиографическом отделе одного номера **«Русской мысли»**, критик, разбирая какое-то приложение **к «Миру Божьему»**, употребляет выражение: **«юные читатели»**. Разве это — издание для подростков? Я думаю, едва ли бы им поздоровилось от такой пищи, как «Овод»! Он ведь не «virginibus pueris-quae»[1]. То, что я Вам писала о молчании до сентября, конечно, не относилось до Зинаиды Афанасьевны. Передайте ей, пожалуйста, поклон от меня; и извините, что причиняю Вам столько хлопот о моей книжке.

Всего хорошего!

Ваша

Лилия Войнич.

P. S. Если возможно, я хотела бы довольно скоро устроить помещение перевода; потому что книга, (так мне говорили), обращает на себя много внимания в Америке, так что легко могла бы попасть в руки «пиратов».

92 Эдит Гроув. Челси. Ю. З. Лондон. 7. 10. 97.

Дорогой Минский.

Жду с нетерпением ответа от Вас. Пожалуйста, дайте мне знать поскорее, что вышло из Ваших хлопот ради русского издания моего романа. Если не вышло ничего, то придется мне порыться, где это можно устроить, потому что я теперь действительно боюсь пиратских переводов. Книга вышла здесь в Лондоне три недели тому назад и делает тут уже некоторый шум... Появился большой разбор ее от редактора «Двухнедельного обозрения» и вообще довольно много ею занимаются, но не так, как в Америке. Там очень горячо о ней спорят в прессе, и продажа, вследствие этого, очень бойко идет. Поэтому имею основание бояться, что господа пираты мне дело испортят. Будьте так любезны, дайте мне знать, как быть. Спешу. Поклон Вам и Венгеровой.

Ваша Л. Войнич.

[1] «для девушек и юношей».

Итак, теперь мы знаем, что еще до выхода «Овода» на английском языке Э. Л. Войнич стремилась издать его на русском и говорила об этом с Н. М. Минским. По письмам видно, что они были знакомы довольно близко и переписывались. Н. М. Минский (1855—1937), в свое время известный поэт, начинал с революционных стихов, потом стал символистом, впал в религиозный мистицизм. Некоторое время, в 1905 году, Минский был связан с большевистской газетой «Новая жизнь». Показательно, что Н. М. Минский не понял воинствующего, антирелигиозного духа романа, то, что сразу так хорошо поняла американская буржуазная пресса. Это тем более любопытно, что сам Минский в юности создал произведение, выражающее те же настроения, что и «Овод».

Мы имеем в виду драматический отрывок в стихах «Последняя исповедь», напечатанный в № 1 «Народной Воли» за 1879 год. Этот отрывок, рисующий мужество революционера, перед казнью отвергающего утешения священника и разоблачающего лицемерие религии, производил потрясающее впечатление на современников. Под влиянием «Последней исповеди», как установил И. Зильберштейн, великий художник И. Репин создал свою картину «Отказ от исповеди перед казнью». И автор такого произведения не понял «Овода»! Но и не поняв роман, Минский не мог не почувствовать его силы и способствовал переводу «Овода» на русский язык.

Интересно, что Э. Л. Войнич, предположив, по названию, клерикальный, то есть церковный, характер журнала, отказывалась печататься в нем, если б это оказалось именно так. Но «Мир Божий» вовсе не был клерикальным журналом. В нем деятельно сотрудничали представители легального марксизма. Редактором его был известный педагог В. П. Острогорский. Читали его самые широкие прогрессивные круги того времени. Сотрудничал в нем и В. И. Ленин. Как раз в апрельской книжке за 1898 год, то есть тогда, когда в нем печатался «Овод», опубликована рецензия В. И. Ленина на книгу А. Богданова.

Действительно, в первые годы издания журнал предназначался для юношества, но с 1896 года расширил свою программу и стал журналом для самообразования.

Любопытно, что сама Э. Л. Войнич ни в коем случае не предполагала, что наибольший интерес «Овод» вызовет как раз у подростков, у молодежи.

Но писательница была уверена, что «Овод» будет иметь успех в России. Она не ошиблась. С момента появления «Овода» в России роман завоевал сердца читателей. Один из старейших деятелей Коммунистической партии, Е. Д. Стасова, рассказывает об «Оводе» в письме к автору этих строк: «Этот роман впервые появился в журнале «Мир Божий», и мы, учительницы воскресных школ, вырезали его из журнала, переплели и давали читать своим ученицам». Ученицами в этих школах были петербургские работницы.

Так удалось прочитать еще одну любопытную страницу истории «Овода».

На динамической модели изучается режим работы дальних электропередач. У модели—профессор В. А. Веников, старший инженер И. В. Литкенс, начальник динамической модели Ю. М. Горский.

Фото Г. Санько.

Школа советских энергетиков

Есть улицы, в чьи названия жизнь вносит свои поправки. Например, Красноказарменной улице в Москве теперь более подошло бы имя Вузовская. Совершенно изменился облик этой магистрали. По обеим ее сторонам высятся корпуса энергетического института имени В. М. Молотова. И вы не ошибетесь, если почти в каждом пешеходе признаете студента или преподавателя.

13 декабря энергетическому институту, одному из крупнейших в нашей стране, исполняется 50 лет. Вся его история после Великого Октября неразрывно связана с осуществлением ленинского плана электрификации Советского государства, строительством и эксплуатацией мощных электростанций, развитием электротехнической и радиотехнической промышленности.

Зародышем вуза явилось отделение Московского высшего технического училища. Здесь в 1905 году наряду с другими специалистами стали готовить инженеров с электротехническим уклоном. Но за 12 дореволюционных лет их было выпущено всего лишь 74 человека!

За годы Советской власти Московский энергетический институт выпестовал 17 тысяч инженеров, сотни научных работников.

На кафедрах МЭИ выполнено множество работ, представляющих большую теоретическую и практическую ценность. Немало таких работ проведено в содружестве с производственниками.

Учеными института решено много сложных задач, связанных со строительством Куйбышевской и Сталинградской ГЭС, сооружением высоковольтной линии электропередачи Куйбышев—Москва. В СССР и в странах народной демократии широко используется разработанный в вузе новый метод компенсации погрешностей трансформаторов тока. На ряде электростанций успешно применяется предложенная институтом система регулирования скорости мощных паровых турбин.

Уже в 1940 году учебная и научная деятельность МЭИ была высоко оценена правительством. В связи с 35-летним юбилеем институт был награжден орденом Ленина.

Московский энергетический институт сегодня — это 10 факультетов, готовящих инженеров по 23 специальностям. Тут получают сейчас высшее образование 10 тысяч молодых людей, представляющих различные национальности Советского Союза. Подготовкой специалистов заняты в институте 800 профессоров и преподавателей. Среди них 11 академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР, 68 докторов и 375 кандидатов технических наук.

Высшее учебное заведение размещено в трех прекрасно оборудованных зданиях.

Большой интерес представляет целый комплекс гидроэнергетических лабораторий с действующей моделью гидроэлектростанции и аппаратурой, тождественной той, которую можно увидеть на мощной ГЭС. А неподалеку, в просторном зале, гордость вуза — динамическая модель электрических систем. Эта уникальная установка, построенная с соблюдением законов физического подобия, позволяет воспроизводить различные электромагнитные и электромеханические процессы, происходящие в электрической части системы. Динамическая модель дает возможность проверить режим работы еще строящихся линий дальних электропередач.

В этом же корпусе привлекают внимание действующие модели тепловой электростанции и котла промышленного типа. Тут же расположена учебная теплоэлектроцентраль, подобной которой нет ни в одном вузе. А в ближайшие месяцы здесь вступит в строй учебная электростанция.

Многое сделано для улучшения быта студентов, организации их досуга. Сооружен целый городок общежитий, выстроены Дом культуры, физкультурный корпус, создан плавательный бассейн. А для профессоров и преподавателей возведены 3 жилых дома на 200 квартир.

Л. ГОЛЬДИН.

ПЕРВАЯ СИМФОНИЯ

...Он стоял на сцене рядом с дирижером и прижимал к груди букет цветов. В Большом зале консерватории имени Чайковского только что стихли последние звуки оркестра, исполнявшего симфонию. Студенты, преподаватели, зрители аплодировали ее автору — молодому композитору Син До Сону. Говорили о превосходной технике, умелом владении оркестровкой, гармоничности музыки, яркой индивидуальности сочинителя. Так Син До Сон защитил диплом. Его симфония получила высшую оценку — «отлично».

Син До Сон — первый корейский композитор, окончивший Московскую консерваторию.

— Симфония — моя первая большая вещь,— рассказывал нам Син До Сон.— Я работал над ней год. Но история симфонии начинается издалека. Может, даже с моего детства. Селение, где я родился, приютилось на берегу моря. Японцы, хозяйничавшие в стране, запрещали корейцам говорить на родном языке, петь свои песни. И рыбаки уплывали далеко в море и там в полный голос распевали песни предков. С этими песнями как бы слилась мечта народа о свободе. Представление деревенского мальчишки о музыке расширил... старенький патефон бабушки. Пластинка с серенадой Шуберта открыла незнакомый, прекрасный мир. Я почувствовал желание сочинять песни, мелодии, что-нибудь сочинять. Надо мной смеялись: разве это профессия — композитор! Чиновник получает деньги, крестьянин имеет рис, композитор — ничего. Но я работал и по мере сил учился в музыкальной школе.

После освобождения страны в 1945 году Советской Армией я оказался в ансамбле Народной армии. Теперь можно было сочинять песни. Прямо в полях и цехах мы исполняли народные и только что созданные песни.

В Москве впервые я услышал произведения Чайковского, Римского-Корсакова, Бородина. Я понял, что значит настоящая музыка, и почувствовал себя бессильным перед оркестром. И все же мне очень хотелось в музыке рассказать о моей стране, о моем народе. Но как рассказать? Очень взволновал меня подвиг героини нашего народа Тё Ок Хи, партизанки, убитой захватчиками. Из газет, рассказов друзей, писем людей, знавших ее лично, я составил представление о прекрасной жизни корейской Зои, как ее называют у нас. Она символизировала собой

Корейские студенты поздравляют Син До Сона (второй справа) после защиты им диплома. Рядом с Син До Соном его педагог — доцент Е. О. Месснер.

Фото В. Кругликова.

образ Кореи, и я постарался сказать это в своей симфонии.

Жизнь ее, как и всех женщин Кореи, была нелегкой. И все же Тё Ок Хи радовалась родным горам, восходу солнца. И вот пришло освобождение! Люди ее уезда увидели, что председатель Демократического женского союза — родной всем человек. И полюбили девушку, как мать. Но она стала суровой, когда взяла в руки автомат. Тё Ок Хи погибла в бою, бросив во врага свою последнюю гранату. За ее смерть отомстил народ.

И опять наступило утро в нашей стране. После мрачной ночи всегда бывает светлый день. Когда я писал третью часть симфонии, я вспомнил рыбаков с их песнями, мечты свои и товарищей. Светлый день в Корее настал.

Син До Сон теперь работает над оперой «Сказание о девушке Сим Чонг» — о любви и героизме простого человека.

Е. ВЕЛТИСТОВ

Уйгурский театр

Когда взвился занавес, в зрительном зале послышались возгласы:

— Да это канал Устан! Настоящая вода! Смотри, землю вскапывают!

На сцене, воспроизводившей знакомый пейзаж, был сооружен миниатюрный «канал Устан». Он был наполнен водой, и группа юношей, вооруженных заступами, кетменями, вскапывала настоящую землю при полном одобрении зрителей.

Словом, все было как на самом деле. Но сколько было хлопот! Шутка ли раздобыть огромное брезентовое полотнище, засыпать его землей, натащить камней, глины, воды, разложить аккуратно вырезанные куски дерна! А каких трудов стоило по окончании первого акта убрать со сцены брезент с «каналом» и водрузить новые декорации!

Так было на заре рождения первого уйгурского театра, свыше двадцати лет тому назад. Участники спектакля имели тогда слабое представление о бутафории и реквизите, о сценическом искусстве вообще. Вот почему кружковцы художественной самодеятельности Джаркента (ныне Панфилов) и Алма-Аты, ставя свои первые спектакли, стремились все делать «по-настоящему».

С улыбкой вспоминают об этих давних временах ветераны уйгурской сцены — ныне актеры Алма-Атинского областного музыкально-драматического уйгурского театра.

Творческую помощь уйгурскому театру в годы его рождения оказали наши композиторы, ведущие артисты и режиссеры республиканских театров, которые делились своим опытом, помогали ставить спектакли.

За эти годы уйгурский театр осуществил свыше ста постановок. В его репертуаре представлены произведения уйгурской советской драматургии, такие, как «Анархан» Д. Асимова и А. Садырова, «Манан» и «Песнь о свободе» («Нузугум») К. Хасанова, «Герип и Санам» И. Саттарова и В. Дьякова. Большим успехом пользуются постановки произведений мировой классики и пьесы советских драматургов.

Мастера театра — народная артистка республики Мариам Семятова, заслуженные артисты Рушангуль Иляхунова, Хадиша Илиева, Ризвангуль Тохтанова, Гулам Джалилов, Махпир Бакиев, Ахмед Шамиев, Ахмед Супиев — создали немало выразительных, жизненно правдивых сценических образов, завоевав признание зрителей.

Большую часть времени уйгурский театр проводит в гастролях по Казахстану. Театр побывал также в Узбекистане, Киргизии, Туркмении, Таджикистане — на полевых станах, на высокогорных пастбищах, в колхозных клубах, на предприятиях.

Кудус КУЖЕМЬЯРОВ,
заслуженный деятель искусств Казахской ССР.

«Анархан» Д. Асимова и А. Садырова. Сцена из 1-го акта. Слева направо: Саид—А. Шамиев, Ляйлихан—Ч. Салимова.

Фото А. Бахвалова.

«Песнь о свободе» («Нузугум») К. Хасанова. Монолог Нузугум исполняет М. Семятова.

Художник на Чукотке

ПТИЧИЙ БАЗАР.

ШКОЛЬНИЦА.

ДРУЗЬЯ.

Дальневосточный художник Василий Евгеньевич Романов провел несколько месяцев на Чукотке. Здесь он выполнил немало этюдов и зарисовок.

Вот перед нами этюды — пионер и девочка-школьница. Сколько студентов, оканчивающих педагогические институты, стремятся представить своих учеников, свою будущую школу! Может быть, у некоторых эта школа будет на Чукотке. Милые, умные лица детей-чукчей как бы олицетворяют юность расцветающего северного края.

В картинах «Утро во льдах», «Птичий базар» художник передал своеобразие, суровую красоту чукотской природы.

Сейчас художник Романов работает над двумя большими жанровыми композициями, посвященными новому быту чукотского народа.

Николай ШУНДИК

В письмах многих читателей содержатся интересные сообщения об увиденном, найденном или записанном. Любопытные факты иллюстрируются любительскими фотоснимками. Некоторые из таких сообщений представляют научный интерес: опыты мичуринцев, фенологические наблюдения, редкие атмосферные явления, находки ценных ископаемых, загадки природы, полезные усовершенствования...

Ниже помещаем несколько корреспонденций читателей о фауне и флоре родной страны.

«Универсальное» животное

На Памире есть загадка: «Хвост лошадиный, копыта коровьи, голос поросячий, рога буйволиные. Что такое?» Тому, кто не был в тех местах, трудно догадаться, что речь идет о редком животном — яке.

В Советском Союзе яки водятся на Памире. Это — вьючное и верховое животное. Як без труда поднимает ношу в сто пятьдесят килограммов и многие километры идет по труднопроходимым тропам.

Мясо яка считается деликатесом, молоко очень жирное, шерсть прочная и теплая.

Для того, чтобы сохранить поголовье яков, на Памире в 1939 году создали совхоз «Булуннуль». Тогда в нем было около семисот яков. Сейчас более двух тысяч голов, а в дальнейшем намечено увеличить их число до четырех тысяч.

С. ЮРЬЕВ

Фото Б. Кабилова.

Сталинабад.

Монеты в курице

Как известно, птицы нередко заглатывают разнообразные твердые предметы, например, кусочки известняка, стекла, кремнезема. При вскрытии одной курицы нами обнаружено в ее желудке тринадцать сильно истертых монет.

А. ЛАЩЕНКО,
Н. ЩИПАЧЕВА,
учителя биологии.

Барвиха, Кунцевского района, Московской области.

Черный аист

Снимок этот сделан мною во время обследования урочища «Полуденное», близ озера Печхар, Вязниковского района, Владимирской области.

Черный аист — птица довольно редкая, гнездится по глухим местам, устраивая свое громадное гнездо на деревьях.

Ю. ВАРЕНЫШЕВ,
инженер-лесопатолог.

Вязники,
Владимирской области.

Интересная встреча

Как-то появилось у меня на подоконнике новое маленькое растение. А спустя некоторое время пришлось мне побывать в городе Корсунь-Шевченковском, Черкасской области. Здесь около музея Великой Отечественной войны, я увидел неведомое мне дерево метров пяти — шести высотой. Оно было необыкновенно красиво: ветви его, круто поднимаясь вверх, образовывали как бы сплетение воздетых рук. Резные листья даже от легкого ветерка трепетали, словно бабочки, и, казалось, вращались вокруг своих черешков, улетая вдаль.

Мне сказали, что это дерево — гинкго и посажено оно лет шестьдесят назад. Тут-то я вспомнил, что у моего маленького деревца в Москве примерно такие же листья. Садовник музея попросил меня прислать семена гинкго, чтобы со временем можно было вырастить новые деревья и опылять большое дерево гинкго, не дающее пока плодов.

Вернувшись в Москву, я обратился к ботаникам, и они рассказали мне, что гинкго билоба — растение двудомное. Это единственный в наше время представитель семейства и класса гинкговых, существовавших на нашей планете многие миллионы лет назад.

Теперь гинкго в диком состоянии произрастает в Южном Китае. Это дерево хорошо зимует на Южном берегу Крыма и на Черноморском побережье Кавказа, изредка встречается на Украине. Плоды его съедобны.

А. ЧИЖОВ

Москва.

ОЛЕНЬ В МОРЕ

— Недавно, возвращаясь с ловли,— сообщает читатель В. Г. Коберев (город Находка, Приморского края),— мы увидели в море, на траверсе маяка «Поворотный», плывущего оленя. Он был примерно в четырех милях от берега. Для нас осталось загадкой: что заставило оленя очутиться в открытом море?

Действительный член Географического общества СССР П. Чумак сообщил редакции:

— Вероятно, олень бросился в воду, спасаясь от хищного зверя или, может быть, от оводов. Крупная волна оторвала его от берега, а прибрежное течение вынесло в открытое море.

СНЕЖНАЯ «СКУЛЬПТУРА»

Этот снимок любопытного нагромождения снега сделан в лесу в районе станции Тайга.

Не правда ли, похоже на какого-то зверя, сидящего на ветке?

М. КОКОВИХИН

Новосибирск.

Подкованные гуси

Осенью девятнадцатого года пролетарии Москвы получили в подарок тысячу гусей. Подарок был символическим: год назад петроградцы получили в дар национализированную экономию некоего сбежавшего во Францию графа. Экономия стала называться «Петрокоммуной». В годовщину Октября петроградские пролетарии решили сделать братский подарок пролетариям Москвы.

Отправить гусей в Москву было поручено молодому работнику Наркомпроса С. В. Калинину, ныне доценту, заместителю проректора МГУ.

«Петрокоммуна» находилась от железной дороги на расстоянии примерно шестидесяти километров. В городишке, к которому подходила ветка железной дороги, в то время ни лошадей, ни подвод не было.

Что делать? Выручил Калинина один старичок — в прошлом мелкий торговец птицей. Он расспросил, в чем дело, подумал, улыбнулся и говорит:

— Ковать гусей-то надо...

— Да что вы, папаша, гусь не лошадь, разве можно! — воспротивился Калинин.

— Можно, можно... Не беспокойтесь, все в порядке будет...

Приехали они в «Петрокоммуну», и проделал старичок весьма любопытную штуку: загнал всю тысячу гусей в загон и не давал им пить и есть два дня.

Гуси горланят, еды требуют, над гусиным загоном перья летают... На исходе второго дня старик залил растопленным варом небольшое пространство как раз у выхода из загона, а за варом песочек рассыпал. За песочком — корм и вода.

И как только старик сделал небольшой лаз в заборчике, гуси, сшибая друг друга, кинулись из загона к пище и воде... и сразу же попадали лапами в еще теплый, липкий вар, а потом в песочек.

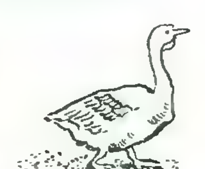
Получилась занятная картина: гусь как гусь, только на лапах у него вроде башмачки надеты. Достаточно легкие для того, чтобы не спеша идти, и достаточно тяжелые для того, чтобы не дать разбежаться в стороны.

Несколько дней гусей гнали к железной дороге, за это время они так разжирели на подножном корму, что потом и без «подков» еле ковыляли.

Москвичи, получив подарок, и не догадывались, что едят они не простых гусей, а подкованных.

Ю. СЕМЕНОВ

флора

ПРИРУЧЕННЫЙ ОЛЕНЬ

Весной прошлого года председатель колхоза имени Ленина села Рохи, Маяковского района, Тенгиз Супаташвили с колхозниками увидел в лесу двух больших и двух маленьких оленей. Видимо, это были самка и самец с детенышами. Олени, заметив людей, скрылись в глубине леса, самый маленький остался. Ему было не более 10—12 дней. Колхозники принесли его в село.

Тенгиз Супаташвили решил воспитать маленького оленя. Его кормили через соску коровьим молоком, давали зелень. Олень сдружился с детьми колхозника Таймази, Резо и Тенгизом, свободно бродил по усадьбам и соседнему лесу.

Сейчас оленю полтора года, у него отросли рога, он пасется с овцами и коровами.

Л. ЛАЛИАШВИЛИ
Фото И. Сакуна.

Кутаиси.

БЫК И СПРУТ

Теперь в Советской Гавани много рогатого скота. А в то время, когда начали мы строить город, было всего с десяток коров. Зоотехник, уехавший покупать быка, прислал письмо, что везет настоящего симментала с родословной. Пароход пришел в воскресный день. На пристани собралась целая толпа. Бык медленно спускался по трапу на берег.

— Зовут его Спорт.— сказал зоотехник.— Красавец!

Он повел быка по дороге, ведущей на комбинат. Волны набегали на пологий берег, подкатывались к ногам. То ли Спорту захотелось пить, то ли его привлекало бесконечное водное пространство, но он решительно вошел в воду. Продвигался бык вперед медленно, наклонив голову. Видно было, что он наслаждался прохладой. Спорт остановился, когда вода была ему по грудь.

Вдруг зоотехник увидел, как из воды выбросилась извивающаяся пятнистая лента. Там, где стоял бык, закипела вода. Люди не сразу поняли, что случилось. Гигантский спрут, притаившийся между камнями, бросился на Спорта, обвил свою жертву гибкими смертоносными щупальцами...

Бык заревел. Люди побежали за топорами, какой-то мальчишка притащил охапку травы.

— Спорт, Спортушка,— закричал зоотехник,— ко мне иди, ко мне! — И протянул руку с пучком травы.

Бык напрягся и медленно повернул к берегу. Спрут выбросил другую бородавчатую ногу и присосался к шее Спорта. Однако тот медленно, отвоевывая каждый сантиметр, шел к звавшим его людям. Видно было, как перекатывались мускулы под его потемневшей от пота кожей.

Спрут пытался удержать добычу. Свободными щупальцами он цеплялся за подводные камни. Пленник, напрягаясь, волочил морское страшилище по дну.

— Тащи его, губителя! — закричал зоотехник.

Люди не рисковали войти в воду. Но вот Спорт сделал последнее отчаянное усилие и вышел на берег. Глаза его были налиты кровью. Несколько последних метров он пробежал, волоча за собой спрута. Люди бросились на помощь, но бык словно обезумел. Он метался, топтал ногами студенистое тело врага, напоминавшего сейчас растрепанную пыльную тряпку...

Мальчонка, который притащил травы, теперь догадался принести ведро с ключевой водой. Зоотехник поднес его к морде Спорта. Бык понюхал воду, фыркнул и начал пить. Напившись, он спокойно последовал за зоотехником.

Г. АЛОВА

Эта магнолия названа сотрудниками сада — драконовой. Растет она в Батумском ботаническом саду.
Нижние ветви дерева, коснувшись земли, окоренились.

А. АНАТОЛЬЕВ

Батуми.

В подарок москвичам

Пекинский зоопарк подарил Московскому зоопарку любопытного зверька — панду.

Панда из семейства енотовых обитает в юго-восточной части Гималайского хребта на высоте 2—4 тысяч метров над уровнем моря.

В Москве панда экспонируется впервые.

Ан. АНЖАНОВ

Пурга из стрекоз

В этот день на станции Океанская, близ Владивостока, ярко светило солнце, стояла удручающая жара.

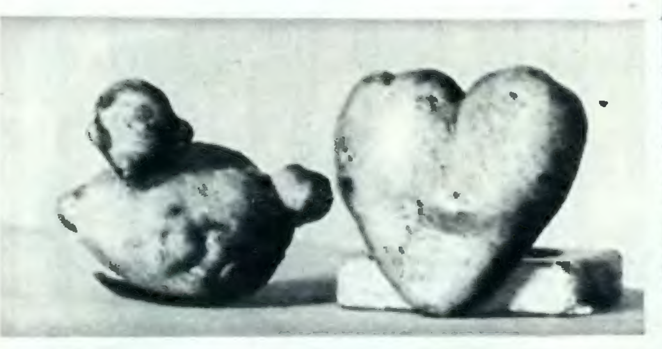
Неведомо откуда шелестящей пургой появились миллионы стрекоз. Почти стометровая полоса из прозрачнокрылых шафранно-желтых насекомых одного и того же вида (либéллюля) начиналась с высоты человеческого роста и вьющейся массой поднималась до высоты пятиэтажного дома. Хотя расстояние от стрекозы до стрекозы составляло один — два метра, несметное полчище либéллюль уже в сотне шагов сливалось в единый шуршащий стремительный рой — живой буран. Раскаленное солнце горело в сетчатых, будто слюдяных крыльях сонма стрекоз, устремившегося вдоль моря. Но и в этом мчащемся вихре либéллюли не изменяли своим привычкам: они гонялись за мухами и комарами, делали резкие повороты, петли, зигзаги, пикировали над водой...

Наблюдавшийся случай кучевого перелета стрекоз — еще одно подтверждение обобщений энтомологии, что массовые переселения, как правило, совершают стрекозы вида либéллюля и крайне редко — агрион.

Г. ПЕРМЯКОВ

Хабаровск

Причудливые клубни

Эти похожие на утенка и сердце клубни картофеля обнаружил мой знакомый М. Н. Цикарев в своем огороде. Что вызывает такое уродство картофельных клубней?

А. ПЕТУХОВ

Каменск-Уральский.

П р и м е ч а н и е. Картофель — растение умеренного климата; клубни каждого сорта имеют свою, обычно овальную или круглую форму. Резкое нарушение формы клубней часто происходит под влиянием высоких температур и неравномерного увлажнения почвы.

П. ЧУМАК

ТЫКВА НА ВИШНЕ

В тени вишневого сада были посажены тыквы. Плети одной из них взобрались на вершину вишни и образовали сплошную заросль из крупных листьев. К осени на дереве уже висели две созревшие тыквы, под тяжестью которых ветви склонялись все ниже и ниже. Одна из этих тыкв весила шесть с половиной килограммов.

В. СКОБЕЛЕВ

Лисичанск, Ворошиловградской области.

Семиэтажное дерево

Много выдумки и трудолюбия проявил знатный садовод Парка культуры и отдыха имени А. С. Пушкина в городе Намангане Абдукахор Абдужалилов. Особенно интересны созданные им из фруктовых деревьев различные декоративные фигуры. В течение тринадцати лет он сформировал, например, семиэтажное абрикосовое дерево.

И. ИСМАИЛОВ

Намаиган.

Неразлучные враги

Среди окружающих нас вещей немало таких, которые неотделимы друг от друга, например, перо и чернила, иголка и нитка. Каждая вещь в этих парах взаимно дополняет одна другую. Существует и иная пара: назначение предметов, составляющих ее, прямо противоположно, они враждуют между собой. Это карандаш и резинка. Кажется, что эта пара всегда существовала вместе, на самом деле карандаш по сравнению с резинкой — глубокий старик.

Прототипом его во времена средневековья была свинцовая палочка, оставляющая на бумаге слабый серый след. Ее носили в кожаном чехле. По-немецки свинцовая палочка — «блайштифт». Это название немцы впоследствии перенесли и на карандаш.

К свинцу иногда примешивали олово. Кроме свинца, пользовались еще и серебром: тонкий, отполированный кусочек серебряной проволоки вставляли в особый футляр или припаивали к металлической ручке. Известно, что Леонардо да Винчи рисовал серебром. Есть сведения, что иногда для рисования употребляли золото.

Первые карандаши из графита, похожие на современные, изготовляли в XVI веке. Графит распиливали на пластинки, шлифовали, выпиливали из него палочки и вставляли в тростник или вделывали в дерево. Писали эти карандаши хорошо, но стоили дорого и быстро ломались. Для того, чтобы сделать их стержни менее ломкими, в конце XVIII века графит стали смешивать с глиной.

Свое название этот необходимейший инструмент ведет от тюркского «караташ». «Кара» — значит черный, а «таш», или «даш»,— шифер, слоистый камень.

Карандаш долго существовал без резинки, ее заменял мякиш белого хлеба или пемза. С пергамента карандаш соскабливали ножом. Резинка появилась меньше двухсот лет назад. Во второй половине XVIII века, когда из Южной Америки в Европу были привезены образцы каучука, обнаружилось, что его можно употреблять для стирания написанного карандашом. Первое время это было единственным применением каучука в Европе.

Название резинки идет от латинского «резина», что значит смола. Натуральный каучук содержится в млечном соке, то есть «смоле», каучуконосных растений. Для стирания написанного карандашом сначала употребляли кусочки каучука в чистом виде, впоследствии каучук стали вулканизировать — обрабатывать серой — и, смотря по назначению резинки, вводить различные примеси: толченое стекло, мел и другие.

С появлением резинки карандаш нашел себе постоянную пару. Одно время их так и выпускали вместе — на верхнем конце карандаша, в металлическом ободке, укрепляли небольшую резинку. Пиши, рисуй, а если понадобится, переверни карандаш и стирай!

Б. АЛЕКСЕЕВ

В этом номере на вкладках: репродукции картин И. А. Владимирова «Баррикада на Пресне», Г. К. Савицкого «Бой у Горбатого моста, на Пресне», Н. И. Шестопалова «Разгром помещичьей усадьбы», Н. А. Касаткина «Боевик» и четыре страницы цветных фотографий.

Между прочим

Труды академические

Комиссия французской академии наук работала над составлением энциклопедического словаря. В зал, где происходило заседание, зашел знаменитый натуралист Кювье.

— Рады вас видеть, господин Кювье,— сказал один из сорока членов комиссии.— Мы только что нашли определение одного трудного слова. Оно вполне нас удовлетворяет, но все же мы хотели бы услышать и ваше авторитетное мнение. Мы нашли краткое и точное определение понятию «рак». Вот оно: «Рак — небольшая красная рыба, которая ходит задом наперед».

— Великолепно, господа! — сказал Кювье.— Однако разрешите мне сделать небольшое замечание, опираясь на науку о природе. Дело в том, что рак не рыба, он не красный и не ходит задом наперед. За исключением всего этого ваше определение превосходно.

Перевел с английского П. ОХРИМЕНКО.

ВЫСКАЗЫВАНИЕ МАРКА ТВЕНА

Многие высказывания Марка Твена остались неизвестными читателям. Одно из них, датированное 6 ноября 1886 года, нацарапанное Твеном на клочке бумаги, обнаружено только недавно. Оно приводится в книге американской писательницы Джерри Аллен «Приключения Марка Твена», изданной в США в 1954 году.

«Когда господь создал землю, он объявил ее хорошей. То же самое сказал я относительно своего первого произведения. Но Время, уверяю вас, Время вносит исправления в эти опрометчивые, скорые суждения. Вероятно, создатель думает теперь о земле почти то же, что думаю я о «Простаках за границей». Это факт, что в обоих этих творениях многовато воды».

Ю. СМИРНОВ

Английские пословицы и поговорки

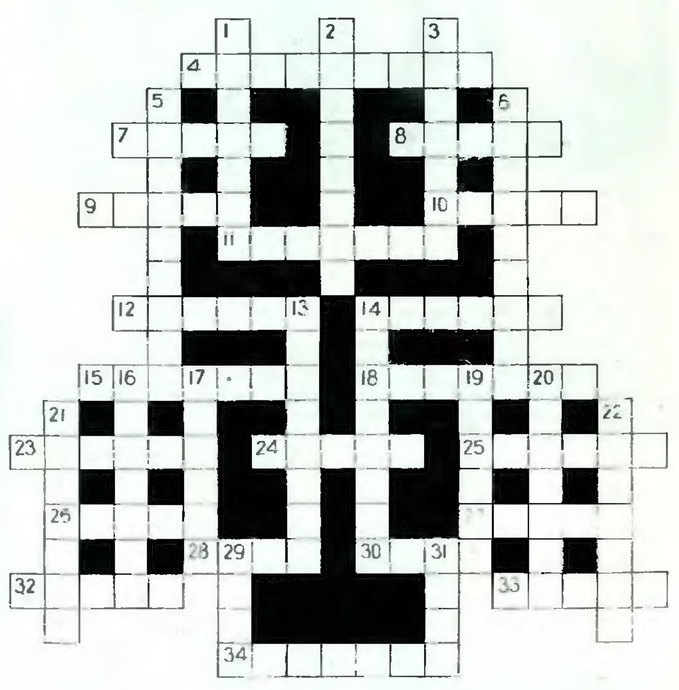
Единственный способ иметь друга — это быть другом.
Мы не ценим воду до тех пор, пока не высохнет колодец.
Один грамм веселости ценнее тысячи килограммов меланхолии.

Чистая совесть не боится обвинений.
Красивая вещь — радость навсегда.
Хороший пример — лучшая проповедь.
В один час можно разрушить то, что создавалось веками.
Осел останется ослом, даже если его нагрузить золотом.
Небольшая течь может привести к гибели большой корабль.

Вежливости открыты все двери.
Пари — доказательство глупца.
Обещай медленно, выполняй быстро.
Лучше потерять якорь, чем весь корабль.
Запоздалый совет — все равно, что дождь после жатвы.
Фальшивый друг хуже, чем открытый враг.
Благодарность — малейшая из добродетелей, неблагодарность — худший из пороков.
Живи не для того, чтобы есть, но ешь для того, чтобы жить.

Перевел П. ФЕДОРОВ.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Коренной переворот. 7. Промышленное предприятие. 8. Растительный мир. 9. Сильный холод. 10. Командир отряда в «Железном потоке» А. Серафимовича. 11. Минерал. 12. Самое глубокое озеро. 14. Центр декабрьского вооруженного восстания 1905 года в Москве. 15. Насыпь в окопе. 18. Советский скульптор. 23. Математическая величина. 24. Часть судна. 25. Декоративное растение. 26. Место впадения реки. 27. Денежная единица в некоторых странах Западной Европы. 28. Строфа из девяти строк. 30. Река в Ленинградской области. 32. Марка чехословацкого автомобиля. 33. Орган государственной власти. 34. Русский сатирический журнал.

По вертикали:

1. Самоотверженность, бесстрашие. 2. Непериодический литературный сборник. 3. Местное наречие. 5. Заграждение. 6. Участник вооруженного отряда рабочих. 13. Прокламация. 14. Броненосец русского Черноморского флота. 16. Аппарат для получения копий. 17. Город и крепость во Франции. 19. Забастовка. 20. Один из центров хлопчатобумажной промышленности в СССР. 21. Выборный представитель. 22. Русский критик, философ-материалист. 29. Укрытие. 31. Стержень со спиральной нарезкой.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали:

5. Конституция. 8. Девиз. 9. Исток. 10. Автономия. 13. Спорт. 15. Актив. 16 Реактор. 17. Солома. 18. Каунас. 20. Житница. 25. Светофор. 26. Элеватор. 27. Орден. 29. Линотип. 30. Анадырь. 31. Гидрография.

По вертикали:

1. Родина. 2. Стадион. 3. Отрывок. 4. Миссия. 6. Митрополитен. 7. Монолитность. 11. Витраж. 12. Игарка. 14. Акын. 17. Саксаул. 19. Свирель. 21. Изотоп. 22. Целина. 23. Соратник. 24. Свидание. 28. Друг.

Изошутка Ю. Черепанова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 05689. Подп. к печ. 7/XII 1955 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 850 000. Изд. № 1025. Заказ № 3079. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В. В. Богаткин. МОСКВА. 1905 ГОД. РАЗДАЧА ОРУЖИЯ НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ.

Цена номера 3 руб.

